С. А. Богданчиков

■ Отечественная историография дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым

Оценки дискуссии между К. Н. Корниловым и Г.И. Челпановым, содержащиеся в работах 20-30-х годов
Дальнейшее изучение дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым: новые факты и оценки в работах 40-50-х годов
60-80-е годы: окончательная схема изложения дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым
Основные черты и тенденции историографии дискуссии между К. Н. Корниловым и Г.И. Челпановым

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов

Дуалистическое и монистическое понимание психики
Обладает ли психика пространственной протяженностью?
Разрешение психофизической проблемы: оценка гипотез параллелизма и взаимодействия

■ Марксизм и психофизическая проблема в дискуссии между К. Н. Корниловым и Г. И. Челпановым

DirectMEDIA

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В 20-е годы в нашей стране происходила широкомасштабная дискуссия о значении марксизма для психологии, о возможности и необходимости построения особой науки – марксистской психологии. Основу этой полемики составляла дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым. В работе представлены результаты историко-научной реконструкции данной дискуссии, показаны ее предпосылки, условия, содержание и динамика. Большое внимание уделено историографии проблемы. Книга рассчитана на психологов и философов, специалистов в области истории науки, на всех интересующихся проблемами истории отечественной психологии.

- Богданчиков С. А.
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ГЛАВА 1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДИСКУССИИ МЕЖДУ К.Н. КОРНИЛОВЫМ И Г.И. ЧЕЛПАНОВЫМ
    -
    - § 1. Оценки дискуссии между К. Н. Корниловым и Г.И. Челпановым, содержащиеся в работах 20-30-х годов
    - § 2. Дальнейшее изучение дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым: новые факты и оценки в работах 40-50-х годов
    - § 3. 60-80-е годы: окончательная схема изложения дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым
    - § 4. Основные черты и тенденции историографии дискуссии между К. Н. Корниловым и Г.И. Челпановым
    - Литература к главе 1
  - ГЛАВА 2. НАУЧНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Г. И. ЧЕЛПАНОВА И К.Н. КОРНИЛОВА ПЕРЕД НАЧАЛОМ ДИСКУССИИ
    -
    - § 1. Научная и педагогическая деятельность Г. И. Челпанова в Киевском университете3
    - § 2. Научные и философские взгляды Г. И. Челпанова перед началом дискуссии с К. Н. Корниловым5
    - § 3. О научных и философских взглядах К.Н.

Корнилова6
- Литература к главе 2
- ГЛАВА 3. ДИСКУССИЯ МЕЖДУ К. Н. КОРНИЛОВЫМ И Г. И. ЧЕЛПАНОВЫМ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ 20-х ГОДОВ
  - § 1. Общая характеристика дискуссии о значении марксизма в отечественной психологии 20-х годов
  - § 2. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г. И. Челпановым: хронология и библиография
  - § 3. О четырех принципах диалектического метода
  - § 4. К вопросу об увольнении Г.И. Челпанова (историография одного факта)8
  - Литература к главе 3
- ГЛАВА 4. МАРКСИЗМ И ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ДИСКУССИИ МЕЖДУ К. Н. КОРНИЛОВЫМ И Г. И. ЧЕЛПАНОВЫМ
  -
  - § 1. Дуалистическое и монистическое понимание психики
  - § 2. Обладает ли психика пространственной протяженностью?
  - § 3. Разрешение психофизической проблемы: оценка гипотез параллелизма и взаимодействия
  - Литература к главе 4
- ГЛАВА 5 ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ДИСКУССИИ МЕЖДУ К. Н. КОРНИЛОВЫМ И Г. И. ЧЕЛПАНОВЫМ
  - § 1. Проблема соотношения психологии и философии
  - § 2. Материализм и идеализм в философии и психологии
  - § 3. Марксистская философия и методы психологии
  - § 4. Социальная психология и марксизм
  - Литература к главе 5
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- ПРИЛОЖЕНИЕ 1.
- ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18

Богданчиков С. А. Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории науки, как и в памяти отдельного человека, есть события прошлого, которые нельзя просто так забыть, вычеркнуть навсегда или сделать вид, что их не было вовсе – в той или иной форме, так или иначе они все равно, как нас убеждает практика психоанализа, находят дорогу к настоящему. Именно к такого рода событиям следует отнести, с нашей точки зрения, тему марксизма в истории отечественной психологии.

Идея о построении особой «марксистской психологии» красной нитью проходит через всю историю отечественной психологии советского периода. Как бы мы сейчас не относились к этой идее или вообще к вопросу о значении марксизма для психологии, в любом случае наши оценки должны быть эмпирически обоснованными. Собственно этим и определяется главная задача данной книги – осуществить адекватную историко-научную реконструкцию истоков марксистской психологии, попытаться выяснить, как там было «на самом деле», показать фактически, с чего все начиналось, чтобы затем уже на этой основе строить суждения и давать оценки.

Разумеется, мы хорошо понимаем, что полемика между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым и по содержанию, и по временным рамкам была только частью проходившей в СССР на всем протяжении 20-х годов обширной общенаучной дискуссии о значении марксизма для психологии. В той или иной мере участниками бескомпромиссных споров (как в устной форме, так и в печати) были М.Я. Басов, В.М. Бехтерев, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, Э.С. Енчмен, Ю.В. Португалов, М.А. Рейснер, В.Я. Струминский, Ю.В. Франкфурт, П.О. Эфрусси и многие другие психологи и представители смежных наук, ставившие и обсуждавшие, впрочем, вопросы не только чисто психологические, но и на стыках психологии с другими науками, областями знания и сферами практики – биологией, физиологией, рефлексологией, педологией, социологией, философией, физикой, политикой, идеологией и т.д. Воссоздать и проанализировать всю эту картину, осуществить многоплановую реконструкцию всего начального этапа развития советской психологии как марксистской науки – ее становления под флагом марксизма в течение 20-30-х годов – тема дальнейших исследований, требующая больших (и, безусловно, коллективных) затрат времени и творческой энергии.

Представленные в данной книге материалы являются результатом наших многолетних историко-научных исследований

проблемы «психология и марксизм». Поэтому вполне естественно, что некоторые из этих материалов в той или иной форме (в виде тезисов или статей) ранее уже нашли отражение в ряде наших публикаций 1991-1999 гг. Основная идея данной книги в развернутом виде впервые прозвучала в 1993 г. в нашей кандидатской диссертации «История проблемы «психология и марксизм» (дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов)», а в сокращенном варианте – в статье «Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в 1923-1927 гг.: схема и факты» (Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6).

Автор считает своим долгом выразить глубокую благодарность доктору психологических наук, профессору кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова Антонине Николаевне Ждан, а также О.В. Гордеевой, В.А. Кольцовой, А.А. Никольской, И.Е. Сироткиной, Е.Е. Соколовой, О.К. Тихомирову, В.В. Умрихину – всем тем московским психологам, чья помощь, поддержка, критические замечания и дружеское участие во многом способствовали появлению на свет данной работы.

С.А. Богданчиков

Саратов, 25 октября 2000 г.

ГЛАВА 1. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДИСКУССИИ МЕЖДУ К.Н. КОРНИЛОВЫМ И Г.И. ЧЕЛПАНОВЫМ

Сударь, я делаю вам официальное предложение: вступить в ряды нашего подразделения корректировщиков истории. Я сразу хочу сказать главное. Это очень жестокая профессия. Она потребует такого напряжения совести, что вы тысячу раз пожалеете о своем согласии. Мы ею занимаемся вынужденно…

А.Г. Лазарчук[1]

Предлагаемый историком вариант реконструкции прошлого приобретает свою истинную ценность, только будучи соотнесенным с тем, что уже было сделано другими исследователями, работавшими в той же области и над той же проблемой. Поэтому прежде чем непосредственно обращаться к работам К.Н. Корнилова и Г.И. Челпанова, мы должны получить ясное представление о том, какое отражение дискуссия между этими учеными нашла в работах отечественных историков психологии, в чем состояли основные тенденции, приведшие к современным представлениям о дискуссии. С этой целью мы предприняли изучение отечественной историографии дискуссии. В поле нашего внимания оказались работы Б.Г. Ананьева, В.А. Артемова, Л.С. Выготского, П.И. Иванова, Г.С. Костюка, Н.К. Индик, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии, А.В. Петровского, С.Л. Рубинштейна, Н.А. Рыбникова, А.А. Смирнова, М.В. Соколова и Б.М. Теплова, опубликованные в 20-80-е годы, т.е. относящиеся к советскому периоду нашей истории; в общем виде мы касаемся и работ, опубликованных в 90-е годы. Все эти работы мы рассматриваем в хронологическом порядке, реконструируя, таким образом, историю изучения дискуссии между Корниловым и Челпановым отечественными исследователями. Мы не затрагиваем работ зарубежных исследователей, считая это

задачей отдельного исследования. Отметим лишь, что в переведенной на русский язык работе [16] ее автор Л. Грэхэм в разделе, специально посвященном психологии, ничего не пишет о дискуссии между Корниловым и Челпановым, упоминая лишь о критике идей Корнилова со стороны В.Я. Струминского [16, с. 169-170].

Данная глава состоит из четырех параграфов. Первые три из них посвящены анализу того, как дискуссия между Корниловым и Челпановым представлена в работах отечественных исследователей, начиная со статьи Л.С. Выготского 1927 г. [13] и заканчивая работой А.В. Петровского 1984 г. [48]; кроме того, в конце третьего параграфа говорится о современных работах, опубликованных на протяжении 90-х годов.

Четвертый параграф является обобщающим, т.к. речь в нем идет об основных чертах и тенденциях историографии дискуссии, выявленных в ходе анализа. По-видимому, некоторые из этих черт и тенденций можно считать присущими отечественной психологической историографии советского периода в целом.

§ 1. Оценки дискуссии между К. Н. Корниловым и Г.И. Челпановым, содержащиеся в работах 20-30-х годов

Первой работой, в которой прозвучала историческая оценка марксистской психологии Корнилова после окончания дискуссии с Челпановым, является, с нашей точки зрения, статья Л.С. Выготского «Психологическая наука», опубликованная в 1928 году в юбилейном сборнике «Общественные науки СССР» [13]. Статью Корнилова, также опубликованную в 1927 г. [32], мы рассматриваем как одну из последних работ, завершающих дискуссию, а работа Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» [14], в которой достаточно много места уделено дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым, заслуживает, с нашей точки зрения, особого рассмотрения, поскольку в свое время она так и осталась рукописью и была опубликована только в 1982 г. (в ходе нашего анализа мы ограничились несколькими высказываниями Выготского из этой работы).

Хотя в статье Выготского «Психологическая наука» [13], как и во многих последующих работах «юбилейного жанра», конкретно о дискуссии речь не идет, тем не менее в ней можно найти оценку первых работ, в которых Корнилов выдвинул свои марксистские идеи и выступил с критикой взглядов Челпанова. Оценивая путь, пройденный советской психологией за десять лет (1917-1927), Выготский писал: «В 1923 г. на Всероссийском съезде по психоневрологии К. Корнилов сделал доклад «Современная психология и марксизм», в котором указал на необходимость применить метод диалектического материализма к психологии … На II Всероссийском съезде по психоневрологии в 1924 г. в Ленинграде были К. Корниловым формулированы основные принципы марксистской психологии, на основе которых началась теоретическая и экспериментальная разработка отдельных психологических проблем. Этим был сделан решительный, исторический поворот в развитии психологии. Психология осознала себя как марксистскую дисциплину. Она сознательно вошла в «железный инвентарь материалистической идеологии», сознательно стала на службу революции. Вместе с тем она вступила на единственный путь, который обеспечивает осуществление психологии как науки» [13, с. 38].

В словах Л.С. Выготского мы видим в целом высокую оценку основной идеи Корнилова – о возможности и необходимости

построения марксистской психологии. Вместе с тем, говоря о том, что Корнилов «защищал» свои новаторские идеи, Выготский не указывает конкретно, против кого и насколько успешно боролся Корнилов. Спорность, дискуссионность при превращении психологии в марксистскую дисциплину подразумевается и принимается как должное, но не уточняется и не анализируется. Сама идея Корнилова дается в предельно общем виде, и у Выготского мы не находим какой-либо критики этой идеи по существу и в деталях. Любопытно, что Выготский не указывает автора слов, поставленных им в кавычки. Скорее всего выражение «железный инвентарь материалистической идеологии» взято из статьи Н.И. Бухарина, который в 1923 г. отмечал: «Исходные методологические пути и результаты исследований проф. Павлова есть орудие из железного инвентаря материалистической идеологии» [12, с. 225].

Тот же, что и у Л.С. Выготского, подход в оценке взглядов Корнилова мы находим и у А.М. Деборина [17], который подчеркивал во взглядах К.Н. Корнилова лишь позитивное и не высказывал каких-либо критических замечаний. В 1927 г. А.М. Деборин писал: «Марксистская психология стремится преодолеть с точки зрения диалектического материализма односторонности как субъективной, так и объективной психологии и дать их синтез» [17, с. 370].

Оценки Выготского и Деборина показательны как выражение официальной точки зрения на теорию Корнилова и соответственно на взгляды его противника – Челпанова. Подчеркнем, что такая точка зрения оставалась неизменной вплоть до начала 30-х годов.

Все последующие исторические работы, в которых так или иначе затрагивается вопрос о марксизме в психологии вообще или только у Корнилова и Челпанова, обязательно исходили из оценок, сформулированных в партийной резолюции 1931 г. «Итоги реактологической дискуссии» [29]. Обойти вниманием «Итоги…» историкам было никак нельзя. Во-первых, это был прежде всего партийный документ, что в сочетании с безымянностью авторов исключало возможность принципиальной ответной критики. Весьма показательно в этом плане, что К.Н. Корнилов в ходе реактологической дискуссии отвечал на критику [33], содержащуюся не в этой резолюции, а в статье одного из ее авторов – А.А. Таланкина [71]. Во-вторых, именно после партийной резолюции марксистская психология (реактология) Корнилова прекратила свое существование.

Главный смысл «Итогов» – этого одиозного, мало– научного, а местами просто безграмотно написанного «произведения»,

удивительным образом сочетающего в себе жанры критической научной работы, «разносной» газетной статьи и «принципиальной» резолюции партийного собрания, – состоял в том, что Корнилову отказывалось в марксизме. Теория Корнилова (уже не «марксистская психология», как ранее, а опять «реактология» или «реактологическая психология») – это «прикрытая марксистскими фразами грубая механистическая теория, перерастающая в меньшевиствующий идеализм, переплетающаяся с ним и выливающаяся в различные формы правого оппортунизма на практике» [29, с. 2].

Авторы резолюции находят всего лишь несколько слов для того, чтобы охарактеризовать все то положительное и правильное, что было сделано К.Н. Корниловым в первой половине 20-х годов. При определении исторических заслуг Корнилова появляется фамилия Г.И. Челпанова: «Исторически реактология сослужила прогрессивную роль в борьбе с реакционно-идеалистической психологией Лопатина, Челпанова и т.п.» [29, с. 34]. Впрочем, связь взглядов Корнилова и Челпанова отмечается в резолюции не только по контрасту, но и по сходству: «Реактология Корнилова выросла на почве эмпирической психологии Челпанова» [29, с. 34]. Последняя характеризуется в резолюции как один из «остатков буржуазно– идеалистических теорий, являющихся прямым отражением сопротивления контрреволюционных элементов страны социалистическому строительству», в связи с чем ставится задача окончательно разгромить и уничтожить эти «остатки» [29, с. 2]. Так что с Корниловым авторам резолюции все ясно, а с Челпановым и «челпановщиной» [29, с. 2] – тем более.

При всех каких только возможно в то время «смертных грехах» (механицизм, оппортунизм, меньшевиствующий идеализм и т.д.) реактология К.Н. Корнилова все же сыграла прогрессивную, т.е. разрушительную роль в борьбе с идеалистической психологией Г.И. Челпанова, – пожалуй, это все, что мы можем найти в резолюции о борьбе Корнилова против Челпанова. Обращает на себя внимание, что у авторов резолюции Челпанов в этой борьбе изначально и имманентно играет негативную, реакционную роль, а Корнилов соответственно – роль прогрессивную. Из такой картины борьбы невольно напрашивается вывод, что, несмотря на все свои недостатки, в 20-е годы Корнилов был лучшим, что мог из себя представлять материализм и марксизм в психологии в борьбе против идеализма Челпанова.

Из чего же исходили и в какой степени были правы авторы резолюции, давая столь суровые оценки взглядам Корнилова? В

общем мы можем сейчас сказать, что эти оценки были следствием механического переноса в психологию оценок, стиля, языка и формулировок из сферы политических, философских, рефлексологических и прочих дискуссий конца 20-х – начала 30-х годов. Резкость оценок резолюции может быть объяснена, что немаловажно, и тем, что к тому времени (к июню 1931 г.) Корнилов уже не был директором Института психологии. Не случайно в резолюции он характеризуется как «бывшее психологическое руководство» [29, с. 3]. В связи с этим стоит привести выдержку из более раннего документа – из газеты «Известия» от 20 ноября 1930 г., где говорится:

«Коллегия НК РКИ предложила Наркомпросу усилить Институт коммунистическим руководством, закрепив за ним определенное ядро научных работников – марксистов по каждому разделу работы» [56]. Следовательно, в ноябре 1930 г. Корнилов был смещен с поста директора. О том, что сразу же после Корнилова какое-то время директором был А.Б. Залкинд, говорится в статье А.М. Эткинда [82]. Мы знаем, что А.Б. Залкинд с конца 1923 или начала 1924 г. входил в коллегию Института [51, с. 245] и в отличие от К.Н. Корнилова был членом партии [24].

Было бы слишком большой честью для авторов резолюции относиться сейчас к их опусу как к серьезной научной работе. При таком подходе, когда исходное описание картины и ролей уже таит в себе конечную оценку, за пределами анализа остается учет конкретных исторических фактов: когда и как началась борьба, каковы были взгляды участников, чем борьба закончилась и т.д. В частности, было бы наивно думать, что в резолюции в плане критики прозвучало откровение относительно ошибок К.Н. Корнилова. Напротив, в собственно научном аспекте резолюция, если отбросить модные в то время политические ярлыки, представляла собой эклектическое собрание всего критического, что говорилось в адрес марксистской психологии Корнилова в предшествующие годы. Разносторонняя (безотносительно к дискуссии с Челпановым) критика марксистских и реактологических идей Корнилова шла на протяжении всего периода 20-х годов [5], [23], [54], [70], [81] и др.

Тем не менее значимость этой резолюции заключается, с нашей точки зрения, в том, что она явилась одним из важных источников в формировании общей схемы изложения дискуссии. Согласно этой схеме (о чем подробно речь пойдет далее в этой главе) дается однозначная оценка Челпанова как идеалиста, метафизика и реакционера, а Корнилова – как относительно прогрессивного, принимается в качестве аксиомы утверждение о

неизбежности победы материализма над идеализмом в психологии и т.д.

В работе А.Р. Лурии [37] мы также не находим конкретного анализа дискуссии между Корниловым и Челпановым. Время после Октябрьской революции 1917 г. Лурия рассматривает как время борьбы «вульгарного материализма естествоиспытателей» против «проявлений всякого идеализма и всякой мистики в науке» [37, с. 27]. В целом Лурия исходит в своей статье из следующей периодизации: до 1917 г. (точнее, даже до 1922) – господство идеалистической психологии (Г.И. Челпанов, А.П. Нечаев, А.Ф. Лазурский, Г.И. Россолимо), в 20-е годы (1922-1931) – господство «механицизма» в психологии (т.е., как мы понимаем, практически всех остальных направлений в лице В.М. Бехтерева, И.П. Павлова, К.Н. Корнилова, П.П. Блонского и т.д., побеждавших и победивших идеализм), после 1931 г. – утверждение подлинно марксистской психологии. Критику концепции Корнилова Лурия проводит с позиций культурно–исторической теории Выготского.

Содержание периода после 1931 г. Лурия раскрывает, недвусмысленно имея в виду научную школу, к которой принадлежал он сам, и положительно оценивая при этом реактологическую дискуссию: «Дискуссия по психологии, проведенная в Московском психологическом институте в 1930-1931 гг., подвела итоги прошлому периоду в развитии психологии и наметила те пути, которые легли в основу ее перестройки. Процессы исторического формирования психики человека перестали после этого быть частными проблемами в ряду других проблем психологии и стали основной позицией, отличавшей советскую психологию ото всех, даже передовых, школ буржуазного Запада» [37, с. 33-34]. Существенным дополнением к этим словам может служить публикация в журнале «Вопросы психологии», в которой, в частности, приведено выступление А.Р. Лурии на реактологической дискуссии (наряду с выступлениями К.Н. Корнилова и А.А. Таланкина) [55].

Немногословен и осторожен в своих оценках и С.Л. Рубинштейн в «Основах психологии» 1935 г. [59]. Не конкретизируя саму проблему, он пишет: «Большой заслугой К.Н. Корнилова перед историей советской психологии является то, что еще в 1923-1924 гг. он выдвинул лозунг: не за старую психологию, а за новую, марксистскую психологию … Попытка К.Н. Корнилова «исходя из учения о реакциях превра-тить всю психологию в реактологию, признавать ее конкретной реализацией марксистской психологии и определить

марксистскую психологию как «синтез» эмпирической и поведенческой психологии сделалась в 1931 г. предметом острой методологической дискуссии» [59, с. 36]. Таким образом, если в резолюции 1931 г. позитивно оценивается лишь факт участия Корнилова в борьбе против Челпанова, а марксизм Корнилова оценивается сугубо негативно (марксизм как фраза для «прикрытия» своих реактологических взглядов), то у Рубинштейна, напротив, марксизм Корнилова оценивается как в принципе правильный, прогрессивный и актуальный лозунг.

Однако уже в работе С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» 1940 г. [60] содержатся более конкретные и жесткие оценки. Попытка Корнилова выдвинуть идею марксистской психологии как реактологии оценивается здесь Рубинштейном уже не как «заслуга», а как «в корне ошибочная» [60, с. 69]. При этом, что характерно, Рубинштейн ставит под сомнение и научный уровень оппонентов Корнилова: дискуссия 1931 г. оценивается как проведенная «на недостаточно высоком теоретическом уровне» [60, с. 69]. Не становясь ни на сторону Корнилова, ни на сторону его оппонентов, Рубинштейн тем самым формулирует собственную точку зрения. Так, Рубинштейн уже не просто сообщает об идее «синтеза», а признает ее «в основе своей ошибочной». Тем не менее итоговая оценка оказывается близкой к оценкам партийной резолюции 1931 г.: Корнилов создал под «лозунгами марксистской психологии эклектическую, грубо механистическую теорию» [60, с. 69]. Факт борьбы Корнилова с Челпановым Рубинштейн отмечает в самом общем виде: «Вступив в борьбу с челпановской школой, отмежевавшись от рефлексологических попыток ликвидировать психологию, Корнилов выдвинул в 1923-1924 гг. лозунг…» и т.д. [60, с. 69]. Вообще о Челпанове Рубинштейн пишет очень мало. Все внимание Рубинштейн сосредоточивает не на начальном этапе развития теории Корнилова (в первой половине 20-х годов), а на том, как эта теория оказалась представленной в ходе реактологической дискуссии 1931 г.

В 1940 г. вышел в свет сорок седьмой том первого издания Большой Советской Энциклопедии, где авторы статьи «Психология» А.Н. Леонтьев и А.Р. Лурия [36] с позиций культурно-исторической теории высказывают критические замечания в адрес К.Н. Корнилова (а также его оппонентов по дискуссии 1931 г.). В этой работе мы впервые обнаруживаем указание на прямую связь двух явлений – идейной борьбы между Корниловым и Челпановым и факта увольнения Челпанова с поста директора института и назначения на этот пост Корнилова [36, с. 524]. В то же время второй психоневрологический съезд и

марксистская борьба на нем не упоминаются вовсе: «На психоневрологическом съезде в 1922 г. [так в тексте. – *С.Б.*] К.Н. Корнилов высказывает положение о необходимости построения психологии на основе диалектического материализма и в 1923 г. вместе с группой психологов, разделяющих эту позицию, становится во главе Московского института психологии, работа которого полностью перестраивается. Задача построения марксистской психологии понимается, однако, в этот первый период очень упрощенно и неверно по существу … Вульгарно–механистическая сущность реактологии была вскрыта в психологической дискуссии в 1930-1931 гг. Давая критику механистической концепции в психологии, эта дискуссия еще не могла достаточно конкретно сформулировать основных положений советской психологии» [36, ст. 524-525]. Характерно, что критическое отношение у А.Р. Лурии и А.Н. Леонтьева к К.Н. Корнилову и его концепции сохранилось вплоть до 70-х годов [см., например, 35, с. 18-19], [38, с. 17-18].

Таким образом, формировавшиеся в 30-е годы две ведущие школы советской психологии – Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна – каждая со своих позиций, но в конечном счете одинаково оценивали в 30-е годы марксистские опыты Корнилова: марксизм у Корнилова – лозунг, фраза, а его реактология из-за своей эклектики и механицизма на самом деле не соответствует марксистским критериям научности. Но при всей резкости оценок взглядов Корнилова ни Рубинштейн, ни Выготский, ни Лурия и Леонтьев, словом, никто даже и не пытался высказаться, насколько же был прав Челпанов, дискутируя с Корниловым.

§ 2. Дальнейшее изучение дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым: новые факты и оценки в работах 40-50-х годов

В статье [4], опубликованной в 1942 г. и посвященной 25-летию революции, В.А. Артемов вводит при изложении дискуссии новые факты и оценки. Характеризуя период «от Октября до конца 1923 – начала 1924 г.», В.А. Артемов дает свое видение происходивших в то время вокруг Г.И. Челпанова и К.Н. Корнилова событий: «В начале этого периода со стороны университетских профессоров психологии происходит попытка приспособить философию марксизма к своим эмпирическим воззрениям. Однако с первых же дней революции борьбу за советскую психологию возглавил К.Н. Корнилов, под руководством которого молодые силы советских психологов столкнулись со своими бывшими учителями (Челпановым, Нечаевым – старыми силами дореволюционных психологов) на московском съезде по психоневрологии 1015 января 1923 г. Победа осталась за молодыми и прогрессивными учеными. Нельзя не сказать о том, что позиция молодых психологов, выступивших против проф. Челпанова и его школы, была прогрессивной относительно, но поскольку постольку она была направлена против старой метафизической психологии, поскольку она резко ломала старые традиции, – в этом ее большая заслуга. Позиция проф. Корнилова, его доводы нередко выглядели марксистскими лишь декларативно, по существу же психологическая теория оставалась немарксистской» [4, с. 25].

Спустя несколько месяцев после появления статьи В.А. Артемова в журнале «Советская педагогика» была опубликована еще одна юбилейная статья – Н.А. Рыбникова [58]. Из этой статьи мы узнаём, что уже в 1923 г. шла критика в адрес Корнилова не только со стороны Челпанова, но и со стороны других психологов – А.П. Нечаева, П.О. Эфрусси. Для особенностей развития отечественной историографии показательно, что Рыбников вступает в спор с П.О. Эфрусси по поводу ее книги [83], вышедшей двадцатью годами (!) ранее.

Как и В.А. Артемов, всю «прогрессивность» Корнилова Н.А. Рыбников видит в борьбе с идеалистической психологией. Указания на созидательные, конструктивные моменты марксистских взглядов Корнилова в изложении и оценках у

Артемова и Рыбникова отсутствуют. Но все же позиция этих авторов по отношению к взглядам Корнилова является более доброжелательной, снисходительной и конкретной, чем позиция Рубинштейна, Леонтьева и Лурии. Последние хотя и говорят о борьбе Корнилова с Челпановым, но никаких подробностей и оценочных суждений по этому поводу не высказывают. Напротив, Артемов и Рыбников позитивно оценивают борьбу и результат – «разгром» Корниловым Челпанова.

С.Л. Рубинштейн в вышедшем в 1946 г. втором издании «Основ общей психологии» [61] дает более подробное, чем ранее, описание идейных корней концепции К.Н. Корнилова. Как и другие авторы, Рубинштейн не использует высказанные Корнилову в резолюции 1931 г. чисто идеологические обвинения типа «меньшевиствующий идеализм», «оппортунизм», «классово враждебные взгляды», «антимарксизм» и т.д. Кроме того, низко оценивая Корнилова и как психолога, и как марксиста, Рубинштейн все же, в отличие от партийной резолюции 1931 г., не выводит взгляды Корнилова за пределы науки вообще. Но по сути своей оценки Рубинштейном взглядов Корнилова по–прежнему совпадают с оценками 1931 г.: теория Корнилова не является марксистской ни по происхождению, представляя собой результат эклектического сочетания бихевиоризма, интроспекционизма и рефлексологии, ни по своему уровню и содержанию ввиду механистичности и антидиалектичности.

С.Л. Рубинштейн отказывает К.Н. Корнилову в звании первого советского психолога-марксиста и даже психолога-марксиста вообще в силу того, что Корнилов, обратившись к марксизму, не изменил своих прежних, ранее сформировавшихся реактологических взглядов; Корнилов только добавил к своей реактологии 1916-1921 гг. марксистские понятия и формулировки. Поэтому он является механицистом, прикрывающим свои реактологические взгляды марксистской фразеологией. При этом Рубинштейн не высказывает каких-либо негативных оценок по поводу борьбы Корнилова и других психологов против Челпанова и идеалистической психологии вообще.

Доклад Б.М. Теплова «Советская психологическая наука за 30 лет», опубликованный в виде брошюры в 1947 г. [72], по существу является первой из всех рассмотренных нами выше серьезной научной работой по истории отечественной психологии советского периода, оставаясь при этом, разумеется, все же в рамках своего времени и жанра «юбилейной статьи». В этой работе много имен, фактов, анализируются различные теоретические взгляды и т.д. Здесь мы впервые узнаём об

основных положениях и аргументах Корнилова по вопросу о марксистской психологии. Но, что примечательно, такого же подробного изложения взглядов Челпанова в споре с Корниловым мы не находим.

Б.М. Теплов в своей работе указывает, что уже в «Реактологии» Корнилов пошел «вразрез с установками Челпанова» [72, с. 11]. Лозунг Корнилова о «полном отделении психологии от философии» и превращении психологии в «естественную науку» Теплов называет «боевым» [72, с. 11]. Дискуссию между Корниловым и Челпановым Теплов описывает как борьбу между «новой, материалистической» и «старой, идеалистической» психологией [72, с. 12]. Эта борьба началась, как пишет Теплов, на первом съезде и была продолжена на втором. При описании хода борьбы Теплов упоминает ряд существенных деталей: «Ожесточенная борьба велась и в печати. Челпанов опубликовал пять полемических брошюр, в которых защищал позиции старой психологии … В конце 1923 г. произошла коренная реорганизация Московского института психологии: во главе его стал К.Н. Корнилов и основной состав его образовали молодые, прогрессивно настроенные работники. Важнейшие положения защитников новой, марксистской психологии были развернуты в ряде программных докладов и статей Корнилова, опубликованных в 1923-1925 гг.» [72, с. 12]. Далее Теплов цитирует основные марксистские положения из докладов Корнилова на первом и втором съездах.

Не замечая (как бы не замечая?) внутренней противоречивости своих оценок, Б.М. Теплов подчеркивает недостаточность положений Корнилова и в то же время утверждает, что именно с их помощью Корнилов победил: «Принятия только этих положений было еще недостаточно для построения подлинной марксистской науки о психике. Да и не все эти положения, как показала дальнейшая работа, были правильно поняты и до конца освоены в то время. Но важнейшие для того момента задачи были решены: открыто идеалистическая психология Челпанова и других была разбита полностью и вышла из борьбы» [72, с. 12].

Свои правильные марксистские лозунги, добавляет Теплов, Корнилов попытался реализовать на материале реактологии. Вследствие этого у него «получилось огромное противоречие между правильно намеченными задачами новой психологии и скуднейшей программой ее конкретного содержания: изучение скорости и силы ответных движений никогда не могло, конечно, привести к разрешению тех больших задач, которые стояли перед советской психологической наукой» [72, с. 13].

В статье Б.Г. Ананьева [2], так же как и в статье Б.М. Теплова, мы встречаемся с утверждением, что К.Н. Корнилов начал свою борьбу с Г.И. Челпановым еще не будучи марксистом. Переход Корнилова из немарксистского состояния в марксистское Ананьев описывает следующим образом: «Реактологические аргументы, выдвинутые первоначально Корниловым, сыграли ничтожную роль в борьбе против старой идеалистической психологии Челпанова. Положение резко изменилось, однако, когда Корнилов выдвинул против Челпанова на первый план уже не «реактологическое», а философско-психологическое оружие – положение о необходимости марксистской перестройки психологии. Борьба против Челпанова приобрела острый и актуальный политический и философский характер, и заслугой Корнилова является чрезвычайная энергия и непоколебимость в этой борьбе …

Сейчас нам хорошо понятно, что положения, выдвинутые в то время Корниловым, не могли правильно решить поставленную им задачу марксистской перестройки психологии» [2, с. 47-48]. Критикуя корниловскую идею «синтеза», Ананьев в то же время отмечает позитивный смысл в идеях Корнилова: «При всем этом, однако, многие из положений, выдвинутых Корниловым, сыграли в то же время важнейшую передовую роль, как настойчиво призывавшие к построению психологии на новой, марксистской основе» [2, с. 48].

Таким образом, Ананьев, как и Теплов, формулирует логически противоречивую позицию: с одной стороны, выдвинутые Корниловым положения «не могли правильно решить поставленную им задачу марксистской перестройки психологии», с другой – эти же положения сыграли «важнейшую передовую роль» [2, с. 48]. Эту двойственность Ананьев пытается устранить или, по крайней мере, объяснить, апеллируя к конкретно-историческим условиям: тогда, в 20-е годы, взгляды Корнилова были прогрессивными, но сейчас, в конце 40-х, мы понимаем несовершенство этих взглядов. При этом вся прогрессивность Корнилова сводится к двум моментам: во-первых, надо было разгромить Челпанова, и Корнилов это сделал; во-вторых, Корнилову удалось этого достичь благодаря лозунгу марксистской психологии. Тем самым неявно подразумевается, что марксизма даже как лозунга хватило, чтобы сокрушить Челпанова, но только значительно позже, в 1931 г., стала ясной недостаточность марксистской психологии Корнилова.

Оценка роли Корнилова в разгроме Челпанова у Ананьева довольно обтекаема: признается «чрезвычайная энергия и непоколебимость в этой борьбе», но устранил Челпанова не

столько Корнилов, сколько некий «стремительный ход развития новой советской психологии» [2, с. 48]. Тем самым Корнилов у Ананьева вовсе не характеризуется, например, как «возглавивший борьбу», а оценивается как представитель лишь одной из сил, разрушивших идеализм в психологии. Обращает на себя внимание, что в самом начале статьи Ананьев особо подчеркивает значение школ Бехтерева и Павлова в борьбе против Челпанова. Как и другие авторы, Ананьев дает весьма суровую оценку марксистским идеям Корнилова, а Челпанова почти полностью третирует. Из статьи Ананьева мы узнаем о существовании «ряда брошюр полемического характера» Челпанова (Теплов и здесь более конкретен, говоря о пяти брошюрах). Конкретный анализ дискуссии (аргументы, цитаты, соотношение сил сторон и т.д.) у Ананьева отсутствует, изложение идет на уровне общих слов. Как и другие авторы, Ананьев в оценках дискуссии идет не «изнутри» ее, а извне, исходя из общего представления о 20-х годах и идеологической расстановке сил в этот период.

Г.С. Костюк в статье [34] указывает, что в 20-е годы в психологии шла критика идеализма, но с позиций устаревшего, домарксистского материализма. При этом рефлексологи «отрицали правомерность самой психологии как науки. Против этой мысли выступил Корнилов, справедливо указывая, что она не имела и не имеет ничего общего с марксизмом, и обосновывая необходимость построения марксистской психологии. В этом его безусловная заслуга перед советской психологией» [34, с. 57]. Эти слова интересно сопоставить с тем, что в статье Ананьева [2] борьба Корнилова против Челпанова рассматривается как часть совместной борьбы, которую вели против Челпанова также школы Павлова и Бехтерева. Подчеркивание Ананьевым в рефлексологии Бехтерева прежде всего прогрессивных черт и сближение в описании борьбы позиций Бехтерева и Корнилова (причем Корнилов вписывается в контекст бехтеревских прогрессивных идей, но не наоборот) нельзя понять, если не учитывать, что до 1931 г., до статьи [1], Ананьев был учеником и последователем Бехтерева.

Как и другие авторы, Г.С. Костюк формулирует тезис о том, что ошибки К.Н. Корнилова стали понятными только к началу 30-х годов. Имея в виду период 20-х годов, Костюк пишет, что «уже под конец этого периода, в год великого перелома, стало ясно, что не только рефлексология, но и реактология, которая выдавала себя за марксистскую психологию, была далека от удовлетворения тех требований, которые были поставлены ей советской жизнью» [34, с. 58]. Впрочем, Костюк бросает упрек и в адрес критиков Корнилова, отмечая, что критика в 1930-1934 гг.

не вскрыла до конца тех антинаучных концепций, которые были заимствованы советскими психологами у буржуазной психологии.

Статья Г.С. Костюка наглядно демонстрирует, как по-разному могут излагаться одни и те же по существу события и взгляды в зависимости от собственной научной биографии историка и от его принадлежности к определенной научной школе.

Статья А.А. Смирнова [64] является важной вехой в истории изучения дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым, поскольку в ней развиваются и уточняются идеи, высказанные ранее Б.М. Тепловым. А.А. Смирнов упоминает книги П.П. Блонского [6] и К.Н. Корнилова [30] как положившие начало борьбе против идеалистической психологии Г.И. Челпанова, а также особо подчеркивает значение 1-го и 2-го психоневрологического съездов и того обстоятельства, что в 1923 г. директором института вместо Челпанова стал Корнилов. Для статьи Смирнова показательна попытка согласовать и примирить оценки марксизма Корнилова в 1923 и 1931 гг. В этой статье впервые (спустя тридцать лет после окончания дискуссии!) цитируются положения и аргументы, которые выдвигал в дискуссии Челпанов.

А.А. Смирнов пишет: «Как показала происходившая в последующем (в 1930 г.) так называемая реактологическая дискуссия, Корнилов, так же как и многие другие советские психологи, допустил в этот первый период развития советской психологии ряд серьезных ошибок механистического порядка (одной из них, несомненно, была и его попытка заменить психологию реактологией). Но это нисколько не мешает признать, что задачей, которую он перед собой ставил, было создание диалектико-материалистической психологии. Ошибки, допущенные им и другими, указывают лишь на большие трудности, возникавшие на этом пути из-за недостаточного еще овладения советскими психологами марксистской философией. Главой идеалистического лагеря, с которым Корнилов и его единомышленники вели острую борьбу, был Челпанов. Его позиция характеризовалась следующим: он не ратовал открыто за идеализм в психологии (признаваясь, однако, в том, что оставался все же идеалистом в философии), но всячески старался спасти старую, идеалистическую психологию и с этой целью пытался, хотя и безнадежно, доказать недоказуемое, а именно, что господствовавшая до того времени так называемая эмпирическая психология будто бы не состоит в противоречии с марксизмом. Психофизический параллелизм, лежащий в основе «эмпирической» психологии, по словам Челпанова, есть якобы учение материалистическое. Больше того, Челпанов утверждал,

что, по его мнению, «в философии Маркс был монист, при построении же психологии, согласующейся с идеологией марксизма, совершенно нет никаких оснований стремиться к какому бы то ни было философскому монизму, а достаточно оставаться на почве эмпирического дуализма» [67, с. 66].

Как позитивное следует отметить, что в этих словах мы видим достаточно подробное изложение взглядов Челпанова, хотя и без указания источников. Далее в статье даже упоминаются две работы Челпанова [79], [80]. В качестве вывода Смирнов указывает, что позиция Челпанова «сразу же была разоблачена как вопиющее искажение марксизма, и Челпанову ничего не оставалось, как вскоре же полностью сложить оружие и отойти от дальнейшей борьбы» [67, с. 66-67]. Так было нанесено «решительное поражение идеалистической психологии» [67, с. 67]. А.А. Смирнов подчеркивает быстротечность дискуссии и, кроме уже встречавшегося нам ранее показателя успеха Корнилова (смещение Челпанова с поста директора), указывает на второй критерий победы, когда пишет, что Челпанов «отошел от дальнейшей борьбы», т.е., как мы понимаем, замолчал, перестал публиковаться. Однако анализа дискуссии между Корниловым и Челпановым в статье мы не находим. У Смирнова получается, что Корнилов боролся не столько с Челпановым, сколько с идеалистической психологией вообще. Точно так же Челпанов боролся не столько с Корниловым, сколько с марксистской психологией вообще, выступая против введения марксизма в психологию в принципе.

Показательно, что в статье можно встретить высказывания Корнилова конкретно против Челпанова, но высказываний Челпанова конкретно против Корнилова нет. Челпанов и Корнилов оцениваются не в ходе полемики, не в сравнении и сопоставлении между собой, а по отдельности. Смирнов с точки зрения своего времени вначале дает оценку взглядам Корнилова, а затем – Челпанова. Общий, неконкретный подход к дискуссии и ее результатам виден в статье Смирнова в словах о том, что «позиция Челпанова была разоблачена», «Челпанов сложил оружие» и т.д.

В статье Н.К. Индик [28] изложение по интересующему нас вопросу идет по уже ставшей, видимо, к тому времени привычной логической цепочке: прогрессивная и успешная борьба Корнилова против Челпанова как часть борьбы «на два фронта», затем скрытый механицизм и другие ошибки и пороки Корнилова как реактолога и, наконец, реактологическая дискуссия 1931 г. Весь период 20-х годов определяется автором статьи как «идеологическое оформление советской психологической науки

на базе марксистской методологии» [28, с. 68].

Некоторые дополнительные подробности и оценки борьбы Корнилова против Челпанова можно найти в статье П.И. Иванова [26]. Позицию Челпанова в споре Иванов определяет вполне традиционно: «Критика эмпирической психологии должна была быть особенно активной ввиду того, что представители этой психологии, как и вообще идеалистической философии, не сразу сдали свои позиции. Так, проф. Челпанов в своих выступлениях пытался доказать, что эмпирическая психология не противоречит марксизму. Челпанов утверждал, что когда К. Маркс и Энгельс касались вопросов психологии, то они всегда имели в виду эмпирическую психологию, представителем которой является он – Челпанов» [26, с. 11].

Из рассмотренных выше работ мы уже знаем о двух критериях победы Корнилова над Челпановым. Это, во-первых, увольнение в конце 1923 г. Челпанова на пенсию и назначение на этот пост Корнилова и, во-вторых, тот факт, что Челпанов «замолчал» и «сложил оружие». П.И. Иванов, подводя итоги борьбы в психологии на два фронта, указывает третий критерий: «Эмпирическая психология в том виде, как она сложилась перед революцией, можно сказать, прекратила свое существование. Эмпирическая психология была окончательно вытеснена как предмет преподавания» [26, с. 12-13].

Из высказываний П.И. Иванова хорошо видно, что несогласованность мнений отечественных исследователей относительно мнения об источниках и содержании взглядов Корнилова во многом определяется субъективностью и эклектичностью этих взглядов. Так, указывая источники теории Корнилова, Иванов видит их не столько в эмпирической психологии, сколько в объективной психологии: «На самом деле уже в самом понимании предмета психологии Корнилов исходил из того же определения, которое давалось бихевиористами и рефлексологами» [26, с. 13]. Это не мешает Иванову несколько ниже указывать в качестве основной заслуги Корнилова борьбу с … рефлексологией: «Проф. Корнилов, возглавлявший в то время борьбу за построение новой психологии, не обошелся без ошибок, но его исторической заслугой является то, что он в период бурного натиска со стороны бихевиористов и рефлексологов боролся и сумел отстоять самостоятельность науки психологии» [26, с. 17].

Немного нового о дискуссии мы можем узнать из обзорной статьи М.В. Соколова [68]. Необходимость борьбы против Челпанова Соколов обосновывает тем, что еще до революции Челпанов боролся против материализма. Автор указывает, что в

начале 20-х годов под флагом материализма против идеалистической психологии Челпанова выступали Блонский, Бехтерев и Корнилов. При этом «наиболее действенную роль в борьбе с челпановской психологией сыграл Корнилов, хотя его собственная позитивная программа страдала серьезными теоретическими ошибками и в дальнейшем была подвергнута острой критике» [68, с. 632]. Далее Соколов непосредственно ссылается на материалы реактологической дискуссии 1931 г.

Для понимания общей тенденции отечественной историографии в оценке К.Н. Корнилова и его дискуссии («борьбы») с Г.И. Челпановым характерны высказывания С.Л. Рубинштейна, сделанные в конце 50-х годов [62]. Резко, как и раньше, отзываясь о марксистских и психологических идеях Корнилова, Рубинштейн пишет: «Когда наступил советский, послеоктябрьский период, не оказалось у нас психологов, которые шли бы от Сеченова, тогда как оказалось немало психологов, которые шли от Челпанова, которые – даже если они, как Корнилов и другие, последовавшие за ним – прошли через его школу и так или иначе были его учениками» [62, с. 247].

К этим словам Рубинштейн делает примечание, где критически оценивает взгляды Корнилова еще с одной стороны: «В 20-х годах, когда в нашей психологии, боровшейся со старым интроспекционизмом, нарастали механистические поведенческие тенденции, в психологической литературе (у Корнилова, Блонского, Выготского) встречаются нередко ссылки на Сеченова: его мысли трактуются механистически и привлекаются как опора для механистических тенденций того времени» [62, с. 247, прим.].

Критикуя идею Корнилова о марксистской психологии (реактологии) как синтезе объективной и субъективной психологии, Рубинштейн подчеркивает, что Корнилов все же оставался при этом «в рамках механистической поведенческой концепции» [62, с. 250]. Этих оценочных суждений было бы достаточно, чтобы прийти к выводу, что Рубинштейн при оценке взглядов Корнилова остался на позициях 1946 г., – если бы Рубинштейн не сделал весьма характерное уточнение. А именно, в примечании Рубинштейн пишет:

«Эта критика того понимания «синтеза» интроспективной и бихевиористской концепции, посредством которого Корнилов хотел реализовать построение психологии, разрабатываемой с марксистских позиций, не означает, конечно, что мы не видим той исключительно большой роли, которую сыграл Корнилов на начальных этапах становления советской психологии, и недооцениваем тот факт, что Корнилов ориентировался на

построение психологии, базирующейся на принципах диалектического материализма» [62, с. 250]. Мы полагаем, что эти слова Рубинштейна отражают его частичный компромисс с постепенно побеждающей точкой зрения Теплова и Смирнова на марксистскую психологию Корнилова.

§ 3. 60-80-е годы: окончательная схема изложения дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым

Окончательно сложившаяся в 60-80-е годы схема изложения дискуссии между Корниловым и Челпановым выражена в работах Е.А. Будиловой [11], А.В. Петровского [45], [46], [47], [48], А.А. Смирнова [64], [65] [66], Б.М. Теплова [73], в кандидатской диссертации и статьях Л.М. Цыплёнковой (Орловой) [43], [44], [77], [78], работах М.Г. Ярошевского [84], [85] и в ряде других работ. В этот период наиболее весомый вклад в изучение дискуссии между Корниловым и Челпановым внесли работы Б.М. Теплова, А.В. Петровского, Е.А. Будиловой и А.А. Смирнова.

По своей проблематике (борьба за марксизм в психологии) и по рассматриваемому периоду (1923-1925 гг.) для нас прежде всего представляет интерес статья Б.М. Теплова [73]. В этой статье, помещенной в сборнике, посвященном памяти К.Н. Корнилова, Б.М. Теплов развил свои основные идеи, высказанные еще в 1947 г. [72], а также обобщил уже имевшиеся к концу 50-х годов исследования, касающиеся идейной борьбы в советской психологии первой половины 20-х годов. Вкратце остановимся на основных положениях этой статьи.

Б.М. Теплов подчеркивает, что К.Н. Корнилов в 20– е годы боролся за те марксистские положения, которые теперь «являются самоочевидными истинами, вошедшими во все наши учебники психологии» [73, с. 8], причем боролся на два фронта – с рефлексологами и с «защитниками идеалистической психологии» [73, с. 8]. Теплов характеризует Челпанова как «директора крупнейшего психологического института, видного представителя идеалистической, т.е. основанной на самонаблюдении, психологии», «официально возглавлявшего» в начале 1923 г., когда происходил первый всероссийский психоневрологический съезд, «психологический фронт» [73, с. 9].

Как и в статье 1947 г., Теплов указывает, что борьба против Челпанова происходила и до революции, а «с 1921 г. начался «взрыв» челпановской школы изнутри: два его ученика, Блонский и Корнилов, независимо друг от друга выступили с книгами, в которых была объявлена открытая война против идеалистической, субъективистской психологии» [73, с. 9-10]. «Учение о реакциях» Корнилова Теплов оценивает двойственно – как «свидетельство искреннего и горячего желания автора порвать с традиционной идеалистической психологией», но в то

же время, добавляет Теплов, «эта книга (несмотря на наличие в ней ценного экспериментального материала) говорит о неподготовленности Корнилова к решению тех больших теоретических и практических задач, которые он перед собой поставил» [73, с. 10-11]. Причину такого положения дел Теплов видел в том, что Корнилов философию марксизма «знал еще слабо и поэтому не имел фундамента, на котором он мог бы построить новую психологию» [73, с. 11].

Одна из основных идей Теплова при оценке Корнилова заключена в следующих словах: «Предисловие к «Учению о реакциях» подписано в июне 1921 г. Прошло полтора года, и в январе 1923 г. Корнилов делает доклад, который по своему теоретическому уровню настолько выше «Учения о реакциях», что невольно изумляешься огромной теоретической работе, проделанной автором за это короткое время» [73, с. 11]. Эта идея Теплова (впервые прозвучавшая у него в работе 1947 г. и тогда же и у Ананьева) заключается в противопоставлении Корнилова-механициста (в 1921 г.) Корнилову-марксисту (в 1923 г.). Тем самым тезис о борьбе между материализмом и идеализмом у Теплова при изучении 20-х годов получает законченное персонифицированное выражение: Челпанов был идеалистом, а Корнилов – материалистом и марксистом. После этого Теплов идет дальше, стремясь показать и доказать это на примере решения Корниловым и Челпановым отдельных психологических проблем. Теплов, в частности, положительно оценивает борьбу Корнилова с дуализмом, поясняя, что «борьба за монистическое понимание предмета психологии была направлена против представителей идеалистической психологии, активным защитником которой выступал тогда Челпанов» [73, с. 12]. Особо Теплов подчеркивает, что Корнилов боролся против Челпанова за марксистское понимание психики [73, с. 13].

Однако по всем «марксистским аксиомам», которые приводятся Тепловым, мы не встречаем изложения ответных аргументов Челпанова. Ясно только, что Корнилов говорил правильно, а Челпанов был против (и потому был неправ). Только в вопросе о пространственности (пространственной протяженности) психических процессов Теплов непосредственно сопоставляет утверждения Челпанова и Корнилова [см. 73, с. 15]. Далее Теплов приводит точку зрения Корнилова на вопросы о методах психологии, общественной сущности человеческой психики, практической направленности психологии и т.д., но мы нигде уже больше не встречаемся с точкой зрения Челпанова по этим же вопросам.

Для доказательства соответствия марксизму научных

взглядов Корнилова Теплов использует следующую методику. Он берет во внимание не всю марксистскую психологию Корнилова (в 1923-1931 гг.), а только его работы 1923-1925 гг., фактически только второе издание сборника его статей [31]. Более того, судя по цитатам, Теплов рассматривает в этом сборнике не все статьи, а только первую и последнюю. Но даже в этих статьях Теплов вынужден констатировать ошибки и просчеты в рассуждениях и выводах Корнилова. Естественно, при этом уже нет речи о динамике взглядов Корнилова. В результате такого многоэтапного «просеивания» у читателя должно остаться обещанное в самом начале все ценное, что внес Корнилов – марксистские положения, ставшие «самоочевидными истинами». Реально же дело в итоге сводится к нескольким марксистским цитатам о психике и сознании.

Свои оценки Б.М. Теплов соотносит с оценками партийной резолюции 1931 г.: «Психологическая концепция, развивавшаяся Корниловым в 20-х годах, была подвергнута во многом справедливой критике на так называемой «реактологической дискуссии» (1930-1931 гг.) и впоследствии в ряде книг и статей советских психологов. С другой стороны, не раз подчеркивалась выдающаяся роль Корнилова в развернувшейся в 20-х годах борьбе за перестройку психологии на основах марксизма» [73, с. 19]. Как видим, таким нехитрым способом – с помощью слов «с одной стороны, с другой стороны» – Теплов, подчеркивая заслуги Корнилова как первого советского психолога-марксиста, стремился избежать противопоставления своих оценок оценкам партийной резолюции 1931 г.

Тема статьи позволила Теплову более подробно, чем кому-либо ранее, раскрыть систему взглядов К.Н. Корнилова в соотношении с взглядами Г.И. Челпанова. Именно здесь, в статье 1960 г., оценка Корнилова как первого советского психолога–марксиста (а Челпанова соответственно как последнего психолога-идеалиста) приобрела законченный вид – если не в деталях, то в общем, как схема. Последующие авторы (А.В. Петровский, Е.А. Будилова, А.А. Смирнов и другие) руководствовались в этом вопросе статьей Б.М. Теплова как образцом, беря ее за точку отсчета.

Основные постулаты Теплова по поводу Корнилова и, следовательно, всей борьбы между Корниловым и Челпановым можно свести к нескольким утверждениям.

К.Н. Корнилов – первый советский психолог– марксист, и в этом его историческая заслуга перед советской психологией. Корнилов боролся за новую, научную, марксистскую психологию, а Г.И. Челпанов защищал, наоборот, старую, идеалистическую,

метафизическую психологию и был против введения марксизма в психологию. Корнилов боролся против Челпанова и победил благодаря «грозному оружию» – марксизму. Дискуссия между Корниловым и Челпановым была недолгой: Корнилов выдвинул свои марксистские взгляды и Челпанов вскоре потерпел поражение. Корнилов был психологом-марксистом, совершавшим механистические ошибки. Недостаточность марксистских познаний Корнилова объясняется тем, что он шел неизведанным путем, делал первые шаги в освоении марксизма. Кроме того, окружавшие Корнилова философы давали ему искаженное представление о марксистской философии. Корнилов до 1921 г. был реактологом и механицистом, не знавшим марксизма. Но в 1923-1925 гг. он уже стал психологом, вооруженным марксизмом, выдвигающим правильные марксистские лозунги в психологии. В 1926 г. (и, по– видимому, далее вплоть до 1931 г.) Корнилов пытался с помощью реактологии конкретизировать марксистские идеи, но без успеха. В частности, его учебник психологии явился «шагом назад по сравнению с ранее написанными статьями» [73, с. 19].

Как и все предыдущие авторы, Теплов рассматривает в качестве закономерного и естественного результата дискуссии то, что Корнилов сменил Челпанова на посту директора института психологии, т.е. организационные и административные меры являлись прямым, закономерным следствием победы Корнилова над Челпановым в области теории.

В статье Теплова мы видим тот метод изложения дискуссии, который затем получит дальнейшее развитие в работах А.В. Петровского, Е.А. Будиловой, А.А. Смирнова и других авторов: хотя и признается, что у К.Н. Корнилова главным оппонентом был Г.И. Челпанов, их борьба, их дискуссионный диалог излагается, разъятый на две части: в одном месте излагаются взгляды Корнилова, в другом – Челпанова. Получается, что не столько Корнилов и Челпанов оценивают друг друга в ходе спора, сколько Теплов оценивает Корнилова и Челпанова, споря или соглашаясь с ними. Естественно, что в такой форме дискуссия практически не реконструируется, поскольку с самого начала все ясно: Корнилов – прогрессивный психолог-марксист, и уже поэтому, несмотря на все оговорки относительно его понимания и использования марксизма, он должен победить. Напротив, Челпанов – психолог-идеалист, представитель «старой» психологии, и уже поэтому он был обречен на поражение.

И все же статью Теплова можно считать одним из существенных вкладов в изучение не только взглядов Корнилова, но и взглядов Челпанова на проблему «психология и марксизм».

Теплов явился первым, кто в конкретном историческом исследовании попытался изучить борьбу Корнилова (не только с Челпановым) в первой половине 20-х годов. Теплову удалось выйти на более высокий уровень анализа благодаря непосредственному обращению к первоисточникам – работам Челпанова и Корнилова. Большая историческая и теоретическая конкретность была достигнута Тепловым благодаря значительному сужению хронологических (1923-1925 гг., а не 20-е годы в целом) и содержательных рамок исследования (изучение борьбы за марксизм, а не всей совокупности психологических взглядов Корнилова и Челпанова).

В статье 1960 г. Б.М. Теплов впервые выдвинул и развил тезис о большой исторической значимости марксистских работ Корнилова 1923-1925 гг., что, по существу, входило в противоречие с оценками партийной резолюции 1931 г. Теплов также наметил путь изучения дискуссии, сопоставляя аргументы и контраргументы сторон. Кроме того, Теплов поставил вопросы о предпосылках, условиях, динамике и значении дискуссии и попытался ответить на эти вопросы.

В целом Теплову в значительной степени удалось подняться над ограничениями сложившегося к тому времени стереотипа в оценке идейной борьбы в советской психологии в 20-е годы.

А.В. Петровский в работах [47], [48] развил и конкретизировал те оценки К.Н. Корнилова, Г.И. Челпанова и дискуссии между ними, которые ранее были высказаны в работах Б.М. Теплова [72], [73], А.А. Смирнова [64] и других авторов. А.В. Петровский подробно излагает дискуссию по проблеме «психология и марксизм» на первом и втором психоневрологических съездах [48, с. 83-98]. Кроме того, к оценке взглядов Корнилова Петровский возвращается при изложении реактологической дискуссии 1931 г. [см. 48, с. 130-135], но уже естественно без соотнесения со взглядами Челпанова. По поводу позиции Челпанова автор указывает: «Основная задача, которую преследовал Челпанов в полемике, происходившей в период первых съездов по психоневрологии, сводилась к следующему: не допустить осуществления "реформы психологии в согласии с идеологией марксизма"» [48, с. 84].

Затем А.В. Петровский приводит приемы и аргументы Г.И. Челпанова, направленные на то, чтобы «преградить марксизму путь в психологию» [48, с. 84], и показывает их реакционную сущность [48, с. 84-88]. Подчеркнем, что при этом точка зрения Корнилова по тем же вопросам не приводится. Сопоставления нет. С Челпановым полемизирует не Корнилов, а сам А.В. Петровский. Свой анализ А.В. Петровский заканчивает словами:

«Г.И. Челпанову не удалось остановить начавшийся процесс проникновения марксизма в психологическую науку, несмотря на всю его хитроумную тактику борьбы» [48, с. 88].

Общий результат борьбы А.В. Петровский оценивает в пользу К.Н. Корнилова, хотя при этом не может избежать двойственности при оценке концепции Корнилова (с одной стороны, Корнилов был марксистом, с другой – реактологом и плохо знал марксизм):

«Трудности развития советской психологии, которые отчетливо выявились в период борьбы на два фронта – против идеализма и механистического материализма – и которые усугублялись рядом теоретических ошибок Корнилова и некоторых других психологов, сотрудничавших с ним, ни в коей мере не могут заслонить значения борьбы последних с идеализмом Челпанова. Эта борьба была с успехом завершена психологами-марксистами в период Первого Всероссийского съезда по психоневрологии и последовавшей реорганизации Московского психологического института. Начиная с 1923 г., советская психология, освободившись от влияния челпановского эмпиризма и усваивая диалектико-материалистическую методологию, сознательно ставит перед собой задачу построения марксистской психологии» [48, с. 93].

При оценке взглядов Корнилова в соотношении со взгляда ми Челпанова А.В. Петровский следует схеме Б.М. Теплова [48, с. 91-92]. При этом А.В. Петровский соглашается, что взгляды К.Н. Корнилова в 1921 г., изложенные в «Учении о реакциях», носили вульгарно– материалистический характер, но на первом съезде Корнилову «в значительной степени» удалось освободиться от своего наивного материализма [48, с. 92], и в споре с Челпановым Корнилов отстаивал марксистское понимание психики как «свойства наиболее организованной материи» [48, с. 92].

Как и Теплов, доказательство правильности утверждения Корнилова о пространственности психических процессов (в противовес утверждению Челпанова о непространственности) Петровский видит в совпадении мысли Корнилова с пониманием психики как пространственного явления у Павлова.

Таким образом, А.В. Петровский при изложении полемики между Корниловым и Челпановым не внес никаких принципиальных изменений в метод ее изложения и оценки. Петровский только более полно и детально, но по отдельности и вне связи друг с другом, изложил и оценил аргументы и логику сторон. Дискуссионность, диалогичность вопроса о значении марксизма для психологии у Петровского по сравнению с Тепловым не получила дальнейшего развития.

Е.А. Будилова в своей монографии [11] при изложении

начального периода развития советской психологии во многом опирается и прямо ссылается на предшествующие работы Теплова и Петровского. Как и другие авторы, Е.А. Будилова указывает, что Корнилов вступил в полемику с Челпановым еще до 1923 г.: «В 1922 г. вышла книга Корнилова «Учение о реакциях человека», в которой он требовал полного отделения от идеалистической философии. Эта книга отколола Корнилова от школы Челпанова» [11, с. 12]. Затем Будилова рассказывает о первом и втором съездах по психоневрологии [11, с. 12-13], напрямую увязывая идейную борьбу с организационными выводами: «К.Н. Корнилов, последовательно боровшийся против идеалистической психологии, которую отстаивал Г.И. Челпанов, сплотил для этой борьбы большую группу молодых психологов, стремившихся к построению марксистской психологии … В 1923 г. Челпанов был отстранен от руководства Институтом экспериментальной психологии. Директором его стал К.Н. Корнилов. Институт объединил московских психологов, начавших создание новой психологии» [11, с. 12-13].

По традиционной схеме Е.А. Будилова описывает борьбу Челпанова в ходе дискуссии: «Отстраненный от руководства Институтом экспериментальной психологии Челпанов наступал на материалистическую психологию, надеясь приспособиться к новому времени и восстановить былую силу идеализма. Идти открыто против марксизма стало невозможно. И он принялся маскировать под марксизм старые взгляды. Одну за другой он публикует в частных издательствах полемические брошюры, в которых «согласовывает» психологию с марксизмом. Но попытки его терпели неудачу – устои идеалистической психологии были подорваны» [11, с. 14].

Непосредственное сопоставление взглядов Корнилова и Челпанова мы находим в книге Е.А. Будиловой в первой главе, где идет речь об основных положениях и аргументах Корнилова: психика как свойство наиболее организованной материи [11, с. 31], борьба за материализм в психологии против идеализма Челпанова [11, с. 32]. Приведя высказывания Челпанова о том, что психология никак не может быть идеалистической, что марксистской может быть только социальная психология, что Маркс в своих воззрениях на природу психики следовал принципу психофизического параллелизма, Будилова констатирует, что «К.Н. Корнилов, П.П. Блонский и другие психологи не замедлили изобличить Челпанова не только в извращении марксизма, но и искажении приводимых цитат» [11, с. 33]. Е.А. Будилова указывает и на некоторые достижения Челпанова в полемике, правда, не с Корниловым, а с рефлексологами: «В полемике

Челпанов умело использовал промахи и ошибки своих противников. Ошибка рефлексологии и других поведенческих теорий состояла в том, что они отбрасывали проблему сознания. И Челпанов был прав, когда квалифицировал отрицание сознания как позицию механистического материализма» [11, с. 34]. Описание поражения идеализма в психологии Будилова заключает выводом: «Приспособленчество Челпанова никого не обмануло, и его попытки прикрыть идеализм фразами о независимой от философии эмпирической психологии потерпели неудачу» [11, с. 34].

Реактологические и марксистские взгляды Корнилова Будилова воспроизводит и оценивает без какого– либо соотнесения со взглядами Челпанова по тем же вопросам [11, с. 35-39]. В своих выводах Будилова опирается на цитированные нами выше слова Теплова относительно противоречия у Корнилова между правильно намеченными задачами и «скуднейшей программой» их реализации [11, с. 39]. Обращаясь к вопросу о социальной психологии в дискуссии, Будилова приводит ряд цитат из книг Корнилова и Челпанова [11, с. 78-83]. Однако и здесь мы не видим реконструкции возникшей между Корниловым и Челпановым дискуссии по этому вопросу.

В изучение и реконструкцию дискуссии в целом между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым, в ее оценки Е.А. Будилова не внесла, как и А.В. Петровский, каких-либо принципиальных изменений. В то же время стоит отметить, что Е.А. Будиловой в значительной мере удалось продвинуться в деле конкретизации схемы изложения и оценки дискуссии.

В монографии А.А. Смирнова [66] изложение взглядов Корнилова и Челпанова и дискуссии между ними примерно то же, что и у А.В. Петровского и Е.А. Будиловой. Сведения о полемике между Корниловым и Челпановым мы находим в главах, посвященных первым годам после революции (1917-1922) и идейной борьбе в 20-х – начале 30-х годов. Кроме того, взгляды Корнилова рассматриваются в связи с изложением результатов реактологической дискуссии 1931 г. [66, с. 179, 182], а также в главе об основных направлениях исследований советских психологов в 20-30-е годы [66, с. 185-186].

А.А. Смирнов достаточно подробно и без особых комментариев излагает основные положения докладов Корнилова на первом и втором психоневрологическом съездах, затрагивая при этом и другие статьи из сборника Корнилова [66, с. 137-139]. После этого излагаются и оцениваются взгляды Челпанова на проблему «психология и марксизм» [66, с. 139-140]. Сопоставления взглядов сторон и, следовательно, реконструкции

дискуссии и здесь не проводится.

А.А. Смирнов ясно определяет исходную установку Челпанова в дискуссии: «Борьба, которую вел Челпанов против идеи построения марксистской психологии, против первых попыток разработать ее основы, нашла свое отражение в пяти брошюрах, опубликованных им в 1925-1927 гг.» [66, с. 139]. При оценке итогов борьбы Смирнов пишет, что, «уступая» марксизму социальную психологию, Челпанов «ценой этого старался сохранить за идеализмом всю прежнюю, индивидуальную (т.е. фактически всю общую) психологию. Такая позиция не получила общественной поддержки, и Челпанов вынужден был сложить оружие, прекратить борьбу. Советская психология начала успешный путь своего развития» [66, с. 140].

Смирнов подчеркивает, что спустя два года после публикации «Учения о реакциях» Корнилов, выступая на первом психоневрологическом съезде, занял «диаметрально противоположную позицию» [66, с. 143] в вопросе о соотношении психологии и философии.

Однако, если Корнилов «перешел от отрицания необходимости связи психологии с философией к признанию ее, то Челпанов, наоборот, от признания закономерности связи перешел к ее отрицанию» [66, с. 144].

Тем самым Смирнов вслед за Тепловым, Петровским и Будиловой указывает на значительное изменение взглядов Корнилова в период с 1921 по 1923 год.

А.А. Смирнов также отмечает «огромную историческую заслугу» К.Н. Корнилова в том, что тот «первым из советских психологов» осознал, «что основой научной психологии должна быть философия марксизма», и указывает при этом: «Борясь за создание марксистской психологии, Корнилов допустил, однако, некоторые ошибки механистического порядка, справедливо подвергнутые критике в последующее время – в период важнейших теоретических дискуссий, происходивших в советской психологической науке в конце 20– х – начале 30-х годов. Содержание этих ошибок будет указано в дальнейшем в разделе, специально посвященном этим дискуссиям» [66, с. 147].

Во многом соглашаясь с результатами дискуссии 1931 г. (К.Н. Корнилов – механицист и т.д.), А.А. Смирнов все же выступает против слишком резких оценок корниловской концепции:

«Когда в дальнейшем развернулась реактологическая дискуссия, отнюдь не все критические замечания в адрес Корнилова были справедливы» [66, с. 182].

Таким образом, схема изложения дискуссии в работе А.А. Смирнова остается той же, что и у Б.М. Теплова, А.В. Петровского

и Е.А. Будиловой, только вводятся в оборот некоторые новые факты, работы, цитаты.

В заключение следует сказать о том, как дискуссия между Корниловым и Челпановым представлена в работах современных отечественных исследователей. Новые интересные подробности и оценки по интересующей нас проблеме содержатся в работах Г.М. Андреевой [3], А.Н. Ждан [19], [20], [21], [22], В.П. Зинченко [25], Т.Д. Марцинковской и М.Г. Ярошевского [39], А.А. Никольской [40], [41], А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [49], [50], И.Е. Сироткиной [63], Е.Е. Соколовой [69], В.В. Умрихина [74], [75], [76], М.Г. Ярошевского [86], [87], в коллективной монографии «Психологическая наука в России XX столетия» [52], в опубликованных архивных материалах и воспоминаниях [15], [27], [55], в материалах дискуссий по проблеме «психология и марксизм» [42], [53] и др. Однако, если не брать во внимание цикл наших исследований, специально посвященных содержательному аспекту дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым [7], [8], [9], [10], то следует констатировать, что с середины 80-х годов до настоящего времени ситуация с изучением дискуссии между Корниловым и Челпановым в содержательном плане изменилась незначительно; в то же время следует признать, что в оценочном плане практически у всех авторов перечисленных работ произошла радикальная смена установок прежде всего, как мы понимаем, в силу изменений в общих (теоретических, философских и идеологических) критериях оценки событий 20-х годов.

Наиболее важный сдвиг, произошедший в последнее десятилетие в схеме изложения и оценки дискуссии между Корниловым и Челпановым, заключается, судя по указанным работам, в отказе от тезиса о прямой связи между результатами дискуссии и увольнением Челпанова. При этом на основе новых данных (главным образом – архивных материалов) в современных работах подробно рассматривается прежде всего идеологическая составляющая дискуссии: раскрываются формы и средства идеологического контроля и давления, идеологическая атмосфера в стране в целом и в психологии в частности и т.д. В то же время собственно содержательный аспект дискуссии по-прежнему специально не анализируется. В лучшем случае исследователи рассматривают взгляды Челпанова и Корнилова по отдельности, не вникая в содержание дискуссионного диалога, не рассматривая взгляды Челпанова и Корнилова в динамике, взаимосвязи и взаимообусловленности. По-видимому, это можно объяснить тем, что, так же как и раньше, в советские времена тезис об идейном превосходстве Корнилова казался не

требующим специальных доказательств, так и теперь стал столь же очевидным тезис о том, что Корнилов в условиях «нормальной науки» (т.е. не прибегая к вненаучным средствам) никогда не смог бы победить. Естественно, прямо противоположными стали и оценки событий 20-х годов (самого факта дискуссии, ее форм, средств и результатов, увольнения Г.И. Челпанова и т.д.).

Новые материалы по интересующей нас проблеме, которые мы находим в работах отечественных исследователей 90-х годов, в значительной степени уточняют и конкретизируют наше представление об К.Н. Корнилове и Г.И. Челпанове и дискуссии между ними. В общем и целом эти материалы, с нашей точки зрения, дают убедительное подтверждение тем результатам и выводам, к которым мы приходим в ходе анализа истории и историографии дискуссии.

§ 4. Основные черты и тенденции историографии дискуссии между К. Н. Корниловым и Г.И. Челпановым

Говоря обо всем периоде изучения дискуссии между Корниловым и Челпановым отечественными историками психологии (с конца 20-х до середины 80-х годов), следует выделить следующие существенные черты процесса изучения дискуссии. В работах отечественных исследователей 20-80-х годов мы узнаем совсем немного о взглядах Корнилова и Челпанова на проблему «психология и марксизм» и о дискуссии между этими учеными. Основной причиной такого положения дел является отсутствие конкретных исследований периода 20-х годов вообще и в частности первой их половины. Все авторы рассматривают борьбу между Корниловым и Челпановым исходя из более общего представления о содержании периода 20-х годов. Практически все авторы указывают на декларативность марксизма Корнилова, на эклектичность и традиционность его реактологии, на близость его психологических взглядов взглядам Челпанова. Но как оценивать сам марксистский лозунг Корнилова? Мы видим здесь две точки зрения. Первая – у Л.С. Выготского в 1927 г. и С.Л. Рубинштейна в 1935 г., вторая, противоположная, – в остальных работах и особенно у Рубинштейна в работах 1940 и 1946 гг.

Схема изложения дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в работах отечественных авторов 1927-1946 гг. выглядит следующим образом: в 20-е годы материализм в психологии борол-ся с идеализмом. Корнилов представлял (или даже возглавлял) лагерь (фронт) материалистический (или даже марксистский), а Челпанов – лагерь (фронт) идеалистический. Но сам марксизм Корнилова был не настоящим, а декларативным, его реактология была в основном продолжением идей эмпирической психологии, рефлексологии и бихевиоризма. В ходе борьбы идеализм в первой половине 20-х годов быстро сошел «со сцены», однако и сам Корнилов был раскритикован за свои ошибки в 1931 г.

Как мы могли наглядно убедиться, в работах 1927-1946 гг. авторы при изложении дискуссии движутся от общих представлений о периоде 20-х годов (борьба между материализмом и идеализмом и т.д.) к конкретным фактам, так что эти факты являются лишь иллюстрацией заранее данного ответа, наперед заданной жесткой схемы, включающей в себя

совокупность исходных принципов описания и конечных оценок различных сторон дискуссии. Уже в работах 1927-1946 гг. мы обнаруживаем общие контуры схемы изложения периода 20-х годов как части всей истории науки. Общее представление о 20-х годах и неоднозначность в оценке взглядов Корнилова определяет в дальнейшем в работах советских авторов эволюцию схемы изложения дискуссии между Корниловым и Челпановым, а также постепенное по мере конкретизации нарастание внутренних противоречий в этой схеме.

В конце 40-х и в 50-е годы мы наблюдаем в отечественной историографии тенденцию к конкретизации всего периода 20-х годов и, в частности, дискуссии между Челпановым и Корниловым. Основы здесь были заложены работами Б.М. Теплова [72], Б.Г. Ананьева [2] и А.А. Смирнова [64]. Именно в это время мы обнаруживаем тенденцию к конкретному анализу аргументов сторон, к оценке взглядов Корнилова и Челпанова с учетом общенаучного и социокультурного контекстов. Но фактически взгляды Корнилова и Челпанова по– прежнему воспроизводятся и оцениваются вне связи друг с другом, и прогресс заключается в основном в более подробном, чем в работах предыдущего периода, цитировании соответствующих работ Челпанова и Корнилова.

В конце 40-х и в 50-е годы авторы работ, как и ранее, исходили из общего представления о 20-х годах как периоде борьбы материализма с идеализмом и победы материализма, утверждая, что Челпанов представлял (возглавлял) идеалистический лагерь-фронт, а Корнилов – материалистический. Но если, например, в партийной резолюции 1931 г. или у С.Л. Рубинштейна говорилось о том, что Корнилов фактически сочетал в своей реактологии позиции механицизма и идеализма, то теперь уже считается, что Корнилов боролся на два фронта, представляя собой, так сказать, третий, марксистский фронт в психологии. Кроме того, новизна в работах после 1947 г. заключается в признании огромной роли Корнилова–материалиста в разгроме Челпанова-идеалиста.

Следовательно, можно сказать, что линия, идущая от работ А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурии [36], В.А. Артемова [4] и Н.А. Рыбникова [58], одерживает верх над линией С.Л. Рубинштейна прежде всего благодаря усилиям Б.М. Теплова [72].

Подчеркивая значимость победы К.Н. Корнилова, историки волей-неволей были вынуждены детализировать взгляды на проблему «психология и марксизм» не только у Корнилова, но и Челпанова. Тем самым мы постепенно получаем все более полное представление о борьбе между Корниловым и Челпановым

именно как о дискуссии, в которой каждая из сторон выдвигала свои аргументы и контраргументы, доказывая правильность своих взглядов и ошибочность взглядов оппонента. Основное внимание при этом уделяется изложению взглядов Корнилова.

Существенные изменения по сравнению с точкой зрения С.Л. Рубинштейна схема изложения дискуссии претерпевает в работе Б.М. Теплова [72]: если у Рубинштейна марксизм Корнилова носит декларативный характер («лозунг» в негативном смысле – как пустая фраза, «фразеология»), то у Теплова марксистские идеи Корнилова оцениваются позитивно: лозунг уже в положительном смысле, как «правильно намеченные задачи». У Рубинштейна Корнилов – это механицист, прикрывавший свою реактологию марксистскими фразами; у Теплова, наоборот, Корнилов – первый советский психолог-марксист, совершавший механистические ошибки. Вследствие этого в схеме изложения появляются следующие нюансы. Вводится тезис о том, что до 1923 г., в частности, в первом издании «Учения о реакциях» Корнилов был механицистом и т.д., но в докладе в январе 1923 г. Корнилов оказывается уже сторонником «новой, материалистической» [72, с. 11] психологии, которая «должна строиться на основе диалектического материализма» [72, с. 11]. Тем самым признается принципиальное изменение взглядов Корнилова от механистических в сторону марксистских, в связи с чем оценивается результат его борьбы с Челпановым: именно благодаря обращению к марксизму Корнилову удалось разгромить Челпанова. Кроме того, вводится тезис о том, что марксистские идеи Корнилова изначально содержали в себе внутреннее противоречие: правильным марксистским идеям-лозунгам не соответствовала их реактологическая конкретизация.

Таким способом Б.М. Теплову удается найти основание для компромисса, признавая, с одной стороны, значимость К.Н. Корнилова-марксиста в борьбе против идеалиста Г.И. Челпанова, но, с другой стороны, критикуя «марксистскую психологию» (реактологию) Корнилова за недостаточность в ней марксизма с позиций партийной резолюции 1931 г. Подчеркнем, что в эту схему неявным образом входят еще два тезиса: во– первых, признается, что в начале 20-х годов Корнилов как психолог был лучшим, что мог выставить «марксистский лагерь» в борьбе против эмпирической психологии; во-вторых, подразумевается, что до 1931 г., т.е. до «реактологической дискуссии», ошибки Корнилова никем не были вскрыты и Корнилова никто не критиковал.

Таким образом, изменения в схеме изложения дискуссии в работах послевоенного периода заключаются, во-первых, во все

большем подчеркивании роли Корнилова в разгроме Челпанова и, во-вторых, во все более уверенном признании Корнилова марксистом (очевидно, оба утверждения логически взаимосвязаны). При этом роль Челпанова остается неизменной: он боролся против марксизма в психологии, отстаивая свою старую, идеалистическую, эмпирическую психологию. Это очень показательный момент: если Корнилов предстает фигурой со все более сложной, двойственной, противоречивой системой (системой ли?) взглядов, то Челпанов остается по-прежнему все той же однозначно-негативной фигурой.

В целом налицо естественная тенденция, заключающаяся в постепенном нарастании фактов, исторических подробностей, теоретических нюансов. Из последующих работ мы постепенно все больше узнаем о взглядах Челпанова и Корнилова на проблему «психология и марксизм», все больше узнаем общенаучный и социальный контексты этой дискуссии и постигаем закономерности эволюции взглядов сторон. Также постепенно все более законченный вид приобретает общая схема изложения дискуссии – прежде всего благодаря работам Теплова [72], [73]. В то же время при характеристике этой тенденции следует отметить неравномерность, скачкообразность в вопросе изучения дискуссии, резкие изменения в оценках (например, в 1931, 1947 гг.). В своих рассуждениях исследователи руководствовались общими представлениями и личными, субъективными оценками, но не результатами изучения дискуссии в ее конкретности. Подтверждением тому служит разноголосица в оценках содержания и эволюции взглядов Корнилова, которую мы обнаруживаем в нашем анализе. Схема изложения дискуссии, сформировавшаяся к середине 80-х годов, не только создает общую картину с множеством «белых пятен», но и является логически противоречивой. Данную схему можно свести к совокупности следующих утверждений, оценок и выводов.

20-е годы были периодом борьбы материализма с идеализмом. Материалистический лагерь возглавлял Корнилов, а идеалистический – Челпанов. Благодаря обращению к марксизму Корнилову удалось разгромить Челпанова, и идеалистическая психология быстро «сошла со сцены». Но взгляды Корнилова о сущности и содержании «марксистской психологии «были прогрессивными лишь относительно, что и было показано в ходе «реактологической дискуссии» в 1931 г., после которой уже реактология «сошла со сцены». Тем не менее, несмотря на некоторые механистические ошибки, следует признать Корнилова первым советским психологом-марксистом, поскольку он первый

выдвинул целый ряд марксистских положений, ставших впоследствии в советской психологии «общепризнанными аксиомами». Челпанов был противником идеи внедрения марксизма в психологию вообще и корниловских идей в частности. В ходе борьбы Челпанов пытался доказать, что его взгляды соответствуют марксизму, а взгляды Корнилова являются вульгарно– материалистическими. Но «хитроумная тактика» Челпанову не помогла, ибо на стороне Корнилова было и «общественное мнение». В итоге Челпанов «сложил оружие».

Насыщая эту схему конкретными фактами и цитатами, исследователи, как нам представляется, все больше и больше демонстрировали изначально присущие ей внутренние противоречия, рассогласования и несоответствия (как между выводами, так и между отдельными выводами и фактами). В ходе нашего анализа мы уже не раз выходили на такие противоречия и неясности. Теперь мы укажем наиболее острые, с нашей точки зрения, вопросы относительно изложения и оценки дискуссии, требующие своего разрешения только путем конкретного исследования.

Как происходила борьба К.Н. Корнилова с Г.И. Челпановым? В чем она выражалась? В каких работах Корнилов и Челпанов спорили друг с другом? Когда началась эта борьба и когда закончилась? Как Корнилову удалось победить («разгромить») Челпанова, не владея «истинным марксизмом»? С помощью своей механистической и эклектической реактологии и ряда марксистских лозунгов?

В связи с последним вопросом стоит привести слова П.П. Блонского, который, указав в предисловии вышедший под его редакцией в 1925 г. книги Л. Джемсона [18] на ее недостатки, в заключение заметил: «Но, оценивая книгу, надо уметь взвешивать ее достоинства и недостатки. Нет никакого сомнения, что достоинства ее во много и много раз превышают ее недостатки, которых и не может не быть в столь еще незрелой науке. Но даже и в своем незрелом состоянии новая материалистическая психология слишком мощна для того, чтобы заглушить увядающие продукты старой психологии» [18, с. XII]. Эта логика – новая марксистская психология была слаба, имела недостатки и т.д., но ее все же хватило для того, чтобы сокрушить «старую психологию», – сохранилась, как мы видим, и в последующие десятилетия. Что ж, мы согласны называть ту психологию, которую представлял и защищал Челпанов, «старой». Но тогда справедливости ради «новую психологию» у Блонского, Корнилова и других психологов-марксистов первой половины 20-х годов, по– видимому, следовало бы называть не просто «новой»,

а «детской» или даже «младенческой».

Можно поставить вопрос и о том, почему критика в адрес Корнилова была проведена только в 1931 г., а не в ходе дискуссии или сразу же после нее. Не означает ли это, что до 1931 г. теория Корнилова была лучшим, что мог дать марксизм у нас в 20-е годы? Интересно было бы выяснить в этой связи, не совпадают ли критические оценки, высказанные в адрес Корнилова в 1931 г. и в последующие годы, хотя бы частично с теми оценками, которые давал Корнилову Челпанов?

Неясно, как соотносятся предметно-логический и социально-научный аспекты дискуссии. Вытекало ли назначение в конце 1923 г. Корнилова на пост директора Психологического института вместо отправленного на пенсию Челпанова из результатов идейной предшествующей борьбы Корнилова против Челпанова? Если дискуссия действительно закончилась этим событием, то как тогда оценивать пять полемических брошюр Челпанова, вышедших позже, в период 1925-1927 гг.? Значит ли это, что дискуссия продолжалась, или же Челпанов спорил, уже будучи побежденным? Что можно сказать об эволюции взглядов и позиций обеих сторон в течение дискуссии? Менялись ли эти взгляды и позиции?

Насколько вообще правомерно определять взгляды Корнилова как материалистические (в пределах от вульгарно-материалистических, механистических до истинно марксистских), а взгляды Челпанова – как однозначно идеалистические? Насколько обоснованно считать взгляды, которые выражал Корнилов в первой половине 20-х годов, как проявление новой, научной и марксистской психологии, а взгляды Челпанова оценивать как относящиеся к психологии старой, метафизической, идеалистической, антимарксистской и реакционной?

Только непосредственное обращение к материалам дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым позволит найти ответы на эти, а также множество других аналогичных вопросов, возникающих при внимательном изучении историографии дискуссии.

Литература к главе 1

1. *Ананьев Б.Г.* О некоторых вопросах марксистско–ленинской реконструкции психологии // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 3-4. С. 325-344.

2. *Ананьев Б.Г.* Тридцать лет советской психологии // Советская педагогика. 1947. № 11. С. 41-55.

3. *Андреева Г.М.* К истории становления социальной психологии в России // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1997. № 4. С. 6-17.

4. *Артемов В.А.* Психология в СССР за 25 лет // Советская педагогика. 1942. № 10. С. 24-30.

5. *Бехтерев В.М.* Психология, рефлексология и марксизм. Л., 1925. 80 с.

6.*Блонский П.П.* Психология как наука о поведении // Избранные психологические произведения. М., 1964. С. 133-139.

7. *Богданчиков С.А.* История проблемы «психология и марксизм» (Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов): Автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 1993. 18 с.

8. *Богданчиков С.А.* Неизвестный Г.И. Челпанов // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 27-35.

9. *Богданчиков С.А.* Почему был уволен Г.И. Челпанов? (Историография одного факта) // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 85-96.

10. *Богданчиков С.А.* Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в 1923-1927 гг.: схема и факты // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 123-131.

11. *Будилова Е.А.* Философские проблемы в советской психологии. М., 1972. 336 с.

12. *Бухарин Н.И.* О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (Ответ профессору И. Павлову) // *Академик Н.И. Бухарин.* Методология и планирование науки и техники. Избранные труды. М., 1989. С.225-259.

13. *Выготский Л.С.* Психологическая наука // Общественные науки СССР. 1917-1927: Сб. статей / Под ред. В.П. Волгина, Г.О. Гордона, И.К. Луппола. М., 1928. С. 25-46.

14. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 291-487.

15. *Гордон Г.О.* Из воспоминаний о Г.И. Челпанове // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 84-96.

16. *Грэхэм Л.Р.* Естествознание, философия и науки о

человеческом поведении в Советском Союзе / Пер. с англ. М., 1991. 480 с.

17. *Деборин А.М.* Октябрь и марксизм // Деборин А.М. Философия и марксизм. 3-е изд. М.-Л., 1930. С. 364-372.

18. *Джемсон Л.* Очерк психологии / Пер. с англ. Л. Дунаевского / Под ред. и с предисловием проф. П.П. Блонского. М.-Л., 1925. 164 с.

19. *Ждан А.Н.* Преподавание психологии в Московском университете (к 80-летию Психологического института и 50-летию кафедры психологии в Московском университете) // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 80-93.

20. *Ждан А.Н.* Георгий Иванович Челпанов // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1994. № 2. С. 67-73.

21. *Ждан А.Н.* Московский университет и психология (к 240летию МГУ им. М.В. Ломоносова) // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 134-143.

22. *Ждан А.Н.* История психологии: от античности к современности: Учебник для студентов психологических факультетов университетов. 2-е изд., перераб. М., 1997. 442 с.

23. Задачи марксистов в области естествознания: Доклад О.Ю. Шмидта. Прения по докладу и заключительное слово. М., 1929. 130 с. (Коммунистическая Академия. Труды Второй всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений. Выпуск второй).

24. Залкинд А.Б. [Некролог] // За коммунистическое просвещение. 1936. 18 июля. С. 4.

25. *Зинченко В.П.* Психология в Российской Академии образования // Вопросы психологии. 1994. № 4. С. 127-142.

26. *Иванов П.И.* Из истории советской психологии // Ученые записки Ташкентского педагогического института им. Низами. Вып. 15. Психология / Под ред. П.И. Иванова. Ташкент, 1959. С. 7-25.

27. Из автобиографии Н.А. Рыбникова – одного из первых сотрудников Психологического института // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 6-11.

28. *Индик Н.К.* Советская психология за 40 лет // Советская педагогика. 1958. № 1. С. 67-76.

29. Итоги дискуссии по реактологической психологии (резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) Г.И. ПП и П от 6/VI 1931) // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 1-12.

30. *Корнилов К.Н.* Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). М., б/г (1921). 228 с.

31. *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм: Сб.

статей. 2-е изд., доп. Л., 1925. 107 с.

32. *Корнилов К.Н.* Современное состояние психологии в СССР // Под знаменем марксизма. 1927. № 10-11. С. 195-217.

33. *Корнилов К.Н.* К итогам психологической дискуссии // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 44-77.

34. *Костюк Г.С.* Радянська психологія за 30 років // Радянська школа. 1947. № 5. С. 55-69.

35. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М., 1977. 304 с.

36. *Леонтьев А.Н., Лурия А.Р.* Психология // Большая Советская Энциклопедия. Т. 47. М., 1940. Ст. 511-548.

37. *Лурия А.Р.* Пути советской психологии за 15 лет // Советская психоневрология. Харьков, 1933. № 1. С. 25-36.

38. *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М., 1982. 184 с.

39. *Марцинковская Т.Д., Ярошевский М.Г.* Неизвестные страницы творчества Г.И. Челпанова // Вопросы психологии. 1999. № 3. С. 99-106.

40. *Никольская А.А.* Психолого-педагогические взгляды Г.И. Челпанова // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 6-11.

41. *Никольская А.А.* Основные этапы развития научной деятельности Психологического института // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 5-21.

42. Обсуждение статьи М.Г. Ярошевского «Л.С. Выготский и марксизм в советской психологии. К социальной истории российской науки» // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 115-126.

43. *Орлова Л.М.* Борьба К.Н. Корнилова за марксизм в психологии (к 100-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 1979. № 1. С. 62-73.

44. *Орлова Л.М.* К.Н. Корнилов. Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). К 60-летию публикации // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5. С. 150-157.

45. *Петровский А.В.* Об основных направлениях в русской психологии начала XX века // Из истории русской психологии. М., 1961. С. 358-438.

46. *Петровский А.В.* На подступах к марксистской психологии // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 239. Вопросы теории и истории психологии. М., 1964. С. 29-250.

47. *Петровский А.В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М., 1967. 367 с.

48. *Петровский А.В.* Вопросы истории и теории психологии. Избранные труды. М., 1984. 272 с.

49. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История психологии: Учебное пособие для высшей школы. М., 1994. 448 с.

50. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии: В 2 т. Ростов-на-Дону, 1996.

51. Проблемы современной психологии: Сб. статей / Под ред. К.Н. Корнилова. Л., 1926. 252 с.

52. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997. 576 с.

53. Психология и марксизм («круглый стол») // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 1. С. 3-17.

54. Психоневрологические науки в СССР (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека 25 января – 1 февраля 1930 г.) / Под ред. А.Б. Залкинда. М.-Л., 1930. 383 с.

55. Реактологическая дискуссия в Психологическом институте // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 21-32.

56. Реорганизация Института экспериментальной психологии // Известия ВЦИК. 1930. 20 ноября № 319 (4166). С. 5.

57. Реорганизация Института экспериментальной психологии // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 1. С. 98.

58. *Рыбников Н.А.* Историография советской психологии (к 25-летию советской психологии) // Советская педагогика. 1943. № 1. С. 39-43.

59. *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. М., 1935. 496 с. 60. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1940. 496 с.

61. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. 2-е изд. М., 1946. 704 с.

62. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959. 352 с.

63. *Сироткина И.Е.* От реакции к живому движению: Н.А. Бернштейн в Психологическом институте 20-х годов // Вопросы психологии. 1994. № 4. С. 16-27.

64. *Смирнов А.А.* Советская психология за 40 лет // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 9-56.

65. *Смирнов А.А.* 50 лет Института психологии // Советская педагогика. 1963. № 6. С. 129-141.

66. *Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975. 352 с.

67. *Смирнов А.А.* Советская психология за 40 лет // Избранные психологические труды: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 63-118.

68. *Соколов М.В.* Работы советских психологов по истории психологии // Психологическая наука в СССР: В 2 т. М., 1960. Т. 2. С. 596-654.

69. *Соколова Е.Е.* Тринадцать диалогов о психологии: Хрестоматия с комментарием по курсу «Введение в психологию».

М., 1995. 653 с.

70. *Струминский В.Я.* Марксизм в современной психологии // Под знаменем марксизма. 1926. № 3. С. 207-233; № 4-5. С. 140-184.

71. *Таланкин А.А.* О «марксистской психологии» проф. Корнилова // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 24-43.

72. *Теплов Б.М.* Советская психологическая наука за 30 лет. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 13 октября 1947 года в Доме Союзов в Москве. М., 1947. 32 с.

73. *Теплов Б.М.* Борьба К.Н. Корнилова в 1923-1925 гг. за перестройку психологии на основе марксизма // Вопросы психологии личности. М., 1960. С. 8-20.

74. *Умрихин В.В.* «Идеогенез» и «социогенез» науки в творчестве Г.И. Челпанова // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 17-26.

75. *Умрихин В.В.* «Начало конца» поведенческой психологии в СССР // Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. Л.: Наука, 1991. С. 136-145.

76. *Умрихин В.В.* «Храм психологической науки» в драмах российской истории // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 6. С. 3-15.

77. *Цыпленкова Л.М.* Жизненный путь и основные этапы научного творчества К.Н. Корнилова // Ученые записки МГПИ. № 352. Вопросы истории психологии. М., 1969. С. 30-47.

78. *Цыпленкова Л.М.* Психологические воззрения и научная деятельность К.Н. Корнилова: Дис. … канд. психол. наук. М., 1970. 234 с.

79. *Челпанов Г.И.* Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). М., 1926. 59 с.

80. *Челпанов Г.И.* Социальная психология или «условные рефлексы»? М.-Л., 1926. 38 с.

81. *Шпильрейн И.Н.* Механистическая борьба за реконструкцию психотехники // Психология. 1930. Т. 3. Вып. 3. С. 409-419.

82. *Эткинд А.М.* Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы психологии. 1990. № 5. С. 13-22.

83. *Эфрусси П.О.* Успехи психологии в России. Петроград, 1923. 37 с.

84. *Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. 2-е изд. М., 1974. 447 с.

85. *Ярошевский М.Г.* История психологии. 3-е изд. М., 1985. 575 с.

86. *Ярошевский М.Г.* История психологии. От античности до середины XX века: Учебное пособие для высших учебных заведений. М., 1996. 416 с.

87. *Ярошевский М.Г.* Две научные школы в отчем доме психологов России // Вопросы психологии. 1999. № 3. С. 8-12.

ГЛАВА 2. НАУЧНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Г. И. ЧЕЛПАНОВА И К.Н. КОРНИЛОВА ПЕРЕД НАЧАЛОМ ДИСКУССИИ

Прошлое чудовищно реально и оно пожирает каждого, кто не сумеет откупиться правильным ответом.

К. Г. Юнг[2]

Прежде чем непосредственно переходить к рассмотрению дискуссии между К.Н. Корниловым и Г. И. Челпановым, необходимо выяснить, с каким научным и философским «багажом» оба ученых подошли к дискуссии. В первых двух параграфах данной главы речь пойдет о Г. И. Челпанове, третий параграф посвящен К.Н. Корнилову.

§ 1. Научная и педагогическая деятельность Г. И. Челпанова в Киевском университете[3]

Вначале – немного интроспекции. Какие ассоциации возникают в нашем сознании, когда мы слышим о Г.И. Челпанове? В первую очередь Имя Георгия Ивановича Челпанова в нашем сознании ассоциируется с его детищем – Психологическим Институтом в Москве. Во вторую очередь Челпанов обычно вспоминается как один из главных участников дискуссии по проблеме «психология и марксизм» в советской психологии 20-х годов. И только где-то на периферии нашего сознания имеется не очень отчетливое представление о жизни и деятельности Челпанова в Киеве. Анализ дореволюционных работ Челпанова, проделанный Е.А. Будиловой почти сорок лет назад [9], остается, с нашей точки зрения, до сих пор непревзойденным[4].

Значение киевского периода (1892-1907 гг.) в научной и педагогической деятельности Челпанова не следует преувеличивать, но и не следует преуменьшать. Именно в это время Челпанов стал профессором и доктором наук и опубликовал свои работы, принесшие ему известность. Без знания основных достижений киевского периода, без учета сформировавшихся у Челпанова за годы работы в Киеве деловых, дружеских (а порой и не очень дружеских) связей и отношений остается во многом непонятной по своей направленности и эффективности вся последующая профессиональная деятельность Челпанова в Москве.

В связи с этим свою задачу мы видим в том, чтобы реконструировать некоторые малоизвестные подробности научной и педагогической деятельности Челпанова в Киеве. К наиболее важным событиям этого периода мы отнесли продвижение Челпанова по ступеням служебной и научной карьеры (магистр и приват-доцент, затем – исправляющий должность экстраординарного профессора и, наконец, доктор наук и ординарный профессор по кафедре философии), научные командировки за границу, учреждение Психологической Семинарии, чтение лекций и проведение практических занятий. Основным источником при этом для нас будут «Университетские Известия» – периодическое издание Киевского университета, выходившее ежемесячно в 1861-1919 гг. Каждый номер обычно включал в себя три части – официальную, неофициальную

(статьи, обзоры) и приложение (таблицы, расписание занятий и т.п.).

При изучении киевского периода научной биографии Г.И. Челпанова следует учитывать, что два последних десятилетия прошлого века были далеко не лучшим временем для становления в России психологии как самостоятельной науки. Мы имеем в виду те рамки, в которые было поставлено в то время университетское философское (и психологическое как его составная часть) образование общероссийским университетским уставом 1884 г. (до этого были уставы 1825 и 1867 гг.). В частности, это хорошо видно на примере Киевского университета.

Киевский университет, образованный в 1834 г. и имевший официальное название «Императорский Университет святого Владимира», сто лет назад, как и другие университеты России, имел четыре факультета – юридический, медицинский, физико-математический и историко-филологический (Санкт-Петербургский университет еще имел факультет восточных языков, весьма незначительный по количеству студентов даже по масштабам того времени). Об обязательном для западноевропейских средневековых университетов богословском факультете в конце XIX века в Киевском университете напоминала только одна строка в расписании занятий на полугодие, сообщавшая о лекции по богословию.

Всеми делами заправлял Совет университета, в который входили все профессора во главе с деканами факультетов и ректором университета. Выше стоял попечитель по Киевскому учебному округу, через которого шли указания из столицы, из министерства народного просвещения. Из всех четырех факультетов историко-филологический был самым миниатюрным, о чем мы можем судить по количеству занимавшихся на нем студентов. В 1890 г. в университете было 1982 учащихся, что составляло 16 % от всех обучавшихся в то время в восьми университетах России учащихся [36, с. 799]. Двумя годами позже (на 1 января 1892 г.) на физико-математическом факультете состояло 269 студентов, на юридическом – 794, на медицинском – 862, а на историко-филологическом – всего лишь 61 [20, с.

18]. С годами число студентов на историко– филологическом факультете возрастало, но в весьма незначительных масштабах, и соотношение по численности с другими факультетами оставалось примерно одним и тем же. Также обстояло дело в то время и в других университетах страны.

Не менее впечатляющими были изменения в процентном соотношении количества учащихся (к которым относились наряду

с основной массой студенчества и так называемые «посторонние слушатели») на различных факультетах университетов России в 1880-1899 гг., о чем наглядно свидетельствует следующая таблица [36, с. 799].

Таблица 1

Количество учащихся в университетах России (в %% по годам)

Факультеты	**Годы**			
	1880	**1885**	**1894**	**1899**
Юридический	22,3	30,2	36,9	43,1
Медицинский	46,0	38,0	37,0	28,1
Физико-математический	20,0	21,2	20,3	22,9
Историко-филологический	11,3	9,8	5,2	3,9
Восточных языков	0,4	0,8	0,6	1,1

Приведя эту таблицу, П.Н. Милюков заметил: «Поразителен упадок слушателей (за 20 лет в три раза) на историко-филологических факультетах, которые подверглись главным ударам устава 1884 г., пытавшегося превратить этот факультет в специальную школу древних языков с *дополнительными* [курсив автора. – *С.Б.*] предметами – историей и литературой» [36, с. 799].

О том, какое место на историко-филологическом факультете занимала философия, можно судить по тому обстоятельству, что по уставу 1884 г. данный факультет должен был иметь 11 кафедр, но из них только одна была кафедрой философии, остальные были филологическими. Соответствующим было и соотношение ординарных и экстраординарных профессоров по этим кафедрам. Для Г.И. Челпанова реально это вылилось в то, что к моменту его появления в Киевском университете на факультете (а, значит, и во всем университете) был только один философ – А.Н. Гиляров, о котором мы еще будем говорить ниже.

Г.И. Челпанов начал свою деятельность в Киевском университете в 1892 г. В протоколе заседания Совета, состоявшегося 27 марта 1892 г., это событие нашло свое отражение в следующей типичной для того времени бюрократической формулировке:

«Слушали предложения г. Попечителя Киевского Учебного Округа: … от 7 февраля за № 1072, о назначении приват-доцента Московского Университета магистра Челпанова приват-доцентом по кафедре философии в Университете св. Владимира с 1 февраля сего года, с вознаграждением по 1200 руб. в год из остатков от сумм, ассигнуемых на содержание личного состава

сего Университета» [42, с. 12]. Вступительную лекцию, обязательную при переходе на новое место, Г.И. Челпанов прочел 6 октября 1892 г. [51].

Большую роль в научной и педагогической карьере Челпанова в киевский период сыграли его заграничные командировки. 20 декабря 1895 г. на заседании Совета было одобрено решение о направлении Челпанова в научную командировку за границу: «Слушали: … представления историко-филологического факультета от 19 декабря за № 106 и № 107 о командировании за границу двух приват-доцентов сего факультета с ученой целью: а) г. Челпанова с 1 апреля по 20 августа 1896 г. и б) г. Аничкова с 15 марта по 2 сентября того же года с назначением ему пособия из специальных средств университета. Определили: Признавая испрашиваемые командировки гг. Челпанова и Аничкова полезными для них и не могущими причинить ущерба преподаванию, ходатайствовать установленным порядком о разрешении таковых» [44, с. 5].

Менее чем через год после окончания первой командировки Челпанов отправился во вторую научную командировку. В феврале 1897 г. на заседании Совета по представлению историко-филологического факультета было принято решение о командировании Челпанова «с ученой целью за границу с 20 июня 1897 г. по 20 мая 1898 г. с сохранением содержания», в связи с чем было определено «установленным порядком ходатайствовать о разрешении испрашиваемой командировки, признавая таковую, согласно с заключением факультета, необходимою и не могущей причинить ущерба в виду принятых мер» [45, с. 23]. Таким образом, первая командировка Челпанова длилась почти пять месяцев, вторая – одиннадцать месяцев.

В 1896 г. Г.И. Челпанов стал профессором, о чем в протоколе заседания Совета от 20 февраля 1897 г. говорится следующим образом: «Слушали: Предложения г. Попечителя Киевского Учебного Округа … от 27 мая [очевидно, 1896 г. – *С.Б.*] за № 5134 о том, что Высочайшим приказом приват-доцент Университета Св. Владимира Г.И. Челпанов назначен исправляющим должность экстраординарного профессора по кафедре философии» [45, с. 24]. Подчеркнем, что вплоть до защиты в 1904 г. второй части докторской диссертации Г.И. Челпанов оставался магистром и приватдоцентом, только «исправляющим должность» (исполняющим обязанности) профессора, ибо в соответствии с чеканной формулировкой § 99 общероссийского университетского устава 1884 г. «никто не может быть профессором, не имея степени доктора по разряду наук, соответствующих его кафедре» [39, с. 49].

В Киевском университете Челпанов читал лекции по курсам: «Психология», «Логика», «Введение в психологию», «Введение в философию», «История и критика материализма», «Критический обзор современных учений о душе», «Теория познания», «Специальный курс по теории познания», «Комментирование «Критики чистого разума», «Учение о пространстве». Наряду с этим Г.И. Челпанов проводил практические занятия по психологии (в Психологической Семинарии), логике, философии, теории познания, этике. Обычная учебная нагрузка Г.И. Челпанова в качестве профессора составляла 6 часов в неделю. Так, в 1901-1902 учебном году он читал лекции по курсам «Теория познания» (2 часа в неделю оба полугодия), «Введение в философию (теоретическая философия)» (2 часа в неделю в осеннем полугодии), «Введение в философию (этика)» (2 часа в неделю в весеннем полугодии), а также проводил практические занятия по психологии и этике (2 часа в неделю оба полугодия) [38, с. 2]. Практические занятия состояли, как указывается в расписании занятий, в «чтении и разборе рефератов».

Став профессором, Челпанов в соответствии с университетским уставом вошел в состав Совета университета и заслужил право на биографическую справку в словарях того времени [8, с. 17], [64, с. 488-489]. По– видимому, одной из причин продвижения Челпанова по служебной лестнице послужила публикация им в 1896 г. работы «Проблема восприятия пространства» в качестве первой части докторской диссертации. Анализ и оценки этой работы содержатся в рецензиях Н.Я. Грота [19] и В.Ф. Саводника [48]. Рассмотрим вкратце обе рецензии.

В рецензии Н.Я. Грота говорится, что работа «Проблема восприятия пространства» (часть первая) была ранее защищена Г.И. Челпановым в качестве диссертации в Московском университете, за что ему была присуждена степень магистра философии [19, с. 651]. Грот характеризует работу Челпанова как «обширную монографию по вопросу, который еще ни разу не подвергался специальной разработке в русской философской литературе» [19, с. 651]. В своем сочинении Челпанов «обнаруживает солидную эрудицию и добросовестное стремление исчерпать проблему до конца и во всех деталях» [19, с. 651]. Положительно оценивает Грот стремление Челпанова приобрести солидные познания «не только в области истории философских и метафизических учений, но и в тех отраслях естествознания, которые способны пролить свет на трудные философские проблемы» [19, с. 652].

Не менее важна для Грота общая исследовательская позиция

Челпанова: «Обладая всеми необходимыми сведениями в области анатомии и физиологии нервной системы, г. Челпанов не увлекается сверх меры односторонними естественно-научными приемами исследования и, благодаря способности к более глубокому философскому анализу, становится на защиту нативистической теории о непроизводности представления пространства в его основных элементах» [19; с. 652].

Затем Грот переходит к имеющимся в рецензируемой работе «некоторым крупным недостаткам» и «существенным недочетам в плане разработки и в самом выполнении философской задачи, которую поставил перед собой автор» [19, с. 652]. С точки зрения Грота, вначале следовало изложить понимание проблемы восприятия пространства с философской (теоретико–познавательной, гносеологической) позиции, а затем уже, основываясь на ней, перейти к исследованию проблемы с точки зрения психологии. Ведь «первая обязанность современного философа – изложить критическую теорию познания, и этой обязанности г. Челпанов не исполнил» [19, с. 653]. Нелогичность позиции Челпанова проявляется, с точки зрения Грота, еще и в том, что, занимая позицию эмпирика, т.е. считая «возможным обосновать гносеологическое решение проблемы путем психологического решения, Г.И. Челпанову едва ли следовало примыкать и к лагерю нативистов, тем самым обнаруживая «неправильность подчинения теории познания психологии» [19, с. 653].

Следствием такой нечеткости разграничения и определения важности теоретико-познавательной и психологической точек зрения у Челпанова имеется, как мягко выражается Грот, «некоторая сбивчивость» [19, с. 653] в употреблении терминов «нативизм», «генетизм» и «эмпиризм». Свою мысль Н.Я. Грот поясняет следующим примером: в области гносеологии нативизму Канта противоположен эмпиризм Юма, но есть и другой, психологический (психофизиологический) нативизм, «который ищет элементов восприятия пространства в готовой психофизиологической организации»; таков именно нативизм Челпанова [19, с. 653]. Этому нативизму противоположны современные генетические теории (В. Вундт и его последователи). Поэтому «чрезвычайно странно», как пишет Грот, причисление Челпановым И. Канта к генетистам наряду с В. Вундтом, – ведь точка зрения Канта «чисто гносеологическая, а вовсе не психологическая» [19, с. 653].

Кроме того, Г.И. Челпанову, ставшему на психофизиологическую точку зрения, т.е. отыскивающему для элементов восприятия пространства анатомические и

физиологические субстраты, не следовало отвергать необходимость «широкого применения экспериментальных приемов в решении проблемы», между тем как он «все время разбирается в чужих экспериментах и на взаимном сопоставлении их строит свою теорию», не пытаясь «дополнить чужие опыты своими собственными» [19, с. 654]. В связи с этим Грот приводит несколько «странных» утверждений Челпанова относительно восприятия протяженности и глубины [19, с. 654]. В противоположность Челпанову Грот утверждает, что восприятие глубины и плоскостной протяженности непроизводно, а проекция впечатлений в пространстве также первоначальна, как и их локализация. [19, с. 654]. При рассмотрении этих вопросов Грот ссылается на заметку В. Саводника, подчеркивая, что в ней эти вопросы рассмотрены более детально. Очевидно, Н.Я. Грот здесь солидаризуется с В. Саводником, и обе рецензии можно рассматривать как дополняющие одна другую.

Н.Я. Грот ясно формулирует свою позицию относительно степени доказательности эксперимента и теоретических рассуждений: «Только экспериментальным методом можно добыть твердую основу для окончательного решения спора между генетистами и нативистами в учении об элементах пространственного восприятия, и все теоретические соображения способны только усиливать вероятность той или другой гипотезы, не давая достаточного материала для решения вопроса» [19, с. 655]. Грот отмечает, что если бы эксперименты, направленные на изучение так называемой гиперэксцентрической проекции (восприятие карандашом бумаги, палкой – поверхности земли и т.д.), показали первоначальность и непроизводность такого восприятия, то «непроизводность элементов чувства глубины в области осязания была бы доказана» [19, с. 655].

Пожелав Челпанову успеха в достижении задачи рассмотреть во втором томе проблему восприятия пространства с точки зрения гносеологии, свою неудовлетворенность некоторыми принципиальными моментами в первой части Грот опять выражает в предельно мягкой и ненавязчивой форме: «Может быть, г. Челпанову во второй части работы придется отказаться от некоторых положений, поставленных в первой…» [19, с. 655].

В целом же, заключает Грот, рецензируемая работа дает не только «основательное и добросовестное изложение всевозможных учений философов и психофизиологических исследований, относящихся к вопросу, впервые сопоставленных друг с другом в русской ученой монографии», но и «немало теоретического материала, самостоятельно обработанного автором и могущего иметь серьезную цену при дальнейшем

обсуждении вопроса» [19, с. 656]. При осмыслении данной рецензии следует учитывать не только наглядно проявившиеся в ней черты характера Грота как человека и ученого, но и то, что Челпанов был студентом в Новороссийском (Одесса) университете, когда там преподавал философию Н.Я. Грот.

Об авторе другой рецензии [48] – В.Ф. Саводнике – нам мало что известно. Например, в примечаниях к «Педагогической психологии» Л.С. Выготского, упоминающего этого автора, сказано буквально следующее: «Саводник Владимир Федорович (1874-?) – русский литератор» [14, с. 458]. В рецензии В.Ф. Саводника прежде всего оценивается то, как Г.И. Челпанов делает принципиальный выбор между нативизмом и эмпиризмом при решении поднятой проблемы – восприятия пространства. В связи с этим В.Ф. Саводник констатирует, что в вопросе восприятия «плоскостной протяженности», т.е. двух измерений, разделяя учение о непроизводности (врожденности) элементов восприятия пространства, Челпанов является нативистом; в то же время в вопросе о восприятии третьего измерения он является представителем теории производности, т.е. эмпириком. Такая промежуточная и примиренческая позиция «далеко не представляет таких удобств, как это могло бы казаться с первого взгляда, и вовсе не способствует разрешению задачи». Необходимо придерживаться какой-то одной точки зрения, т.к. попытка объединения этих теорий «при современном состоянии психологии является по меньшей мере преждевременной» [48, с. 642].

В.Ф. Саводник отмечает, что конкретные факты, полученные в ходе наблюдения над оперированными слепорожденными и младенцами, могут быть проинтерпретированы как подтверждающие свою точку зрения и опровергающие противоположную точку зрения обеими спорящими сторонами – представителями и нативизма, и эмпиризма. Однако это не оправдывает отсутствия собственной однозначной позиции у исследователя. Саводник подчеркивает, что проблема восприятия пространства была в свое время сформулирована уже Беркли и Миллем, чьи взгляды Челпанов излагает в своей работе достаточно подробно. Точку зрения Челпанова Саводник формулирует следующим образом: «С помощью зрения мы воспринимаем непосредственно только плоскостную протяженность; что же касается до третьего измерения, то о нем мы получаем представление только из двигательно-осязательного опыта» [48, с. 644]. Это означает, с точки зрения Саводника, что точку зрения Беркли и Милля Челпанов признает верной только относительно восприятия глубины, в то время как плоскостная

протяженность «в подобной интерпретации не нуждается, будучи воспринимаема непосредственно» [48, с. 645]. Не соглашаясь с этим, Саводник указывает на то, что «представление глубины несомненно существует у детей уже в очень ранний период их жизни, когда их мускульно-двигательный опыт гораздо более ограничен, чем зрительный» [48, с. 645-646]. Например, представления ребенка о глубине могут у него возникать на основе меняющихся зрительных впечатлений, когда ребенка носит кормилица по комнате: «Даже тот факт, что ребенок, привлеченный каким– нибудь светлым предметом, протягивает к нему руку, а не схватывается за глаз … не указывает ли он на первоначальную способность человека выносить в пространство свои зрительные ощущения, не локализуя их в воспринимающем органе, подобно тому, как локализируются ощущения осязательные?» [48, с. 646].

В.Ф. Саводник указывает на проблематичность различения Челпановым «первоначального ощущения глубины» и восприятия глубины «развитым сознанием», а также различения двух родов плоскостной протяженности – первоначальной и развитой [48, с. 647], так как в этом случае спор о производности и непроизводности (врожденности) восприятия пространства между нативизмом и эмпиризмом теряет весь свой принципиальный смысл. Саводник пишет: «Если г. Челпанов говорит о рудиментарном представлении пространства в отличие от пространства дифференцированного, то для нас его слова являются голым утверждением, ничем не подкрепленным и не иллюстрированным. Для того, чтобы они приобрели силу доказательности, г. Челпанову следовало бы объяснить нам, как именно образовалось наше сознательное представление пространства из первоначального или путем какого процесса вытеснило оно его из нашего сознания. К сожалению, этого автор не сделал и ограничился только несколькими неопределенными фразами» [48, с. 650].

Вообще в рассуждениях Челпанова Саводник отмечает «большую неясность и колебание» и даже пишет о «каком-то роковом противоречии, тяготеющем над автором и не позволяющем ему ясно и твердо поставить вопрос и прийти к каким-либо определенным результатам» [48, с. 648]. Эти слова Саводника, так же как и его замечание о том, что «иногда кажется, будто г. Челпанов не решается вполне отделиться от нативистов и делает им те или другие уступки» [48, с. 647], будут с различными вариациями звучать в дальнейшем на протяжении всей научной биографии Челпанова у самых различных авторов (у А.Н. Гилярова, В.М. Бехтерева, Н.Н. Ланге, К.Н. Корнилова, Л.С.

Выготского и т.д.), с самых различных позиций (слева, справа, с материалистических, философских, марксистских и антимарксистских позиций и т.д.), по самым различным вопросам и проблемам. Кто только не обвинял Г.И. Челпанова за эклектику, отсутствие собственной точки зрения, логические ошибки и соглашательство!

В итоге Саводник приходит к выводу: «Приходится признать, что, несмотря на выдающиеся достоинства своего труда, являющегося во многих отношениях солидным вкладом в нашу психологическую литературу, г. Челпанов только лишний раз показал, что всякий оппортунизм, даже научный, не удовлетворяя никого из тех, чьи интересы он стремится примирить, создает для своих представителей крайне неудобное и неловкое положение, страдающее отсутствием необходимой определенности. К сожалению, такое именно положение и занял г. Челпанов – между Сциллой нативизма и Харибдой эмпиризма» [48, с. 648].

Рецензии Н.Я. Грота и В.Ф. Саводника сейчас интересны для нас тем, что в них отмечаются те особенности индивидуального стиля деятельности Челпанова как ученого и философа, которые у него будут видны и в дальнейшем. Особенно бросается в глаза отмеченное Гротом и Саводником стремление Челпанова при рассмотрении сложных теоретических проблем не столько обострять, сколько примирять выявленные противоречия и крайности, избегая при этом ясной формулировки собственной позиции. В содержательном плане хотелось бы обратить внимание на то, что по крайней мере один из уроков Н.Я. Грота – как можно более четкое проведение границы между философской и собственно психологической постановками обсуждаемой теоретической проблемы – не прошел для Челпанова даром. Мы имеем в виду тот факт, что в 20-е годы в ходе марксистской дискуссии Челпанов твердо стоял на постулате о принципиальной независимости психологии от какой бы то ни было философии, в то же время не отказываясь от рассмотрения содержательных связей и отношений между ними (философия в роли «надстройки» и «подстройки» для психологии и т.п.).

Еще одной важной вехой в научной биографии Г.И. Челпанова являлась организация Психологической Семинарии (при изложении этого события многие авторы не всегда точны, употребляя более привычное выражение «психологический семинар» или «семинарий»). Исходным толчком явилось решение, принятое на заседании Совета Киевского университета 24 февраля 1895 г. В протоколе этого заседания отмечалось: «Слушали: предложение г. Попечителя Киевского Учебного Округа от 19 февраля 1895 г. за № 1224 о рассмотрении и

обсуждении в Совете Университета Св. Владимира присланной г. Министром Народного Просвещения от 22 января того же года за № 1746 копии с заявления историко-филологического факультета одного из Университетов об учреждении при факультете «Кабинета экспериментальной психологии».

Определили: для предварительного обсуждения передать в особую комиссию, в состав которой назначить ординарного профессора Сикорского, экстраординарного профессора Де-Метца и Гилярова, приват-доцентов Курчинского, Челпанова и Трубецкого» [43, с. 5].

Официально Психологическая Семинария при кафедре философии начала функционировать спустя почти три года. На заседании 27 марта 1898 г. среди прочих было заслушано предложение г. Попечителя Киевского Учебного Округа от 29 декабря 1897 г. о том, что «г. Товарищ [т.е. заместитель. – *С.Б.*] Министра от 16 декабря за № 32783 разрешил учредить психологическую семинарию при кафедре философии, согласно ходатайству профессоров ее, Гилярова и Челпанова, с назначением на ежегодное содержание сей семинарии по 250 руб. из специальных средств Университета» [46, с. 7]. Отметим, что в конце XIX в. семинарии для университетов России уже давно не были редкостью. Параграф 96 университетского устава гласил: «При историко-филологическом, физико-математическом и юридическом факультетах устраиваются практические упражнения студентов под руководством профессоров (семинарии), с необходимыми притом учебными пособиями. Правила, на основании которых учреждаются сии упражнения, устанавливаются министром народного просвещения» [39, с. 48]. Необычным было лишь то, что семинария была учреждена при кафедре философии, имея к тому же явный психологический уклон.

Функционирование челпановской семинарии (правда, уже в начале XX века) описано в воспоминаниях П.П. Блонского [4], где, в частности, отмечается: «Аудитория, в которой читал Г.И. Челпанов, всегда была переполнена студентами … Но особый авторитет Г.И. Челпанову доставлял организованный им психологический семинар» [4, с. 61]. В том же ключе пишет и В.В. Зеньковский: «В киевский период деятельности Челпанов выделился исключительным педагогическим талантом – в публичных лекциях, происходивших во всегда переполненном актовом зале Университета, в организации заме-чательного философского семинара, наконец, в организации психологической лаборатории» [21, с. 244].

Подробности о работе семинарии в 1897-1906 гг. содержатся

в двух отчетах Г.И. Челпанова [52], [54]. В первом отчете Челпанов подчеркивал: «Практические занятия по философии, имеющие целью *систематическое* [курсив Челпанова. – *С.Б.*] изучение целых отделов ее, ведутся мною в Университете Св. Владимира с осеннего семестра 1894-95 года» [52, с. 1]. В отчетах перечислены темы занятий в Семинарии, планировавшиеся на каждое полугодие: «Критика философского материализма», «Основные вопросы эмпирической психологии», «О свободе воли», «Разбор основных пунктов психологии Вундта», «Современные учения о душе», «Теория познания Канта», «О реальности внешнего мира», «Основные вопросы этики», «Об основных направлениях в теории познания», «Проблема причинности», «Взаимодействие между физическими и психическими явлениями», «Об основаниях этики». Как видим, большинство тем были по форме, да и, наверное, по сути – философскими.

В течение полугодия проходило в среднем от восьми до двенадцати заседаний, на каждом из них, как правило, выслушивалось и обсуждалось одно сообщение. Среди выступавших мы встречаем фамилии П.П. Блонского, В.В. Зеньковского, Г.Г. Шпета, А.М. Щербины и многих других студентов; выступал и сам Г.И. Челпанов. В феврале 1903 г. состоялось торжественное открытое (в присутствии профессоров и студентов) публичное заседание – «по случаю исполнившегося пятилетия существования Семинарии» [54, с. 1]. Изучение двух отчетов Челпанова [52], [54] позволяет нам утвердиться в мысли, что Психологическая Семинария в Киеве во многом явилась прообразом Психологического Института в Москве.

В 1904 г. Челпанов завершил работу над второй частью работы «Восприятие пространства…» и, защитив ее в качестве докторской диссертации, стал ординарным профессором. Развернутую рецензию на работу Челпанова дал профессор А.Н. Гиляров в разделе «Рецензии на сочинения, представленные в факультеты для приобретения высшей ученой степени» [16]. Для лучшего понимания рецензии следует сказать несколько слов о ее авторе.

Алексей Никитич Гиляров (1855-1938) – магистр и приват-доцент Московского университета (1885), затем приват-доцент (1888), профессор и доктор философии (1891) Киевского университета, «историк западноевропейской философии, специалист по теории философского знания, литературовед, сын Н.П. Гилярова– Платонова» [50, с. 137-138]. А.Н. Гиляров был назначен экстраординарным профессором Киевского университета по кафедре философии с 20 декабря 1891 г. на том же заседании, на котором Г.И. Челпанов был назначен приват-

доцентом [42, с. 12]. Достаточно высоко оценивает Гилярова как философа в своих воспоминаниях П.П. Блонский [4, с. 60]. Отметим, что А.Н. Гилярову были не чужды определенные психологические проблемы; в частности, в 1893 г. он опубликовал в «Университетских Известиях» большую психологическую работу «Гипнотизм по учению школы Шарко и Психологической школы», вскоре вышедшую отдельным изданием (Киев, 1894).

В начале рецензии Гиляров констатирует: «Книга проф. Челпанова – чисто теоретическое исследование, основанное частью на личных воззрениях автора, частью на критике чужих взглядов. Так как в той области, которую исследует автор, нет общепризнанных положений, то оценка книги возможна не по существу, но лишь с формальной стороны, насколько исследование отвечает методологическим требованиям определенности, ясности и раздельности… Рассматриваемая в таком свете, работа проф. Челпанова не может быть признана безупречной» [16, с. 6]. Далее Гиляров подробно разбирает ряд таких «небезупречных» пунктов в работе Челпанова: несоответствие работы ее названию, неопределенность в вопросе о соотношении между рефлексией и чувственным опытом, противоречивая трактовка априорных принципов, отсутствие четкости в выборе позиции между априоризмом и эмпиризмом и т.д. Гиляров указывает на колебания и неустойчивость точки зрения автора по рассматриваемым вопросам, на смешение понятий и логические противоречия в рассуждениях Челпанова.

А.Н. Гиляров отмечает, что свои основные положения Г.И. Челпанов «отстаивает порой слабыми и поверхностными доводами, а порой ограничивается и простыми голословными утверждениями» [16, с. 16]. Незаконченность мысли, шаткость воззрений, избегание определенности – такими словами Гиляров характеризует особенности позиции Челпанова в целом. Уклончивость стиля Челпанова Гиляров демонстрирует на примере множества выражений и оговорок типа «по-видимому», «едва ли», «кажется» и т.д. При этом Челпанов повсюду «старается идти средним путем между противоположностями, и так как такого пути не существует, переходит из одной в другую» [16, с. 17]. Как видим, вольно или невольно Гиляров повторяет многие общие критические замечания в адрес Челпанова, с которыми мы уже встречались в рецензиях Н.Я. Грота и В.Ф. Саводника.

Особое значение Гиляров придает тому обстоятельству, что только в самом конце работы Челпанов «считает уместным» дать собственное определение таких наиболее важных понятий, как априоризм и эмпиризм. Между тем, с точки зрения Гилярова, следовало с самого начала четко определить и разграничить

между собой эти понятия, исходя из того, что «по эмпиризму объект обуславливает собою субъекта, по априоризму, наоборот, субъект обуславливает объект» [16, с. 18]. В этом критическом замечании Гиляров исходит из того, что завершать исследование определениями есть свойство индуктивных наук; для теоретических исследований (а исследование Челпанова является именно таковым) дело должно обстоять наоборот. При шаткости исходных определений шатким становится и «все здание», как метафорически выражается Гиляров.

В конце рецензии Гиляров, по-видимому, пытаясь смягчить обилие выявленных в работе Г.И. Челпанова противоречий, пишет о том, что от них не свободно ни одно, даже самое гениальное, философское построение. В любом случае эти противоречия имеют и позитивное значение, «намечая различные направления и побуждая мысль к плодотворной творческой работе». Поэтому «одних методологических соображений для оценки философской работы недостаточно. Насколько плодотворна работа проф. Челпанова, покажет будущее» [16, с. 18].

В целом Гиляров отмечает широкое знакомство автора с интересующими его вопросами, желание разобраться во всех затруднениях, горячую любовь к делу, стремление донести до читателей излагаемый материал в доступной форме. Челпанов, подчеркивает Гиляров, дает удовлетворительный исторический очерк учений о врожденности познания, «толково и ясно» излагает гносеологию Канта, дает «живой очерк» эволюционной психологии, проводит подробный и умелый анализ различных воззрений по вопросу о происхождении геометрических аксиом. Не забывает отметить (как положительное явление) Гиляров и самостоятельную попытку Челпанова доказать, что «в пространстве непроизводным следует признать лишь внеположность, тогда как третье измерение есть результат психической переработки». Правда, Гиляров тут же замечает, что «эта попытка, быть может, и не выдержит требовательной критики, но где в философии такие положения, которые бы ее выдержали?». В общем, подводит итоги Гиляров, «сколь ни велики методологические недочеты работы проф. Челпанова, в ее богатом и разнообразном содержании, изложенном любящей и заботливой о философском просвещении рукой, нельзя не признать достоинств, перевешивающих недостатки, и потому, на взгляд рецензента, не может быть препятствий к допущению ее как диссертации на степень доктора философии» [16, с. 19].

Следует отметить, что в определенной мере соавтором данной рецензии можно считать князя Е. Трубецкого, т.к. в конце рецензии рядом с подписью А.Н. Гилярова содержится приписка:

«К заключению рецензента присоединяюсь. Князь Е. Трубецкой» [16, с. 19].

В несколько измененном виде (не как официальный отзыв оппонента, а как обычная заметка на вышедшую в свет книгу) рецензия Гилярова была опубликована в журнале Министерства Народного Просвещения [17] в разделе «Критика и библиография», что позволило Челпанову выступить с ответной статьей [53], которая, как нам представляется, дает хорошее представление о Челпанове-полемисте.

Явно задетый за живое, Челпанов замечает, что если согласиться с оценками Гилярова, то за книгой следует отрицать «какое бы то ни было научное значение» [53, с. 1]. Челпанов не оставляет без внимания общий подход Гилярова, состоящий в рассмотрении работы только с формальной стороны. Этот способ оценки Челпанов характеризует как «убийственный», поскольку при этом содержательная сторона (эрудиция автора) не берется во внимание, в то время как от логических ошибок не застрахован никто. В принципе такая позиция возможна, но Гиляров сам отступает от нее, переходя от формальной критики к фактической, навязывая автору книги свои противоречия или вместо критики противопоставляя взглядам автора свои взгляды [53, с. 2]. Челпанов доказывает, что он ясно различает гносеологическую и психологическую позиции, проводя исследование во второй части своей работы с точки зрения гносеологии (что отражено в названии диссертации). Челпанов также выступает против того, что априорные понятия в его работе имеют эмпирическое происхождение. С точки зрения Челпанова, говорить о «происхождении» – еще не значит иметь в виду происхождение из опыта; дело в том, что «без опыта априорные понятия не могут возникнуть, но они тем не менее имеют характер неопытный» [53, с. 12].

Ответ Челпанова на упрек о совместимости априоризма с эволюционной теорией показателен тем, что раскрывает общие особенности подхода Челпанова к подобного рода противоречиям, возникающим при столкновении различных точек зрения. Челпанов пишет, что априоризм и эволюционная теория «совсем не исключают друг друга, т.е. один и тот же философ как психолог может быть эволюционистом, но это отнюдь не мешает ему быть априористом в гносеологии». Другими словами, психологическое происхождение того или другого понятия не исключает его априорности, «эволюционизм и априоризм – две совершенно отличных друг от друга точки зрения: эволюционизмом нельзя опровергать априоризма» [53, с. 17]. Аналогично Челпанов станет писать в 20-е годы о соотношении

психологии и философии, а также психологии и марксистской идеологии.

Много места Челпанов уделяет тому, чтобы показать значимость и обоснованность используемых им в диссертации понятий «отвлеченный эмпиризм» и «отвлеченный априоризм». Челпанов указывает, что он борется с тем «реальным», «конкретным» эмпиризмом, который присущ, например, учениям Милля и Авенариуса, т.к. эти авторы последовательно исходят из того, что «познание все целиком происходит из чувственного опыта» [53, с. 22-23]. Челпанов защищается также от обвинения его в «скрытом эмпиризме» и подчеркивает, что между реализмом у него и Локка «огромная разница» [53, с. 23-24]. О приводимых Гиляровым определениях эмпиризма и априоризма Челпанов пишет, что они «лишены всякого смысла», «совершенно неопределенны» и даже «прямо ложны» [53, с. 29]. Заключительные высказывания А.Н. Гилярова о «небезупречности» изложения учения Канта, неопределенности высказываний и т.п. Г.И. Челпанов, пользуясь тем же приемом, что и рецензент, оценивает как «голословные» [53, с. 31].

Таковы в самом кратком виде основные моменты полемики между Гиляровым и Челпановым по поводу докторской диссертации последнего. В дальнейшем у нас не раз будет повод убедиться в том, что многие продемонстрированные в споре с Гиляровым приемы ведения научной полемики можно обнаружить в последующих дискуссиях Челпанова со своими многочисленными оппонентами – в частности, и в дискуссии с Корниловым о значении марксизма для психологии.

Завершая наш экскурс в киевский период научной и педагогической деятельности Челпанова, подчеркнем, что в годы работы в Киеве у Челпанова сформировался определенный круг профессионального и личного общения, в который входили его ученики и коллеги, единомышленники и оппоненты – Н.А. Бердяев, П.П. Блонский, А.Н. Гиляров, В.В. Зеньковский, А.И. Сикорский, Е.Н. Трубецкой, Г.Г. Шпет, А.М. Щербина и многие другие, внесшие, как мы знаем, весомый вклад в развитие отечественной науки и философии. Знание этого круга общения помогает нам лучше понять некоторые весьма существенные особенности биографии Челпанова. Если же учитывать дальнейшие события в жизни Челпанова, и прежде всего события 20-х годов (всероссийские психоневрологические съезды, дискуссия о значении марксизма для психологии, увольнение, публикация полемических брошюр и т.п.), то необходимо, с нашей точки зрения, в данный список лиц, входивших в круг непосредственного общения Челпанова в годы его работы в

Киевском университете, включить еще одну фамилию – И.И. Гливенко.

Благодаря протоколу заседания Совета от 13 марта 1896 г. мы знаем, что «окончивший курс наук историко-филологического факультета г. Гливенко утверждается в должности лектора итальянского языка в Университете Св. Владимира со дня избрания его Советом Университета – 20 декабря 1895 г.» [44, с. 16]. В дальнейшем в «Университетских Известиях» Иван Иванович Гливенко упоминается в списках личного состава в качестве лектора итальянского языка. В 1904 г. И.И. Гливенко стал приват-доцентом, о чем мы можем судить по его опубликованной в 1904 г. в «Университетских Известиях» пробной лекции в этой должности. Все это убеждает нас в том, что это именно тот Гливенко, с которым Челпанова вновь свела судьба в нелегкие 20-е годы. Дело в том, что Гливенко возглавлял Главнауку с момента ее образования в 1921 г. до 1923 г., когда ему на смену пришел Ф.Н. Петров [18]. В начале 20-х годов Гливенко был, как и Челпанов, профессором Московского университета [40, с. 65]. Так, например, в газете «Известия» в материалах о первом Всероссийском научном съезде по психоневрологии говорится: «Открылся съезд в Большой аудитории 2-го государственного университета. Его открыл заведующий Главнаукой проф. И.И. Гливенко» [23, с. 4]. Любопытно, у В.И. Овчаренко в краткой биографической справке И.И. Гливенко (1868-1931) характеризуется как «один из инициаторов организации и сооснователей Русского психоаналитического общества» [40, с. 65]. В контексте отечественной истории психоанализа Гливенко упоминается и у А.М. Эткинда [65, с. 247].

Разумеется, сейчас трудно сказать, проводил ли профессор Г.И. Челпанов занятия с И.И. Гливенкостудентом, какие между ними были отношения в 90-е и последующие годы во время совместной работы на историко-филологическом факультете Киевского университета. Но вряд ли мы ошибемся, если предположим, что сам факт знакомства Гливенко и Челпанова был одним из существенных обстоятельств, позволявших Челпанову оставаться директором своего Психологического Института до конца 1923 г. Невольно бросается в глаза, что два события – вместо И.И. Гливенко заведующим Главнаукой стал Ф.Н. Петров и вместо Г.И. Челпанова директором был назначен К.Н. Корнилов – произошли практически одновременно, в ноябре 1923 г. При такой увязке и трактовке событий становится понятной та болезненная реакция, которую продемонстрировал Корнилов [28, с. 241-242] на докладную записку Челпанова в Главнауку (т.е. И.И. Гливенко!). Вряд ли эта записка вызвала бы у

Корнилова такое недовольство и раздражение, если бы в то время заведующим Главнаукой был такой же «подлинный марксист», как и сам Корнилов. Да и Челпанов вряд ли стал бы писать докладную записку, не надеясь хотя бы на понимание и какуюто поддержку «сверху». Разумеется, все эти факты и предположения требуют дальнейшей проверки, как бы то ни было, не будем забывать о значимости «личного фактора» при изучении истории науки.

Кроме того, в этом плане было бы также интересно обнаружить деловые и личные точки пересечения у Г.И. Челпанова и О.Ю. Шмидта. Дело в том, что О.Ю. Шмидт в 1913 г. окончил физико– математический факультет Киевского университета, в 1916 г. он стал приват-доцентом. И хотя Челпанов к тому времени уже шесть лет как переехал в Москву, не сыграл и здесь фактор общей «альма-матер» положительную роль в последующем – в 20-е годы? Мы имеем в виду тот, в общем-то, удивительный факт, что в середине 20-х годов Челпанову удалось под бдительным оком всемогущего Госиздата (с аппаратом цензуры внутри – Главлитом) издать свои полемические – весьма смелые по тем временам, как мы убедимся далее, – брошюры по вопросам о соотношении психологии, реактологии, рефлексологии и марксизма; но именно в то время, в 1921-1925 гг., О.Ю. Шмидт возглавлял Госиздат.

Г.И. Челпанов покинул стены Киевского университета в 1907 г. К сожалению, из-за прекращения публикации в 1902 г. в «Университетских Известиях» протоколов заседаний Совета у нас нет возможности точно указать дату приказа, в соответствии с которым это произошло. Свое место Г.И. Челпанов предлагал занять Н.О. Лосскому, но тот отказался [33, с. 143]. Вступительную лекцию «Об отношении психологии к философии» Г.И. Челпанов прочел в Московском университете 19 сентября 1907 г. [55]. Впереди были шестнадцать лет работы в качестве профессора Московского университета.

§ 2. Научные и философские взгляды Г. И. Челпанова перед началом дискуссии с К. Н. Корниловым[5]

Не ставя перед собой задачу охарактеризовать научные и философские взгляды Челпанова в целом (это тема специального исследования), мы попытаемся в данном параграфе проанализировать, как в дореволюционных работах Челпанова затрагивалась тема марксизма, с какими представлениями о марксизме Челпанов подошел в 1922 г. к дискуссии с Корниловым и другими психологами-марксистами. Точку зрения Челпанова на марксизм в дореволюционный период и до начала «поворота на идеологическом фронте» в 1922 г. можно обнаружить прежде всего в трех его работах: «Мозг и душа» [59], «Введение в философию» [58] и «Дополнительный курс логики» [56].

Книга «Мозг и душа», имеющая подзаголовок «Критика материализма и очерк современных учений о душе», представляет собой курс публичных лекций, прочитанных Челпановым в 1898-1899 учебном году в Киевском университете св. Владимира. Книга эта выдержала шесть изданий (первое вышло в 1900, последнее – в 1918 г.) и принесла Челпанову большой успех. В.В. Зеньковский, характеризуя начальный период научной и педагогической деятельности Челпанова, позже отмечал: «В Киеве во всей широте развернулось философское дарование Челпанова, – прежде всего надо упомянуть его замечательную книгу «Мозг и душа» (1900), выдержавшую много изданий; это лучшая не только в русской, но и мировой литературе книга по критике метафизического материализма» [21, с. 244]. Очевидно, именно книгу «Мозг и душа» имел в виду Н.А. Бердяев, когда, вспоминая о своей учебе в Киевском университете, писал в автобиографии: «Из представителей академической профессорской философии я еще на первом курсе университета имел близкое общение с Г.И. Челпановым, популярным профессором философии, который с большим успехом читал курс по критике материализма. У него собирались по субботам, я часто у него бывал и мы вели длинные специально философские разговоры. Эти разговоры были мне полезны, я выходил из замкнутости своей мысли. Политически мы расходились, но это было не важно. Челпанов был в философии прежде всего педагогом. Но он был очень живой человек, всем интересовавшийся, он был для того времени новым типом

профессора» [1, с. 114-115].

В книге «Мозг и душа» Челпанов упоминает фамилии К. Маркса, Ф. Энгельса и Бельтова (т.е. Г.В. Плеханова) всего лишь на нескольких страницах, а именно, в первой лекции «Что такое материализм» [59, с. 11-29]. Но дело здесь, разумеется, не только в таком низком количественном показателе отношения Челпанова к марксизму, хотя и частота ссылок тоже может говорить о многом. Мы должны проанализировать, как, в связи с чем и в каком контексте Челпанов касался марксизма. Таким путем нам станет более понятной точка зрения Челпанова на марксизм в 20-е годы.

Челпанов дает следующую характеристику взглядам К. Маркса: «Карл Маркс, творец экономического материализма, находился под влиянием материалистического учения Фейербаха, но это обстоятельство указывает только на связь генетическую, необходимой же логической связи между философским и экономическим материализмом нет. Сущность экономического материализма сводится к признанию полной закономерности исторических явлений; случайность или произвол совершенно исключаются из исторического процесса» [59, с. 26-27]. Далее Челпанов подчеркивает, что «сами защитники экономического материализма очень неясно определяют свое отношение к философскому материализму» [59, с. 27], указывая в примечании на неясность в соотношении между собой понятий «экономический», «философский» и «диалектический материализм» в работах Бельтова (Г.В. Плеханова) «Монистический взгляд на историю» и «Очерки по истории материализма».

С точки зрения дискуссии 20-х годов показательно, что уже здесь Челпанов замечает по поводу взглядов Бельтова, что «из многих мест кажется, что он под материализмом разумеет спинозистический монизм» [59, с. 27]. Здесь же, в примечании, Челпанов высказывается о Марксе и Энгельсе, цитируя при этом работы Масарика и Штерна, что нам ясно показывает, откуда именно Челпанов брал оценки марксизма. Челпанов прямо пишет: «По мнению Штерна, бесспорно, что историческая связь между обеими теориями существует, но логической связи между ними нет. Он находит, что экономический материализм мог быть приведен в связь со спинозизмом или психофизическим монизмом [59, с. 28, прим.].

Отсюда становится понятно, что процитированная нами выше характеристика Карла Маркса как «творца экономического материализма» является почти дословным изложением Челпановым мысли Штерна. Очевидно, это вытекает из общей

установки Г.И. Челпанова: в лекциях он стремился донести до слушателей суть излагаемого вопроса и различные точки зрения на него, не стремясь к особому выделению и подчеркиванию своей точки зрения, своих оценок. Разумеется, для чисто научного исследования такой подход применим лишь на стадии сбора материала; в то же время в педагогической сфере (в лекциях, в учебниках) он может быть весьма удачным, что мы и видим в книге «Мозг и душа», где лекции представляют собой сочетание исторического обзора развития материалистических идей и анализа основных проблем в современном (второй половины XIX века) материализме.

Вся книга Челпанова посвящена прежде всего критике взглядов таких представителей материализма, как Молешотт, Фохт и т.д. Из лекций хорошо видно, что философские взгляды марксистов, с точки зрения Челпанова, заслуживают лишь краткого упоминания и в основном негативных оценок. Марксизма как особого направления в философии – как философского материализма по Марксу и (или) Плеханову, т.е. «философии марксизма», отличной от философского материализма Спинозы, Фейербаха и т.п., – для Челпанова (да и, по-видимому, не только для него…), таким образом, фактически не существовало.

Примерно та же картина открывается нам и при изучении «Введения в философию» Г.И. Челпанова [58]. Лишь на двух страницах Челпанов упоминает фамилию Ф. Энгельса и на одной – К. Маркса, а Бельтов (Плеханов) не упоминается вовсе. Судя по указателю имен, Маркс и Энгельс у Челпанова находятся на том же уровне, что и, например, Вольтер, Руссо или … И.М. Сеченов. Характерно, что в прилагаемом к книге «Конспективном обзоре главнейших моментов в истории философии» [58, с. 533-548] в разделе «Немецкая философия в XIX веке» мы вообще не находим фамилий Маркса или Энгельса. В подпункте «Материализм» упоминаются лишь Фейербах, Бюхнер, Молешотт, Чолбе и Геккель [58, с. 548]. Что же конкретно и в каком контексте пишет Челпанов во «Введении в философию» о марксизме?»

Ссылаясь на работы Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах…» и «Анти-Дюринг» в связи с обсуждением вопроса о природе познания, Челпанов пишет, что согласно взглядам «некоторых из современных материалистов» «наш ум есть как бы отображение того, что имеется во внешнем мире … В действительности эта теория имеет только вид теории, на самом же деле она представляет собой только образное сравнение с отображающим зеркалом, ничего в действительности не объясняющее. Если бы даже признать правильность этой теории, то все-таки вопрос,

каким образом дерево-вещь может сделаться деревом-мыслью, остается по-прежнему нерешенным» [58, с. 17]. Насколько мы понимаем, речь у Челпанова идет о том, что позже будет названо «ленинской теорией отражения»…

И еще в одном месте мы встречаем высказывание Г.И. Челпанова о взглядах Маркса и Энгельса – в главе «Задачи этики». Оценивая взгляды Маркса и Энгельса (основателей, как пишет Челпанов, «так называемого исторического материализма») в области этических проблем, Челпанов их подход в итоге сближает с … аморализмом Ф. Ницше: «В новейшей философии относительность нравственных принципов доказывалась Локком, а в самое недавнее время – Марксом и Энгельсом, основателями так называемого исторического материализма. Энгельс, например, находил, что моральные принципы того или другого индивидуума меняются в зависимости от принадлежности к тому или другому классу … Это приводит нас к тому, что обыкновенно называется аморализмом или просто этическим скептицизмом … Аморалистом в современной философии является Ницше» [58, с. 313].

По-видимому, подобные рассуждения Челпанова и такую манеру излагать и интерпретировать различные теории имел в виду ученик Челпанова П.П. Блонский, много лет спустя в своих воспоминаниях так оценивая стиль своего бывшего учителя: «Г.И. Челпанов был излагатель и полемист. Излагал он действительно очень популярно и в этом смысле действительно был прекрасным популяризатором. Но это относится к форме изложения, а не к содержанию. Тех, с кем он полемизировал, он обыкновенно излагал так, что они, конечно, протестовали бы против подобного изложения: упрощал их мысли, давал слабые редакции их, иногда был в этом даже недобросовестен. Изложение крупных мыслителей было крайне упрощенным. Когда впоследствии я знакомился с оригиналами, я нередко удивлялся: настолько это оказывалось незнакомым мне. Теперь мне ясно, что читал он поверхностно, а в ряде случаев и тенденциозно» [4, с. 63].

К этой двойственной оценке Блонским Челпанова– педагога и философа следует относиться с пониманием, учитывая как время написания «Воспоминаний» (30– е годы), так и время их публикации (1972 г.). Нечего и говорить, что не будь у Челпанова «упрощенного изложения крупных мыслителей», у Блонского и других слушателей челпановских лекций вряд ли возникла бы потребность «впоследствии ознакомиться с оригиналами» самостоятельно.

Теперь мы перейдем к книге Г.И. Челпанова «Дополнительный курс логики» [56]. Полное название этой

небольшой книги – «Дополнительный курс логики, читанный в Московском университете в 1908-1909 г. Издание для слушателей. Издание Общества взаимопомощи студентов-филологов по запискам студ. Игнатова и С. Чемоданова». Такой своеобразный жанр делает весьма проблематичным использование этого сочинения в полемике, что для Корнилова, впрочем, как и в других аналогичных случаях, не было помехой в дискуссии с Челпановым. В этой книге мы находим, пожалуй, наиболее полное выражение точки зрения Челпанова на марксизм. Вся книга – это краткий конспект шестнадцати лекций Челпанова, посвященных проблемам философии истории и методологическим проблемам философии. О марксизме Челпанов высказывается в двух лекциях – шестой «Об историческом процессе» и седьмой «Об исторических законах». Челпанов указывает два противоположных подхода к вопросу о постижении законов истории – идеалистический (или идеологический, исходящий из идей) и натуралистический. Марксизм рассматривается Челпановым как разновидность натуралистического подхода.

«Дополнительный курс логики» является в настоящее время библиографической редкостью, поэтому мы постараемся ниже достаточно подробно изложить рассуждения Челпанова о марксизме. Это нам поможет увидеть, насколько последовательно проводил Челпанов уже в 20-е годы свою прежнюю, дореволюционную точку зрения на марксизм.

Обрисовывая попытки толкования исторического процесса, Челпанов писал: «Развитие натуралистического толкования на этом не остановилось – в конце 90-х гг. у нас сделалось очень популярным учение, известное у нас под именами марксизма, материализма, экономического материализма, которое и заняло резко оппозиционное положение по отношению к идеалистическому пониманию истории. Последнее утверждало, что в истории главным двигателем являются идеи. Экономический материализм это отвергает … Эта теория сжато формулирована Марксом так: «Не сознание людей определяет формы бытия, а формами бытия определяется сознание людей» [56, с. 32].

Изложив сущность марксизма, Г.И. Челпанов затем переходит к оценкам этой теории, прежде всего подчеркивая в ней положительные стороны: «В экономическом понимании истории мы находим одну, очень важную идею, которую нужно признать несомненной заслугой этой теории. Она говорит нам, что в истории есть какой-то субстрат, на котором возникает движение истории. Экономический материализм нашел этот субстрат в

социальном хозяйстве … Какова ценность этой теории? Совсем она бесценна или же нет? За ней приходится признать известные заслуги. Благодаря этой теории у нас за последнее время внедрилась мысль, что идеи могут носить утопический характер, если они возникают в несоответствующее им время. Устранение утопичности идеи и идеала имело очень большое значение. Но эта мысль не явилась такой новой – уже Спенсер говорил, что «идеи не управляют и не опрокидывают мира». Но учение Маркса имеет и ряд недостатков, из которых коренным является положение, что социальное хозяйство есть единственный фактор движения истории … Подводя итоги всему сказанному, мы должны сказать, что история является порождением множества факторов. Историческая причинность относится к той группе, которую нельзя объяснить одним только фактором.

… Наше положение мы можем формулировать так: не отрицая влияния внешней природы, не отрицая важности экономических отношений, мы должны признать, однако, наряду с ними значение в историческом процессе идей и идеалов» [56, с. 34-46].

В следующей, седьмой лекции, Г.И. Челпанов, показывая себя психологом, ставит вопрос о роли личности и «психической причинности» в историческом процессе. По мнению Г.И. Челпанова, «роль личности с точки зрения натуралистической сводится к нулю, с точки зрения идеалистической роль отдельной личности, индивидуума – все. Это вопрос очень спорный» [56, с. 38]. При рассмотрении этого вопроса Челпанов отстаивает идею о значимости человека и его психики: «Если мы скажем, что великие люди ускоряют или замедляют процесс, то тем самым мы признаем, что они являются факторами. Таким образом, в числе факторов истории есть также и духовный фактор; размер его для меня не важен, мне нужно только доказать существование духовного фактора. Я возражаю против того, что психическая причинность есть лишь отражение физической, как утверждает экономический материализм. Сводить психическое к нулю значит извратить отношение между психическим и физическим. Я утверждаю, что психическое, в какой бы то ни было дозе, является одним из факторов исторического процесса» [56, с. 39-40]. Далее [56, с. 40-42] Г.И. Челпанов цитирует «Капитал» К. Маркса (!) – в связи с вопросом о различии между законами истории и естествознания, истории и природы.

При оценке отношения Челпанова к марксизму следует учитывать, что Челпанов, будучи последователем Вундта и Штумпфа и выражая позитивистские тенденции своего времени, низко оценивал философию Гегеля и его диалектический метод,

считая систему Гегеля донаучной, умозрительной в отличие от современной научной философии и психологии.

Несколько выдержек из «Введения в философию» дают нам представление об отношении Челпанова к Гегелю. Г.И. Челпанов писал: «Философы-идеалисты начала XIX века (Фихте, Шеллинг, Гегель) предполагали, что философский способ познания совершенно отличается от обыкновенного эмпирического или научного познания. В то время как под научным познанием они понимали познание, которое получается благодаря опыту и наблюдению реальных вещей и явлений, под философским познанием они понимали познание, которое получается благодаря раскрытию содержания понятий … Но стоит ли долго останавливаться на рассмотрении этого взгляда? Можно прямо утверждать, что в настоящее время нет философов, которые думали бы, что есть какой-то особый философский метод познания. В настоящее время философы всех направлений признают, что возможен только один способ познания, именно, познание при помощи опыта и наблюдения, руководимого рассуждением. Философ не обладает каким-нибудь особым методом познания» [58, с. 1].

В другом месте книги Г.И. Челпанов противопоставляет Гегеля и Гартмана: «Между тем как, например, Шеллинг, Гегель при построении системы философии относились с пренебрежением к научным данным или вообще придавали им второстепенное значение, руководствуясь главным образом своими умозрениями, у Гартмана, согласно духу времени, является новая черта – он считает необходимым те результаты, к которым пришел путем умозрения, привести в связь с научными данными, добытыми индуктивным путем…» [58, с. 283].

Мы здесь не будем детально доказывать, что в понимании марксизма Г.И. Челпанов, как и во многих других вопросах, следовал за В. Вундтом, который о марксизме высказывался, в частности, так: «В последнюю же стадию своего развития Фейербах уже склоняется к материализму, который, однако, у него не получил еще вполне определенной формы и который после него развился в двух направлениях: в форме появившегося в середине столетия естественно-научного материализма Я. Молешотта, Л. Бюхнера и др., который по сравнению с французским материализмом эпохи просвещения не дал ничего нового; и в форме выступившего на сцену, около того же времени, экономического материализма Карла Маркса и Фридриха Энгельса – материализма, который все духовное развитие выводил из «материальной основы» хозяйственной жизни, с целью обосновать на этой предпосылке социалистическую

философию истории и теорию социальной жизни» [12, с. 176]. В этой же работе Вундт называет марксизм также «социологическим материализмом» [12, с. 243-244], указывая на отсутствие у него «необходимого теоретического фундамента» [12, с. 244].

Наш анализ представлений Челпанова о марксизме до начала дискуссии с Корниловым позволяет нам сделать следующие выводы. Все три рассмотренные выше работы Челпанова – «Мозг и душа», «Введение в философию», «Дополнительный курс логики» – не посвящены специально марксизму, это даже не философские или психологические монографии, а всего лишь учебники для высшей школы, предназначенные, следовательно, не для узкого круга теоретиков– профессионалов, а для студенческой аудитории. Учебники же, как известно, по сравнению с чисто научными работами являются по своей функциональной сути более консервативными, менее проблематичными, словом, не такими современными и глубокими, ведь в них необходимо отражать уже устоявшееся, ставшее бесспорным (и понятным!) знание. Мало того, во всех трех работах вопрос о марксизме проходит как незначительный по объему, глубине и детальности рассмотрения. Мы ясно видим, что Челпанов имел дело лишь с отдельными работами, отдельными мыслями, высказываниями К. Маркса и Ф. Энгельса, нередко пользуясь при этом оценками и суждениями о марксизме других исследователей (Плеханова, Масарика, Штерна и т.д.). Не менее важно и то, что все три упомянутые работы Г.И. Челпанова – это работы не по психологии, а по философии или логике. Поэтому мы можем с полным правом утверждать, что Челпанов как психолог до революции ничего не писал о марксизме. Такой вывод мог бы выглядеть как упрек Челпанову или даже В. Вундту, если бы мы не представляли себе сейчас достаточно ясно, какое положение занимали марксистские идеи в контексте научной и философской мысли в Европе конца XIX – начала XX вв.

Но и для Челпанова-философа до революции марксизма как самобытного целостного философского учения («философии марксизма») не существовало. В общей иерархии философских идей и теорий Маркс, Энгельс и Плеханов занимали у Челпанова низкое место. Челпанов показывал необоснованность и неоригинальность марксистских идей. Поэтому и до дискуссии, и уже во время нее для Г.И. Челпанова не существовало вопроса о значении марксизма для философии и тем более – для психологии, а идея создания особой марксистской психологии выглядела для него, пожалуй, столь же фантастичной, сколь и призыв создания особой «ницшеанской», «спенсеровской» или «молешоттовской психологии», претендующей на превосходство

как со всеми предшествующими, так и современными теориями в психологии.

То же отношение к марксизму осталось у Челпанова и в дальнейшем. В 20-е годы Челпанов совсем не случайно употреблял в качестве основного выражение «идеология марксизма», а не «марксизм» или же «философия марксизма». Это была не только дань политической моде. Менее опытные и неискушенные в логических тонкостях оппоненты Челпанова вовсе не реагировали на подобные нюансы. В 20-е годы дореволюционный «багаж» Челпанова в понимании сути философии марксизма и вопроса о психике (и психологии, следовательно) в марксизме позволял ему осознанно держаться плехановской формулы: марксизм – это вид спинозизма. Так Челпанов выражал свое отношение к оригинальности и значимости марксизма.

Поэтому мы имеем полное право сформулировать парадоксальный только на первый, поверхностный взгляд вывод: до революции Г.И. Челпанов действительно по существу, по-серьезному, по-настоящему глубоко и принципиально не критиковал марксизм, не боролся с ним, но не потому, что соглашался с марксизмом, а потому, что не видел в нем объект, достойный серьезного изучения и критики. Кроме того, мы должны понимать, учитывая социальный, педагогический и теоретический контекст научных и философских взглядов Челпанова (на марксизм и в целом), что поверхностный уровень понимания, упоминания и критики Челпановым марксизма в дореволюционной России был вполне необходим и достаточен для решения тех задач, которые ставил Челпанов перед собой как философ, логик и педагог высшей школы.

Учитывая «жанр» работ Г.И. Челпанова, в которых он так или иначе затрагивает тему марксизма – учебники, лекции, естественно предположить, что Челпанов, будучи прежде всего организатором высшего психологического образования в стране, также «поверхностно и тенденциозно», кратко, категорично и критично, но вполне оправданно с педагогической точки зрения и в меру общей своей эрудиции излагал и интерпретировал и другие, маловажные, с его точки зрения, теории и взгляды. Вполне возможно, что многие ученые и философы, взгляды которых излагал Челпанов в своих учебниках, при возможности предъявили бы Челпанову большие претензии, если бы, как критики-марксисты 20-х годов, вырывали высказывания о своем направлении из общего контекста и не учитывали той аудитории, к которой обращался Г.И. Челпанов. А упрекать, с нашей точки зрения, Челпанова за то, что он не был самобытным, творческим

философом, так же неоправданно, как и упрекать, например, Н.О. Лосского или Н.А. Бердяева за отсутствие у них организаторских или педагогических способностей.

Подытоживая, мы можем теперь с уверенностью сказать, что общей философской и научной культуры и знаний о марксизме у Г.И. Челпанова оказалось вполне достаточно для того, чтобы впоследствии с самого начала марксистской дискуссии в психологии правильно понять суть проблемы, имея наготове критерии оценки и продуманную аргументацию.

Все это важно и для того, чтобы понимать, что же из себя представлял как ученый-психолог, философ и марксист главный оппонент Г.И. Челпанова – К.Н. Корнилов.

§ 3. О научных и философских взглядах К.Н. Корнилова[6]

Константин Николаевич Корнилов (1879-1957) – одна из характерных фигур в истории отечественной психологии уходящего столетия. Наряду с Б.Г. Ананьевым, П.П. Блонским, Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, С.Л. Рубинштейном, А.А. Смирновым, Б.М. Тепловым и другими известными психологами К.Н. Корнилов внес значительный вклад в развитие психологической науки в нашей стране.

К.Н. Корнилов поступил в Московский университет в 1905 г. в возрасте 26 лет. До этого он окончил Омскую учительскую гимназию и семь лет (1898-1905) проработал учителем «в глухом сибирском селе Алтайского края» [22, с. 5]. По окончании учебы в университете в 1910 г. Корнилов был оставлен при университете для подготовки к преподавательской и научной деятельности, говоря современным языком, стал аспирантом. В 1915 г. Корнилов состоял старшим ассистентом при Психологическом Институте, еще через год он стал приват-доцентом по экспериментальной психологии. К этому времени Корнилов уже практически завершил свое диссертационное исследование, посвященное экспериментальному изучению реакций.

В 1921 г. Корнилов по поручению Народного комиссарата просвещения открыл педагогический факультет при втором Московском университете. Корнилов был назначен деканом этого факультета и профессором кафедры психологии. После реорганизации факультета в педагогический институт Корнилов до конца своей жизни был заведующим кафедрой психологии этого института.

Без преувеличения можно сказать, что Корнилов был одним из творцов советской психологии. Ведь именно он впервые в 1923 г. высказал идею о необходимости построения особой науки – марксистской психологии. В качестве конкретной реализации этой идеи он предложил свое разработанное еще до знакомства с марксизмом «учение о реакциях» – реактологию. В 20-е годы реактология была одним из ведущих направлений в советской психологической науке. Не случайно в вышедшей в США книге «Психологии 1930» [69] психология в СССР была представлена в разделе «Russian psychologies» тремя направлениями – теорией высшей нервной деятельности И.П. Павлова [68], рефлексологией В.М. Бехтерева [70] и «психологией в свете диалектического материализма» К.Н. Корнилова [66].

Марксистская психология (она же – реактология) Корнилова была той отправной точкой, от которой в 20-е годы и позже отталкивались (правда, не столько в смысле опоры, сколько в смысле неприятия и отказа) другие советские психологи-теоретики, занимавшиеся марксистскими проблемами психологии – Л.С. Выготский [13], А.Н. Леонтьев [32], С.Л. Рубинштейн [47].

Но, как это ни парадоксально, в начальный период своей научной биографии Корнилов был (что хорошо видно по его публикациям до 1922 г. включительно) ярко выраженным психологом-экспериментатором и не испытывал тяги к сложным философским и теоретическим вопросам психологии, на которые он выходил лишь постольку, поскольку это требовалось при рассмотрении проблем, связанных с организацией и проведением лабораторного эксперимента: при обосновании методики, сравнении, интерпретации и обобщении результатов и т.д. Отсюда легко понять, что если Челпанов в своих работах почти ничего не говорил о марксизме, то Корнилов, имея ориентацию на вопросы экспериментальной психологии, знал о марксизме и того меньше, т.е. совсем ничего. Но, как это ни парадоксально, именно это и привело Корнилова в 20-е годы к идее о возможности построения особой «марксистской психологии». По публикациям вплоть до 1922 г. мы можем конкретно судить, какие проблемы интересовали Корнилова как психолога.

Начав в 1913 г. работу над диссертацией, Корнилов для изучения реакций разработал методику учета реакции испытуемого сразу по трем показателям – времени, силе и динамике протекания реакции. В этом плане показательна написанная Корниловым в 1916 г. статья «Конфликт двух экспериментально-психологических школ» [25], в которой он попытался экспериментально выяснить методический спор между школой В. Вундта и школой Н. Аха относительно соотношения в эксперименте субъективной и объективной сторон и их учета. Разрешение конфликта Корнилов видел в компромиссном подходе: «Только непротиворечивое единство объективных и субъективных данных, их взаимное пополнение и обоюдный контроль – вот, по нашему мнению, единая прочная основа полного и однозначного в своих результатах эксперимента. Таковым представляется нам разрешение этого конфликта, поскольку мы подходим к рассмотрению его с чисто методической стороны. Мы полагаем, что в этом столкновении двух экспериментально-психологических школ школа Вундта и Титченера занимает более крепкую позицию, нежели школа Вюрцбургская» [25, с. 327-328].

Скорее всего именно здесь, в этих словах, заключена в зародыше будущая идея Корнилова о реактологии, а затем и марксистской психологии как синтезе объективной и субъективной психологии, причем все-таки больше предпочтений отдается одной из сторон, а именно, объективной психологии (рефлексологии, бихевиоризму). Подчеркнем, что данная статья позже была включена Корниловым в расширенном виде, но без каких-либо принципиальных изменений, в качестве пятой главы «Методика постановки опытов» в монографию «Учение о реакциях человека …» [86].

Г.И. Челпанов к формирующимся индивидуальным особенностям К.Н. Корнилова-психолога относился спокойно. Об этом мы можем судить из слов П.П. Блонского, который писал о Г.И. Челпанове: «Будучи сам без ярко выраженных собственных взглядов, он не нажимал на своих учеников, чтобы они непременно имели такие-то определенные взгляды. Больше того: я считаю счастьем для себя, что учился именно у него, популяризатора, педагога, а не философа. Именно благодаря этому я получил редкую в тех условиях возможность идти своим собственным путем» [4, с. 65].

Необходимо также отметить, что еще за два года до первого психоневрологического съезда, в январе 1921 г., Корнилов считал, что «основным биологическим моментом для всякого живого существа служит явление реакции, способность отзываться на внешние раздражения»; для всестороннего изучения этого явления «необходимо выделение особой научной дисциплины – реактологии, составляющей ответвление биопсихологии» [26, с. 102].

В этих словах Корнилова обращает на себя внимание биологический уклон в понимании психологии, ее предмета, задач и методов. О социологии, социальности и о марксизме тут речи нет вовсе. Показателен поведенческий, бихевиористский лексикон: «реакция», «живое существо», «внешние раздражения» и т.п. Из упоминания биопсихологии можно заключить, что Корнилову были близки идеи В.А. Вагнера, который в своих работах в области биопсихологии [10], [11] исследовал биологические, поведенческие детерминанты эволюции психики. Нельзя не отметить даже чисто внешнее сходство в названиях работ: у Корнилова – «Учение о реакциях человека с психологической точки зрения (Реактология)», у В.А. Вагнера – «Биологические основания сравнительной психологии (Биопсихология)». Впрочем, идеи о психологии как биологической науке, биопсихологии отчетливо звучат и у Н.Н. Ланге [31]. Кроме того, в выборе названия для своей концепции

(«реактология»), да и в самой претензии сказать свое слово в науке на К.Н. Корнилова не мог не повлиять своим примером, очевидно, и В.М. Бехтерев, с начала века разрабатывавший особую «объективную психологию», затем преобразованную в «психо-рефлексологию» и в конечном счете в рефлексологию.

С точки зрения дальнейшей эволюции теоретических взглядов Корнилова следует подчеркнуть, что в упомянутых январских тезисах 1921 г. он претендует только на место реактологии внутри биопсихологии в качестве ее «ответвления», а не наряду с ней или выше ее, по-видимому, прежде всего из-за своей особой методической, экспериментальной направленности. Заметим, что в этом же номере журнала помещены тезисы Челпанова по аналогичной проблеме [60]. Любопытно сравнить эти два ответа ученых на один и тот же вопрос относительно психологии труда.

Абсолютно новыми и оригинальными реактологические идеи Корнилова не были и с собственно психологической стороны. Раскрывая «секрет Полишинеля», Челпанов в ходе дискуссии 20-х годов напоминал свои сказанные еще в 1909 г. слова о том, что психология изучает реакции, имея в виду психофизические, а не чисто физиологические, поведенческие или только внутренние, психические реакции. Добавим, что, если смотреть еще глубже, сама идея реакции (и метода реакций) идет от «метода реакций» в системе Вундта, о чем многократно писал и сам Корнилов, и что вполне справедливо отмечали, указывая корни корниловской реактологии, другие критики Корнилова, например авторы партийной резолюции 1931 г. [24, с. 4].

В общем, и по содержанию идей, и по своим честолюбивым претензиям Корнилов соответствовал тому духу реформаторства и, соответственно, биологизаторства, объективного подхода и т.д., который царил в русской, да и во всей мировой психологии в начале века. Для сравнения стоит привести слова П.П. Блонского из книги «Реформа науки», изданной в 1919 г.: «Если невзгоды современной жизни – голод, холод, туберкулез и гражданская война – пощадят мою жизнь еще на несколько лет, я издам «Опыт построения «Mathesis Uniwersalis» [обобщенной математики, универсальной науки. – *С.Б.*], в которой изложу подробно развитую и обоснованную систему обобщенной математики. Но если я и не буду жить, я уверен, что будущее математики, философии и науки только таково, потому что иным оно не может быть» [3, с. 21]. Не менее грандиозные планы, также никак не связанные, правда, с марксизмом, были и у А.Р. Лурии [34], К.К. Платонова [41, с. 3-5], не говоря уже о частично реализованном проекте Л.С. Выготского.

Ни о марксизме, ни о какой-либо философии вообще у Корнилова тезисах 1921 г. речи не ведется. Через полгода, в июне 1921 г., Корнилов еще более определенно и решительно высказался по вопросу о значении для психологии философии и о месте психологии среди наук. В предисловии к первому изданию работы «Учение о реакциях человека» он писал: «Я держусь категорических взглядов о полном и решительном отделении психологии от философии … Я думаю, что место психологии в ряду естественно-научных дисциплин» [27, с. 8]. Из этого предисловия следует, что психология, по Корнилову, может быть либо философской дисциплиной, и тогда умозрительной, метафизической, идеалистической, ненаучной и т.д., либо естественнонаучной, что автоматически означает ее подчинение биологии или даже физике. Очевидно, в это время, на четвертом году революции, никакой философии, кроме умозрительной (от которой, по Корнилову, для психологии нет никакого толка), для Корнилова не существовало, а образцом настоящей, подлинной, современной науки для него была естественная наука – биология или даже физика.

О марксизме и марксистской философии Корнилов, безусловно, слышал, но в то время, в июне 1921 г., никакой связи своих реактологических идей и исследований с марксистскими проблемами он не видел и не указывал.

Позже Челпанов в ходе полемики со своим бывшим учеником подчеркивал, что «Учение о реакциях» написано «по интроспективному методу, принятому в Психологическом институте Московского университета. Вследствие этого внимательный читатель совершенно не в состоянии уловить, в чем, собственно, состоит марксизм в психологии, по пониманию Корнилова. Может быть, в нескольких фразах, имеющих отношение к идее классовой борьбы» [61, с. 22].

В плане динамики теоретических взглядов характерно то, что в предисловии к «Реактологии» К.Н. Корнилов уже не упоминает тезиса о реактологии как о части биопсихологии, указывая на другую связь: «В смысле методики экспериментально–психологического исследования я считаю себя последователем школ Вундта и Титченера…» [27, с. 8]. Здесь же Корнилов пишет, что в экспериментальном и методическом плане при построении своей реактологии он исходит не только из классической эмпирической психологии, но и из впечатляющего для него образца – «Психодинамики» А. Лемана [67]. Стоит также обратить внимание на то, что до 1922 г. К.Н. Корнилов при всем своеобразии своего методологического подхода нигде не заявлял о каких-либо принципиальных разногласиях со своим учителем и

научным руководителем – профессором, директором Психологического института Г.И. Челпановым. Только в «Учении о реакциях человека» К.Н. Корнилов сделал попытку самостоятельно теоретизировать и философствовать.

Выше мы уже отмечали, что годы после окончания университета, наполненные войнами, революциями и разрухой, вовсе не способствовали научным изысканиям и научной карьере Корнилова. Согласно Е.И. Игнатьеву, «в 1915 г. Корнилов состоял старшим ассистентом при Психологическом институте Московского университета, а с 1916 г., сдав магистерский экзамен, работал приват-доцентом по экспериментальной психологии. К этому времени он закончил диссертацию на тему «Учение о реакциях человека» [22, с. 5]. Шесть лет (1910-1916) – срок немалый, но и в последующие годы Корнилов смог опубликовать свой труд только через пять лет, в 1921 г. В «Реактологии» хорошо видно, что философские проблемы в психологии не представляли для Корнилова в то время самостоятельной ценности.

Однако и в вышеупомянутых тезисах [26], написанных в январе 1921 г., и в июньском предисловии к «Реактологии» Корнилов проявляет ощутимую теоретическую озабоченность, хотя это выражено у него в весьма наивной форме. Как можно, например, серьезно утверждать о разрыве с философией, в то же время объявляя себя последователем Вундта, пусть даже «только» в экспериментальном, методическом плане? Эта озабоченность проявляется у Корнилова в стремлении вписать свои взгляды в контекст современной ему психологии, быть в контексте одного из ведущих направлений.

Уже на этом жизненном этапе мы видим те личностные особенности Корнилова, которые окажутся существенными для него в его личности и деятельности как психолога-марксиста: философская и теоретическая неопытность и прямолинейность в сочетании с ярко выраженным интересом к экспериментальной работе, категоричность суждений и оценок при непостоянстве, изменчивости этих оценок, честолюбивые замыслы создания своей психологии в соединении с небольшим общим стажем научной работы; столкновение нигилистической и консервативной тенденций в научной деятельности и т.д. В этом смысле Корнилова можно охарактеризовать как типичного представителя своей противоречивой эпохи.

В целом же мы можем сказать, что за годы своего становления как ученого – годы, заполненные войнами и революциями, – Корнилов за 12 лет (1910-1922) просто физически не успел развиться в сколько-нибудь значимого

теоретика и методолога в области психологии. Тем не менее, как мы показали выше, Корнилов как ученый за десятилетие, предшествовавшее началу марксистской дискуссии в психологии, проделал определенную эволюцию в области психологической теории.

Между тем общепринятая логика при изложении взглядов Корнилова 20-х годов выглядит, можно сказать, прямо противоположным образом. Обычно утверждается, что в первые годы после революции Корнилов становится приверженцем марксизма и формулирует задачу по построению марксистской психологии. Исходя из основных положений марксистского диалектического метода (триада как движение от тезиса к антитезису и синтезу), Корнилов выдвигает тезис о марксистской психологии как синтезе субъективной и объективной психологий. В качестве конкретного варианта марксистской психологии Корнилов предлагает свою реактологию. Правда, вскоре этот вариант решения проблемы «психология и марксизм» признается недостаточным, узким и т.д., что приводит к его фактической ликвидации и забвению. В этих рассуждениях красной нитью проходит мысль, что Корнилов шел от общего к частному, т.е. от общих марксистских положений к конкретной психологической эмпирии.

Обращение к работам Корнилова периода до 1922 г. и рассмотрение вопроса о том, какие взгляды были у Корнилова до появления идеи о марксистской психологии, заставляет усомниться в истинности данной логической цепочки хотя бы потому, что она подразумевает, что до знакомства с марксизмом у Корнилова не было никаких соображений о проблеме двух психологий, соотношения субъективного и объективного и т.д., что он представлял собой, образно говоря, «чистую доску» и был одним из сторонников и выразителем идей эмпирической психологии, идя вслед за Челпановым. Реальная картина, как мы только что показали выше, опираясь на конкретные работы Корнилова, выглядит по-иному. В общем виде развитие идей Корнилова – от эмпирической психологии к реактологии и марксистской психологии – можно представить в виде следующих четырех тезисов.

1. К.Н. Корнилов, проводя в дореволюционные годы экспериментальные и теоретические исследования сенсорной, моторной и натуральной реакций в рамках эмпирической психологии, приходит к мысли о необходимости учитывать как субъективную, так и объективную стороны различных реакций человека в их

неразрывном единстве.

2. Развивая свою мысль далее, Корнилов приходит к идее о трактовке реакции как специфического явления, органически включающего в себя субъективную (интроспективную, выражающуюся в переживании) и объективную (рефлекторную) стороны.

3. Затем Корнилов выдвигает тезис об особом направлении в экспериментальной психологии, изучающем реакции человека с субъективной и объективной стороны в единстве этих двух сторон. Это направление Корнилов называет реактологией.

4. Последующее знакомство с марксизмом позволяет Корнилову еще выше поднять ранг своей реактологии. Теперь это уже не раздел экспериментальной психологии в рамках традиционного эмпирического направления, а особое, самостоятельное направление в психологии наряду с субъективной и объективной психологией. С помощью реактологии Корнилов стремится удержать и синтезировать все то позитивное, что есть в двух крайних направлениях – в субъективной и объективной психологии. Тем самым он стремится, противопоставляя себя этим направлениям, разработать свой, третий путь, третий вариант разрешения психологической проблемы соотношения субъективного и объективного.

На этом этапе (1922-1923) Корнилов начинает утверждать, что его идея синтеза субъективной и объективной психологий является конкретным разрешением проблемы «двух психологий» с помощью марксистского диалектического метода, описывающего разрешение противоречия как движение от тезиса через антитезис к синтезу. Все это ведет к тому, что Корнилов фактически проводит знак равенства между понятиями «марксистская психология» и «реактология»: его реактология и есть конкретный вариант, конкретная попытка построения марксистской психологии.

Таким образом, фактически К.Н. Корнилов двигался в своих теоретических исследованиях, с нашей точки зрения, не от марксизма к психологии, не от общего к частному, а наоборот, от психологии – к марксизму, от конкретных фактов – к теоретическим, методологическим и философским обобщениям, содержащимся в марксизме. Данный вывод позволяет лучше понять содержание и дальнейшую судьбу идеи К.Н. Корнилова о марксистской психологии как синтезе субъективной и объективной психологий.

Но важно не только проводить адекватную реконструкцию движения той или иной творческой мысли К.Н. Корнилова на различных этапах его научной биографии. Следует не упускать из виду картину в целом.

По большому счету, было бы несправедливо сводить всю многолетнюю и разностороннюю научную деятельность К.Н. Корнилова только к теоретическим изысканиям, сводя последние, в свою очередь, только к новшествам в области реактологии и марксистской психологии. В конце концов, свои реактологические идеи К.Н. Корнилов фактически разрабатывал в духе марксизма только в течение одного десятилетия (примерно с 1922 по 1932 г.), а ведь у него были еще и предшествующее десятилетие, и последующие двадцать пять лет научной деятельности в области психологии.

Судя по тому, что мы можем узнать о К.Н. Корнилове из работ по истории психологии и из его собственных работ (см. Приложение 1), до сих пор о К.Н. Корнилове как ученом и о его многоплановой деятельности в области психологии нет цельного и в то же время детального, эмпирически обоснованного представления. В первом приближении речь может идти по крайней мере о четырех образах К.Н. Корнилова, которые не так-то просто согласовать между собой.

Во-первых, есть К.Н. Корнилов дореволюционного периода – сначала студент Московского университета, а затем сотрудник Психологического института, ученик Г.И. Челпанова, проводящий исследования реакций с помощью интроспективного метода, но под контролем объективных показателей. Перед нами К.Н. Корнилов, творящий реактологию, но не противопоставляющий при этом свои взгляды взглядам В. Вундта и Г.И. Челпанова и ничего не знающий (во всяком случае ничего не пишущий) о марксизме.

Во-вторых, есть К.Н. Корнилов 20-х годов – директор Московского института экспериментальной психологии, выступающий с идеей построения марксистской психологии, публикующий на эту тему цикл статей и «Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма», критикующий всех вокруг (в том числе и эмпирическую психологию В. Вундта и Г.И. Челпанова) за немарксистские и антимарксистские взгляды и высоко оценивающий педологию и психотехнику за их практическую направленность.

В-третьих, есть К.Н. Корнилов после «реактологической дискуссии» 1931 г., уже не директор Института экспериментальной психологии, а только профессор и заведующий кафедрой психологии Московского пединститута, а

затем (в 40-е годы) – действительный член и вице-президент АПН РСФСР, редактор журнала «Семья и школа», пишущий и редактирующий учебники, критикующий буржуазную психологию вообще и педологию с психотехникой в частности, но никак не проявляющий себя в качестве творца, новатора и спорщика, автора актуальных лозунгов и идей, как ранее.

Наконец, в-четвертых, есть К.Н. Корнилов 50-х годов, целенаправленно занимающийся вопросами психологии личности советского человека в духе господствующей коммунистической идеологии, но по– прежнему подчеркнуто не принимающий участия, судя по публикациям, в различных дискуссиях и обсуждениях актуальных психологических проблем государственного масштаба: фамилии К.Н. Корнилова мы не встречаем, например, в таких изданиях, как «Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова» [37], «Учение И.П. Павлова и философские вопросы психологии» [49], «Материалы совещания по психологии» [35].

Можно получить представление о каждом из этих столь резко отрицающих друг от друга «ликов» и, соответственно, этапов научной биографии Корнилова. Но представляют ли они все вместе единство? Создается впечатление, что взгляды Корнилова были очень изменчивы, но это не было постепенным уточнением и накоплением знаний подобно увеличению массы катящегося с горы снежного кома. Новое у Корнилова полностью отрицает старое. Старое перестает существовать, как будто его вовсе не было. Такова теоретическая «легкомысленность» Корнилова: вчера реактология была частью биопсихологии, сегодня она – один из вариантов разработки экспериментальных идей Вундта, Титченера или Лемана, завтра – полностью соответствует марксизму и т.п.

Эта особенность характера и стиля научной деятельности Корнилова не являлась тайной уже для его современников. Об этом писал, например, И.Н. Шпильрейн, отмечая в одной из своих статей (в параграфе с характерным названием «О талмудизме и марксизме») необоснованность и поверхностность в динамике взглядов Корнилова. Приведя слова Корнилова из предисловия к первому изданию «Реактологии» о приверженности взглядам Вундта, Титченера и Лемана, И.Н. Шпильрейн указывал: «В предисловии ко второму изданию «Учения о реакциях человека», помеченном 16 февраля 1923 г., К.Н. Корнилов (уже успевший до того выступить в № 1 журнала «Под знаменем марксизма» за 1923 г. со статьей «Психология и марксизм») опустил весь этот абзац и заменил его другим: «Ставя перед собой широкую задачу – изучения поведения человека, понимая под этим поведением

совокупность реакций человека на биосоциальные раздражители, я начал изучение этих реакций не с теоретического, а с экспериментального их исследования и обоснования, ибо считал, что только на почве строго научного экспериментального изучения того объекта, который кладется в основу всех построений, возможно делать те или иные теоретические выводы». Мы видим, что здесь «теоретические выводы» делаются уже без упоминания тех авторов, которые стояли у колыбели реактологии. К.Н. Корнилов стал марксистом. Такое превращение за полтора года, прошедшие от первого предисловия до второго, теоретически возможно. Но оно обязывает к тому, чтобы пересмотреть все, что написано тогда, когда К.Н. Корнилов был еще последователем Вундта, Титченера и Лемана. К.Н. Корнилов, однако, не выполнил этого обязательства. Книга его вышла «вторым изданием с незначительными лишь изменениями и поправками», – пишет он в предисловии к тому же второму изданию. Это характерно для всей последующей деятельности К.Н. Корнилова» [63, с. 415-416]. Критиковал Шпильрейн Корнилова и в ряде других своих работ второй половины 20-х годов. Кстати говоря, мимо этой критики не могли пройти авторы партийной резолюции 1931 г., отмечая, что «выступления т. Шпильрейна против Корнилова и его учеников не были принципиальной критикой реактологии ни по существу и ни с позиций марксизма-ленинизма» [24, с. 4].

Следует ли нам соглашаться с этими словами И.Н. Шпильрейна? Было ли нечто неизменное во взглядах К.Н. Корнилова или это, действительно, был ученый, взгляды, принципы и убеждения которого если и колебались, то только в точности повторяя все колебания линии партии? Можем ли мы во всех «ликах» К.Н. Корнилова и на всех этапах его жизненного пути обнаружить нечто общее, некий устойчивый набор основных принципов и идей – и когда он ничего не пишет о марксистской психологии и когда он настаивает на ее необходимости; когда он выступает поборником педологии и когда он столь же убежденно признает ее «буржуазным хламом»; когда он готов признать только свою реактологию конкретным выражением марксистской психологии и когда он совсем ничего не говорит о реактологии и т.д. и т.п.? В этих вопросах, как нам представляется, заключена вся суть проблемы понимания личности и деятельности Корнилова как ученого, как человека.

В заключение параграфа приведем некоторые факты, свидетельствующие о личных взаимоотношениях между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым.

Выше мы уже цитировали статью Корнилова «Конфликт двух

экспериментально-психологических школ» [25]; эта статья была помещена в сборнике работ учеников Челпанова в связи с двадцатипятилетием педагогической деятельности своего учителя.

В предисловии к сборнику говорится: «Георгию Ивановичу Челпанову бывшие члены его семинаров в Киеве и Москве посвящают этот сборник с целью высказать публично, в год двадцатипятилетия педагогической деятельности своего профессора, свою благодарность ему за пройденную под его руководством научно-философскую школу» [15, с. 1].

Заканчивают предисловие авторы сборника (среди которых, помимо К.Н. Корнилова, были также П.П. Блонский, А.М. Щербина, Г.Г. Шпет, А.Ф. Лосев, Н.А. Рыбников и другие) следующими словами: «Георгий Иванович воспитывал нас и своей личностью. Мы видим в нем пример энергии, работоспособности, педагогического и организаторского таланта. Мы видим в нем пример сознания долга перед наукой и философской культурой родины. Мы ценим в нем всегдашнюю внимательность к его ученикам. Как знак признательности учеников к учителю, мы просим его принять от нас этот сборник наших статей, – среди которых многие являются нашими первыми опытами, – и взглянуть на них как на залог наших будущих работ» [15, с. 11].

Кроме того, в первом издании «Реактологии» К.Н. Корнилов, все еще соблюдая неписаные правила научной этики, писал: «В заключение считаю своим долгом принести глубокую благодарность директору Психологического института проф. Г.И. Челпанову и всем моим испытуемым…» [27, с. 24].

Немного спустя, в 1922 г., Корнилов в одном из интервью уже не стеснялся в выборе слов. На просьбу редакции журнала «Голос Работника Просвещения» «осветить идеологический сдвиг, происшедший за время революции как в личных своих воззрениях, так и в воззрениях московских работников просвещения», Корнилов ответил следующим образом: «Что касается идеологического сдвига, происшедшего среди работников просвещения вообще, то должен сказать, что насколько решительно этот сдвиг произошел среди народного учительства, настолько идеологический сдвиг учителей средней школы можно охарактеризовать положением: «Верю, господи, но помоги моему неверию», а относительно подобного рода сдвигов среди профессуры высшей школы можно к вышесказанному положению прибавить еще одно, что «горбатого лишь одна могила исправит» [2, с. 44].

Вряд ли стоит сомневаться, кого конкретно имел в виду в последнем случае Корнилов…

Характерен еще один пассаж, который позволил себе К.Н. Корнилов, выступая на заключительном заседании второго Всероссийского психоневрологического съезда 9 января 1924 г.:

«Старое уже одряхлело и рушится, новое же только намечается. Давно ли еще проф. Челпанов определял психологию как «учение о душе, в которой совершаются душевные явления, а не только о явлениях, которые осуществляются без души», а теперь это кажется далеким, средневековым, и мы перешагнули не только через труп этой умозрительной психологии, но стоим у гроба и ее преемницы, так называемой эмпирической психологии» [29, с. 61].

Думается, что эти высказывания К.Н. Корнилова о своем учителе (в прошлом) и идейном противнике (в настоящем) не требуют каких-либо пояснений и дают хорошее представление об общем эмоциональном настрое, с которым К.Н. Корнилов вступил в дискуссию.

Литература к главе 2

1. *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990. 336 с.

2. Беседы с деятелями в области просвещения // Голос работника просвещения. 1922. № 6. С. 42-48.

3. *Блонский П.П.* Реформа науки. М., 1919. 50 с.

4. *Блонский П.П.* Мои воспоминания. М., 1971. 175 с.

5. *Богданчиков С.А.* Неизвестный Г.И. Челпанов // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 27-35.

6. *Богданчиков С.А.* Научно-организационная деятельность Г.И. Челпанова // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 126-135.

7. *Богданчиков С.А.* О К.Н. Корнилове и его научном наследии: Вступительная статья к кн.: Корнилов К.Н. Естественнонаучные предпосылки психологии / Авт. вступит. ст. и сост. С.А. Богданчиков. М.-Воронеж, 1999. С. 5-20.

8. Большая Энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. СПб., 1905. Т. 20.

9. *Будилова Е.А.* Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке (вторая половина XIX – начало XX вв.). М., 1960. 348 с.

10. *Вагнер В.А.* Биологические основания сравнительной психологии (Биопсихология): В 2 т. М.-СПб., 1913-1914.

11. *Вагнер В.А.* Физиология и биология в решении психологических проблем // Новые идеи в биологии: Сб. № 6. СПб., 1914. С. 1-37.

12. *Вундт В.* Введение в философию. СПб., 1903. 310 с.

13. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. Соч. М., 1982. Т. 1. С. 291-436.

14. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология. М., 1991. 480 с.

15. Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве. 1891-1916. Статьи по философии и психологии. М., 1916. 425 с.

16. *Гиляров А.Н.* Рец. на кн.: Г. Челпанов. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II. Представление пространства с точки зрения гносеологии. Киев, 1904 // Университетские Известия. 1904. № 11. С. 1-19.

17. *Гиляров А.Н.* Рец. на кн.: Г. Челпанов. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. II. Представление пространства с точки зрения гносеологии. Киев, 1904 // Журнал Министерства народного

просвещения. Вып. 4. 1904. № 12. С. 419-434.

18. Главнаука // Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. В.В. Давыдов. М., 1993. Т. 1. С. 213-214.

19. *Грот Н.Я.* Рец. на кн.: Г.И. Челпанов. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности. Ч. I. Представление пространства с точки зрения психологии. Киев, 1896 // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 35. С. 651-656.

20. Записка о состоянии и деятельности Императорского университета св. Владимира в 1891 году, прочитанная на торжественном годичном акте 16 января // Университетские Известия. 1892. № 2. С. 1-28.

21. *Зеньковский В.В.* История русской философии: В 2 т. Л., 1991. Т. 2. Ч. 1. 255 с.

22. *Игнатьев Е.И.* Константин Николаевич Корнилов (18791957): Краткие биографические сведения // Вопросы психологии личности: Сб. статей / Под ред. Е.И. Игнатьева. М., 1960. С. 5-7.

23. Известия ВЦИК Советов. 11 января 1923. № 6.

24. Итоги дискуссии по реактологической психологии (резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) Г.И. ПП и П от 6/VI 1931 г.) // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 4.

25. *Корнилов К.Н.* Конфликт двух экспериментально–психологических школ // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве. 1891-1916. М., 1916. С. 327-328.

26. *Корнилов К.Н.* Метод измерения психофизической работы // Организация труда. 1921. № 1. С. 102.

27. *Корнилов К.Н.* Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). М., б/г (1921). 228 с.

28. *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм проф. Челпанова // Психология и марксизм: Сб. статей / Под ред. К.Н. Корнилова. Л., 1925. С. 231-242.

29. *Корнилов К.Н.* Основные течения в современной психологии // Корнилов К.Н. Современная психология и марксизм. 2-е изд., доп. Л., 1925. С. 61-75.

30. *Корнилов К.Н.* Путь современной психологии // Современная психология и марксизм. 2-е изд. Л., 1925. С. 76-90.

31. *Ланге Н.Н.* Психология. Основные проблемы и принципы // Итоги науки в теории и практике / Под ред. проф. М.М. Ковалевского, проф. Н.Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В.М. Шимкевича. М., 1914 (1922). Т. VIII. 312 с.

32. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность //

Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983. Т. 2.

33. *Лосский Н.О.* Воспоминания: жизнь и философский путь. СПб., 1994.

34. *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути: научная автобиография. М., 1982. 184 с.

35. Материалы совещания по психологии (1-6 июля 1955 г.). М., 1957. 731 с.

36. *Милюков П.Н.* Университеты в России // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. СПб., 1902. Т. XXXIVa (№ 68). С. 788-800.

37. Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова. 28 июня – 4 июля 1950 г.: Стенографический отчет. М., 1950. 734 с.

38. Обозрение преподавания в Императорском университете св. Владимира на 1901-1902 учебный год // Университетские известия. 1901. № 9. С. 1-100.

39. Общий Устав Императорских российских университетов // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. № 9. С. 27-61.

40. *Овчаренко В.И.* Психоаналитический глоссарий. Мн., 1994. 307 с.

41. *Платонов К.К.* О системе психологии. М., 1972. 216 с. 42. Протокол заседания Совета Императорского Университета св. Владимира. 27 марта 1892 г. // Университетские Известия. 1892. № 11. С. 1-13.

43. Протокол заседания Совета Императорского Университета Св. Владимира. 24 февраля 1895 г. // Университетские Известия. 1897. № 8. С. 1-15.

44. Протокол заседания Совета Императорского Университета св. Владимира. 13 марта 1896 г. // Университетские Известия. 1898. № 2. С. 12-18.

45. Протокол заседания Совета Императорского Университета Св. Владимира. 20 февраля 1897 г. // Университетские Известия. 1898. № 5. С. 14-25.

46. Протокол заседания Совета Императорского Университета св. Владимира. 27 марта 1898 г. // Университетские Известия. 1899. № 6. С. 1-14.

47. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1989. Т. 1.

48. *Саводник В.Ф.* Несколько замечаний по поводу книги г. Челпанова «Проблема восприятия пространства» // Вопросы философии и психологии. 1896. Кн. 35. С. 641-650.

49. Учение И.П. Павлова и философские вопросы психологии.

М., 1952. 475 с.

50. Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. 751 с.

51. *Челпанов Г.И.* К вопросу об априорности и врожденности в современной философии: вступительная лекция, читанная в Университете Св. Владимира 6 октября 1892 г. // Университетские Известия. 1892. № 10. С. 1-14.

52. *Челпанов Г.И.* Отчет о деятельности Психологической семинарии при Университете св. Владимира за 1897-1902 годы // Труды Психологической семинарии при Университете св. Владимира. Философские исследования, обозрения и проч. 1904. Т. 1. Вып. 1. С. 1-11.

53. *Челпанов Г.И.* Априоризм и эмпиризм (Ответ проф. Гилярову) // Труды Психологической Семинарии при Университете св. Владимира. Философские исследования, обозрения и проч. 1905. Т. 1. Вып. 3. С. 1-32.

54. *Челпанов Г.И.* Отчет о деятельности Психологической семинарии при Университете св. Владимира за 1902-1906 годы // Университетские Известия. 1907. № 3. С. 1-11.

55. *Челпанов Г.И.* Об отношении психологии к философии (вступительная лекция, читанная в Московском университете 19 сентября 1907 г.) // Вопросы философии и психологии. 1907. Кн. 89. С. 309-323.

56. *Челпанов Г.И.* Дополнительный курс логики, читанный в Московском университете в 1908-1909 акад. г. Изд. Общества взаимопомощи студентов– филологов по запискам студ. С. Игнатова и С. Чемоданова. М., 1909. 112 с.

57. *Челпанов Г.И.* Психология. Основной курс, чит. в Моск. ун-те в 1908-1909 г. / Под ред. Г.О. Гордона и Н.А. Рыбникова. Изд-во Общества взаимопомощи студентов-филологов под наблюдением А.Ф. Изюмова. М., 1909. Ч. 1. 279 с.; Ч. 2. 230 с.

58. *Челпанов Г.И.* Введение в философию. 7-е изд. М.-Пг.Харьков, 1918. 550 с.

59. *Челпанов Г.И.* Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. 6-е изд. М.-Пг.-Харьков, 1918. 319 с.

60. *Челпанов Г.И.* Психология труда (краткое изложение доклада, читанного 19 декабря 1920 года) // Организация труда (Ежемесячник Ин-та труда). 1921. № 1 (март). С. 99-100.

61. *Челпанов Г.И.* Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). М., 1926. 59 с.

62. IV Челпановские чтения // Вопросы психологии. 1997. № 3. С. 153.

63. *Шпильрейн И.Н.* Механистическая борьба за

реконструкцию психотехники // Психология. 1930. Т. 3. Вып. 3. С. 409-419.

64. Энциклопедический словарь. СПб., 1903. Т. XXXVIII (№ 76).

65. *Эткинд А.М.* Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1993. 463 с.

66. *Kornilov K.N.* Psychology in the light of dialectic materialism // Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. Worcester, London, 1930. P.p. 243-278.

67. *Lehmann A.* Die körperlichen Äusserungen psychischen Zustände. Th. I, II, III. Lpz., 1899-1905.

68. *Pavlov I.P.* A Brief outline of the higher nervous activity // Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. Worcester, London, 1930. P.p. 207-220.

69. Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. Worcester, London, 1930. XIX, 497 p.

70. *Schniermann A.L.* Bekhterev's reflexological school // Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. Worcester, London, 1930. P.p. 221-242.

ГЛАВА 3. ДИСКУССИЯ МЕЖДУ К. Н. КОРНИЛОВЫМ И Г. И. ЧЕЛПАНОВЫМ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ 20-х ГОДОВ

Должно быть не просто марксистом, а марксистом в соответствии со вкусами и предписаниями верхов, центра. Из свободной революционной идеологии марксизм превращен в директивную догму по принципу восточных деспотий, где верховная власть саму догму толкует, сама предписывает, а монарх – он же первосвященник.

М. Джилас. Новый класс[7]

§ 1. Общая характеристика дискуссии о значении марксизма в отечественной психологии 20-х годов

Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым была частью весьма обширной по формам, времени, содержанию и количеству участников общенаучной дискуссии, проходившей в отечественной психологии в 20-е годы. В историческом и содержательном плане дискуссия о марксизме и марксистской психологии в 20-е годы была, несомненно, продолжением дискуссионного обсуждения тех проблем, которые обсуждались в русской психологии в начале века, в дореволюционные годы – о статусе экспериментальной психологии, соотношении педагогики и психологии, субъективной и объективной психологии и т.д. Но под воздействием марксизма (как ключевой, «сквозной» проблемы и темы) и всей идеологической обстановки в стране собственно психологическая, «внутренняя» дискуссия приобрела весьма своеобразные черты, тенденции и интонации.

Тема марксизма для отечественной психологии приобрела жизненно важное значение скачкообразно, а именно, в 1922-1923 гг. Выше, анализируя дореволюционные работы Челпанова и Корнилова, мы уже смогли наглядно убедиться, что до Октябрьской революции 1917 г. и в первые годы после нее (1917-1922 гг.) вопроса о значении марксизма для психологии в русской и мировой науке просто не существовало. Не было марксистов, работавших в области психологии, и не было психологов, с профессиональной точки зрения интересовавшихся марксизмом. М.Г. Ярошевский, затрагивая этот вопрос, подчеркивает, что «мы ничего не знаем по поводу того, оказал ли марксизм влияние на дореволюционную психологическую мысль, хотя его роль в движении России к 1917 г. изучена досконально. Нет следов увлечения им в предсоветский период у той молодежи, которой выпала участь вскоре стать главными фигурами в новой психологии» [147, с. 84].

Аналогичное положение обнаруживается и в других отечественных науках, во всей культуре дореволюционной России. В подтверждение этого можно привести слова А.С. Изгоева, которые свидетельствуют о большой эмоциональности их автора, но все же сказаны они были по горячим следам и в своей фактической основе представляются нам верно отражающими суть дела. А.С. Изгоев, будучи одним из соавторов впервые вышедшего в 1918 г. сборника «Из глубины», так

характеризовал положение марксистского экономического учения в дореволюционной России: «На высоте современной им науки стояли у нас те профессора, которые были совершенно непопулярны в обществе, а популярные профессора занимались жалкими перепевами заграничных марксистских или отечественных народнических учений […]. Долгие годы, когда экономическая теория Карла Маркса давно уже была разрушена европейскими теоретиками, она наивно считалась у нас последним словом экономической науки. Немало усилий тратилось нашими учеными на штопание разлезавшегося по всем швам марксистского кафтана, на прилаживание его к упрямой действительности» [44, с. 178].

Если такое положение было в «цитадели» марксизма, в области политической экономии, то что уж говорить о других науках, и тем более – о психологии! Не только на примере Г.И. Челпанова и К.Н. Корнилова, но и других отечественных ученых начала века (В.М. Бехтерева, Н.Н. Ланге, П.П. Блонского и т.д.) можно убедиться, что в дореволюционной России роль марксизма в области психологии была минимальна, точнее говоря, была равна нулю.

Что же собой представляла отечественная психология в 20-е годы, вынужденная становиться марксистской наукой? Что эти годы значили в судьбе науки и отдельных ее представителей? Начнем с метафоры. Русский психолог Н.Н. Ланге в начале века сравнивал современного психолога с Приамом, сидящим на развалинах Трои, – столь впечатляющим был в то время кризис в мировой психологической науке. Н.Н. Ланге писал, что «психолог наших дней подобен Приаму, сидящему на развалинах Трои» [66, с. 42], что «мы должны признать, что в современной психологии происходит ныне некоторый общий кризис» [66, с. 43]. В последующие годы в советской психологии (например, в работах Л.С. Выготского, К.Н. Корнилова, А.Н. Леонтьева) эта метафора будет вспоминаться довольно часто при характеристике общего положения дел в психологии. Но у Н.Н. Ланге в этой же книге есть и другая, не менее яркая метафора. В начале своей работы Ланге писал, что в настоящее время у психолога нет возможности изложить главные теории и факты так, как это делается в естественных науках. Поэтому, прежде чем приступить к постройке, психолог «должен заложить крепкий фундамент в этой болотистой местности, постоянно затопляемой и зыбкой, притом уже ископанной и подрытой в течение многих столетий разнообразными общефилософскими спорами. Без подобной предварительной работы, необходимость которой сознается ныне всеми психологами, никакая специальная психологическая работа

не может считаться устойчивой, и самые, повидимому, надежные в фактическом смысле построения могут, под влиянием деформаций в ниже лежащих слоях, быть сразу снесены: так землетрясение моментально разрушает цветущий с виду город» [66, с. 11].

К 20-м годам советской психологии сравнение Н.Н. Ланге психологии ни с разрушенной Троей, ни со зданием на болоте применить уже никак нельзя. Скорее эти годы можно представить неким оазисом в истории нашей науки, окруженным пустыней: до 20-х годов – войны, революции, разруха, после 20-х – «великий перелом», постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 года, затем Великая Отечественная война, «павловская» объединенная сессия АН и АМН СССР 1950 года … Развивая метафору Н.Н. Ланге, можно сказать, что в 20-е годы российский Приам совершенно неожиданно для себя оказался то ли на шумном базаре, то ли в гуще рукопашной схватки, то ли в массе строителей, каждый из которых на свой страх и риск пытается заново отстроить Трою. Коротко 20-е годы можно определить как время дискуссий.

Взору исследователя, пытающегося проникнуть в этот период, открывается невероятно пестрая и противоречивая картина самых различных школ, направлений, теорий и взглядов, возникающих, развивающихся и находящихся в постоянной борьбе между собой. Психологи тех лет отмечали это не раз в своих работах.

Ю.В. Португалов в 1925 г. писал, что, несмотря на «общее стремление» В.М. Бехтерева, К.Н. Корнилова и И.П. Павлова «отойти от эмпирической психологии, взаимные научные их отношения в действительности во многом серьезном весьма различны» [86, с. 17]. Вследствие этого, иронизирует Ю.В. Португалов, «средний провинциальный педагог или врач может растеряться при тех противоречиях, какие проистекают из учений названных авторов, ибо предстоит нелегкая задача выбора: упразднить совсем психологию – Корнилов не позволяет; признать ее – Павлов не позволяет; признать материализм – Бехтерев не позволяет; признать энергетизм – Корнилов не позволяет; допустить пространственность психизма – Павлов не позволяет; допустить непространственность психизма – Корнилов и Бехтерев не позволяют и т.д.» [86, с. 18]. К.Н. Корнилов, соглашаясь с такой остроумной характеристикой, в свою очередь, подчеркивал, что «между авторами столь противоречивых мнений, конечно же, должна была возникнуть ожесточенная полемика. 1924-1925 гг. и являются годами ожесточенной полемики» [62, с. 209]. Г.И. Челпанов в 1926 г. констатировал: «В настоящее время у нас можно насчитать пять различных,

враждующих друг с другом, направлений в психологии…» [131, с. 3].

Можно ли найти определенную логику, обнаружить те или иные существенные тенденции в этой сложной системе взаимоотношений, в этой «войне всех против всех»?

При анализе 20-х годов следует прежде всего учитывать весьма немаловажное обстоятельство, которое еще больше усложняет общую картину: начиная с 1922 г. всевозможные направления и точки зрения могли существовать в СССР только в жестких рамках марксистской идеологии, философии марксизма.

Н.И. Бухарин в 1923 г. писал: «Всем известно, что после февральской революции даже околоточные вставляли себе в петличку красный бантик. Точно также известно, что теперь идет генеральная перекраска очень и очень многих «под марксизм» [23, с. 195]. О том же писал в начале 1923 г. М.Н. Покровский: «В высшей школе даже в последние недели появилось невероятное количество марксистов, и в марксисты записались все, вплоть до бывшего попечителя учебного округа» [цит. по: 83, с. 103]. Если же характеризовать период 20-х годов в целом в рамках интересующего нас вопроса, то можно, по-видимому, говорить даже не о том, что было столько же психологий, сколько было психологов (один из признаков научного кризиса!), а о том, что было столько же «марксистских психологий», сколько было психологов-марксистов (причем немарксистов среди психологов не должно было быть вообще).

Фундамент всей дискуссии в отечественной психологии 20-х годов образует начавшаяся еще до революции дискуссия между В.М. Бехтеревым и Г.И. Челпановым, являющаяся, в свою очередь, отражением в русской психологии процессов и тенденций, имевшихся в то время в мировой психологии, таких как возникновение бихевиоризма и психоанализа, формирование общей, экспериментальной и прикладной сфер психологии в их взаимосвязи и противоречивости, общий методологический кризис, изменение отношений с философией и другими науками и т.д. и т.п.

К наиболее значимым работам следует отнести работы В.М. Бехтерева и Г.И. Челпанова, опубликованные в период 1899-1919 гг. [7], [8], [12], [121], [122], [123] и др. Именно на эти работы ссылаются в ходе полемики в 20-е годы их авторы, а также П.П. Блонский, К.Н. Корнилов, В.Я Струминский, Ю.В. Франкфурт и другие участники дискуссии.

Спор между Г.И. Челпановым и В.М. Бехтеревым набирал силу по мере того, как постепенно, начиная с 1903 г., складывалась концепция В.М. Бехтерева, альтернативная

эмпирической психологии Г.И. Челпанова – вначале в виде «объективной психологии» [12], затем «психо-рефлексологии» и, наконец, «рефлексологии» [8], Челпанов и Бехтерев спорили друг с другом еще на дореволюционных съездах по педагогической психологии и экспериментальной педагогике. После революции они столкнулись на первом съезде по психоневрологии в Москве в январе 1923 г., когда Г.И. Челпанов выступил с докладом «Предпосылки современной эмпирической психологии» [130], а В.М. Бехтерев с докладом «Субъективное или объективное изучение личности?» [9].

В первой полемической брошюре «Психология и марксизм» [128] Г.И. Челпанов объединил в одну группу В.М. Бехтерева, П.П. Блонского и К.Н. Корнилова, т.к. считал, что все они, во-первых, стремятся отменить психологию, заменить ее другой наукой (рефлексологией, наукой о поведении, реактологией); вовторых, пытаются доказать при этом, что эта замена целиком соответствует духу и букве марксизма. В.М. Бехтерев ответил Г.И. Челпанову в 1925 г. в брошюре «Психология, рефлексология и марксизм» [10]. Ответную реакцию Челпанова можно найти в его работах «Социальная психология или условные рефлексы?» [131] и «Объективная психология в России и Америке» [129]. Этот спор был завершен (точнее, прерван) после того, как в 1927 г. В.М. Бехтерева не стало. Следует подчеркнуть, что по крайней мере до вмешательства в спор между ними марксизма отношения между В.М. Бехтеревым и Г.И. Челпановым находились в соответствии с правилами научной этики. Для характеристики личных взаимоотношений Бехтерева и Челпанова можно упомянуть о любопытном документе – официальном отзыве Челпанова (причем отзыве положительном и даже хвалебном) на проект Бехтерева в 1918 г. по организации Института Мозга [134].

В первые годы после революции были написаны работы, содержащие в себе резкую, уничтожающую критику прежней, «старой» психологии. К таким работам следует отнести прежде всего книги П.П. Блонского [14], К.Н. Корнилова [46] и В.Я. Струминского [104]. В то же время следует подчеркнуть, что тема марксизма в этих произведениях революционной поры звучит еще слабо и не очень убедительно. Непосредственный интерес для нас представляют работы, вышедшие в ходе дискуссии в период 1923-1927 гг. Начало этому периоду положил первый Всероссийский психоневрологический съезд, состоявшийся в январе 1923 г. в Москве. Окончанием следует считать 1927 г., когда были опубликованы итоговые работы К.Н. Корнилова [62] и Г.И. Челпанова [133]. В этот период основные участники дискуссии опубликовали целый ряд полемических статей и

брошюр.

К.Н. Корнилов написал статьи, объединенные в первое и второе (дополненное двумя новыми статьями) издание сборника «Современная психология и марксизм» [52], [56]; две статьи в сборнике статей сотрудников Института экспериментальной психологии [53], [54]; юбилейную статью 1927 г. [62]; ответ на критику со стороны В.Я. Струминского [59].

Г.И. Челпанов в период 1924-1927 гг. издал пять полемических брошюр. Кроме того, следует указать также на другие его вышедшие в этот период работы – это «Очерки психологии» [132], учебник по экспериментальной психологии [126] и статья в сборнике, посвященном Г.И. Россолимо [127]. В своих полемических работах Г.И. Челпанов спорил с К.Н. Корниловым, В.М. Бехтеревым, П.П. Блонским, А.Р. Лурией, В.Я Струминским, Ю.В. Франкфуртом и т.д.

Из полемических работ П.П. Блонского в этот период мы можем указать, пожалуй, только две: статью «Психология как наука о поведении» [16] [17] и предисловие к переводу книги Л. Джемсона [15]. Затем Блонский постепенно уходит в область педологии. Из работ В.М. Бехтерева помимо указанной выше брошюры «Психология, рефлексология и марксизм» [10], следует упомянуть написанную им совместно с Дубровским статью «Диалектический материализм и рефлексология» [11]. Непроанализированной все еще остается полемика В.Я. Струминского с К.Н. Корниловым [105]. Большую активность в эти годы развернул Ю.В. Франкфурт, направляя свою критику, главным образом, против рефлексологии Бехтерева и Павлова и идеалистической психологии Челпанова [111]–[118]. Из числа этих работ особо следует выделить полемику Ю.В. Франкфурта с М. Окунем [117], [78], [79], начатую из-за брошюры Челпанова «Психология и марксизм» и закончившуюся статьей Корнилова [63].

Кроме того, в общей дискуссии принимали непосредственное участие сотрудники и последователи К.Н. Корнилова, В.М. Бехтерева и И.П. Павлова и целый ряд других исследователей в психологии и смежных с ней областях – М.Я. Басов, Л.С. Выготский, А. Залманзон, П.О. Эфрусси, Ю.В. Португалов и т.д. Общую картину 20-х годов отечественной психологии мы находим в трудах Е.А. Будиловой [21], А.Н. Ждан [37], А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [82], [83], [85], [150], А.А. Смирнова [99], в коллективной монографии [88] и других работах.

Приступая к реконструкции дискуссии по проблеме «психология и марксизм», проходившей в советской психологии в

20-е годы, мы в качестве предмета исследования взяли дискуссию между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым. С нашей точки зрения, дискуссия именно между этими учеными была своего рода стержнем, центром всей общенаучной дискуссии. Такое же мнение мы можем найти и в работах отечественных историков, которые подчеркивают роль К.Н. Корнилова как первого советского психолога– марксиста и Г.И. Челпанова как последнего представителя идеалистической психологии.

§ 2. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г. И. Челпановым: хронология и библиография

Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым по проблеме «психология и марксизм» началась еще до первого психоневрологического съезда, проходившего в Москве в январе 1923 г. Есть все основания считать, что осенью или в самом конце 1922 г. между Челпановым и Корниловым (точнее говоря, между Челпановым со своими учениками и сторонниками, с одной стороны, и Корниловым, Блонским и другими психологами-марксистами – с другой) проходили устные дискуссии, не нашедшие, однако, своего отражения в печати. В частности, Г.И. Челпанов в двух своих работах в качестве отправной точки обсуждения проблемы марксизма указывает не 1923, а именно 1922 г.: «Научная психология в России в 1922 г.

должна была подвергнуться реформе в согласии с идеологией марксизма» [128, с. 7]; «В 1922 г. в России психология должна была подвергнуться реформе в согласии с идеологией марксизма» [130, с. 19]. Характерно в этом плане предисловие Челпанова ко второй брошюре, где он прямо пишет: «Вот почему я счел нужным изложить весь спор, как он велся (с конца 1922 г. до конца 1924 г.) …» [130, с. 4].

Не менее ясные свидетельства о дискуссии в конце 1922 г. мы находим в статье А. Залманзона, в которой описывается хронология борьбы между психологами– марксистами и субъективной психологией: «Многим читателям, вероятно, еще памятна эпоха «бури и натиска» марксистской психологии: горячие дискуссии в переполненных до отказа аудиториях вузов с Челпановым и его школой, психоневрологические съезды с яркими и боевыми выступлениями марксистов, многообещающие декларации на тему «психология и марксизм», наконец, как завершение борьбы, переход Психологического Института в руки психологов-марксистов. Со времени этих бурных выступлений прошло четыре года» [41, с. 189]. Добавим, что статья А. Залманзона была опубликована в 1926 г.

К тому же выводу – о начале дискуссии еще в 1922 г. – заставляет нас прийти и содержание самых первых полемических выступлений Корнилова и Челпанова друг против друга. Так, Корнилов в докладе на первом съезде говорил: «Попытка применить марксизм … к области психологии для многих кажется наиабсурднейшей мыслью, содержащей в самой себе

коренное противоречие» [48, с. 41]. Вряд ли стоит сомневаться, что под «многими» в первую очередь имелся в виду Г.И. Челпанов.

Правда, можно думать, что, выступая на съезде, Корнилов высказывался здесь по поводу ранее уже прозвучавшего доклада Челпанова [130, с. 5-18]. Однако в этом докладе Челпанов, стремясь оставаться на научной почве, спорил не с Корниловым и не по поводу марксизма и марксистской философии, а с В.М. Бехтеревым – по поводу соотношения психологии и философии вообще, так что Корнилов мог иметь в виду лишь какие-то слова и оценки Челпанова, сказанные в устных дебатах до первого съезда, т.е. еще в 1922 г.

Не исключено, что именно эту устную полемику имел в виду Н.И. Бухарин, когда в 1923 г. писал: «Не так давно проф. Челпанов жаловался на «идеологическую диктатуру» марксизма и, будучи опытным стратегом, учитывающим реальности, предлагал "приспособляться"» [23, с. 195]. Здесь важно учитывать то, что в публикациях Г.И. Челпанова каких-либо высказываний об «идеологической диктатуре» мы не находим.

Итак, мы будем исходить из того, что дискуссия между Корниловым и Челпановым началась еще в 1922 г., но вначале она носила только устный характер и, кроме того, была коллективной: Челпанов со своими учениками и последователями полемизировал с Корниловым и другими психологами-марксистами.

Непосредственно переходя к работам Челпанова и Корнилова, посвященным дискуссии о марксизме, следует обратить внимание на то, что в качестве первой публикации Корниловым «марксистской работы» обычно указывается его доклад на первом съезде [48], а в качестве первой работы Челпанова – брошюра «Психология и марксизм» [128] (первое издание вышло в 1924 г.). Однако из нижеследующих слов Корнилова можно сделать вывод, что еще до первого съезда Челпанов обратился в вышестоящие инстанции с «докладной запиской», где доказывал необоснованность марксистских претензий К.Н. Корнилова (а также В.М. Бехтерева и П.П. Блонского). Корнилов писал, что сначала Челпанов обратился с докладной запиской в Главнауку, дабы «обратить внимание на очень серьезное ошибочное толкование идеологии марксизма в применении к разработке научной психологии», а затем уже выпустил брошюру «Психология и марксизм» [54, с. 231].

Из дальнейших слов Корнилова следует, что текст этой записки близок к тексту брошюры «Психология и марксизм». Так, Корнилов риторически спрашивает: «Кто же является этими неправильными истолкователями марксизма в отношении его к

психологии? Таковыми оказываются, по докладной записке проф. Челпанова, «некоторые лица – Блонский, Корнилов …» [54, с. 231]. При этом Корнилов ссылается на текст брошюры Челпанова [128, с. 7]. В конце статьи К.Н. Корнилов позволяет себе саркастически высказаться по самому факту записки Челпанова в Главнауку: «Какой же вывод можно теперь сделать из всей этой брошюры о психологии и марксизме проф. Челпанова? Что касается «психологии» проф. Челпанова, то она, несомненно, самая что ни на есть «эмпирическая», основанная, по-видимому, на длительном «опыте», ибо в случае каких-либо принципиальных разногласий – сейчас же она превращается в «докладную» по начальству» [54, с. 242].

Эти слова показывают нам весьма слабое представление Корнилова о научной этике при ведении научных дискуссий. Действительно, что предосудительного в докладной записке Челпанова как факте? И разве сам Корнилов не писал «докладных начальству» по поводу философских взглядов Челпанова? И разве можно в тексте научной статьи ссылаться на неопубликованный документ? С таким же успехом Корнилов мог бы цитировать и комментировать и устные высказывания Челпанова. Но слова Корнилова свидетельствуют помимо прочего о том, насколько сильно и докладная записка, и брошюра Челпанова задели Корнилова. Очевидно, Челпанов попал в самое больное и уязвимое место в теоретических построениях Корнилова, ставя под сомнение его марксизм. Свою роль (о чем мы писали в § 1 главы 2) могло сыграть и то, что заведующим Главнаукой в то время был профессор И.И. Гливенко, учившийся у Г.И. Челпанова в Киеве, а затем работавший вместе с ним на историко-филологическом факультете Киевского университета.

Челпанов в ходе полемики, как мы убедились и убедимся далее, таких упреков и методов борьбы, которые демонстрировал Корнилов, себе не позволял. Моральные экскурсы Челпанов предпринимал лишь в письмах. В частности, в одном из писем своему бывшему ученику А.М. Щербине он писал (письмо датировано 6 апреля 1926 г.): «Когда правительство объявило, что психология должна, подобно всем наукам, разрабатываться в духе марксизма, нас обвинили в том, что мы как метафизики и идеалисты для дальнейшей работы не годимся. Мы пытались доказать, что мы как психологи совершенно нейтральны, стоим на строго эмпирической точке зрения и в качестве таковых не можем быть ни идеалистами, ни материалистами. Но никого убедить не в состоянии. Вернее сказать, они все это прекрасно знают, но делают вид, что не согласны. Главные наши изгнатели – это Корнилов и Блонский» [43, с. 90].

1923 г. начался с важного события – первого съезда по психоневрологии. Съезд проходил в Москве 10-15 января 1923 г. Г.И. Челпанов, будучи председателем психологической секции и членом президиума съезда, на вечернем заседании 10 января выступил с докладом «Предпосылки современной эмпирической психологии». Этот доклад Челпанов смог опубликовать значительно позже в брошюре «Психология или рефлексология?» [130]. Сама брошюра вышла в 1926 г., хотя предисловие к ней Челпанов написал еще в январе 1925 г. [130, с. 3-4]. В отличие от дореволюционных съездов по экспериментальной педагогике и педагогической психологии, сборники статей или тезисов с материалами съезда опубликованы не были. Материалы о съезде мы можем найти в газетах «Правда» [81] и «Известия» [26]. Характерно, что Б.М. Теплов в этом вопросе за неимением лучшего ссылается на неопубликованную работу (рукопись) Н.А. Рыбникова «Психологические съезды и конференции» [107, с. 20].

Судя по газете «Известия», затем события на съезде разворачивались следующим образом: «После нескольких дней работы в секциях в воскресенье, 14 января состоялось пленарное заседание съезда, которому предшествовало заседание марксистской группы съезда. Одним из наиболее острых вопросов, стоящих перед съездом, является вопрос о психологии, которая до последнего времени находится в значительной степени в плену метафизики, являясь, по выражению проф. Корнилова, «служанкой умозрения», подобно тому, как философия была служанкой богословия. Этому вопросу на заседании марксистской группы был посвящен доклад академика В.М. Бехтерева «Субъективное или объективное изучение личности», а в заседании съезда – вызвавший горячие прения доклад проф. К.Н. Корнилова «Психология и марксизм» [26, с. 4].

Далее в газете приводятся авторефераты докладов Бехтерева [9] и Корнилова [47]. Вскоре доклад Корнилова (по-видимому, отредактированный и с измененным названием – добавлено слово «современная») был опубликован в журнале «Под знаменем марксизма» [48], а затем в первом и во втором изданиях сборника статей [52], [56]. Таким образом, между выступлением Челпанова с докладом на съезде и публикацией его прошло четыре (!) года, в то время как доклад Корнилова в сокращенном виде был опубликован в газете через день, а целиком – через несколько месяцев. Если судить по газете «Известия», то в резолюциях съезда марксистские идеи не нашли своего непосредственного отражения. В газетном отчете лишь сообщается при изложении резолюции, что «съезд указал также на то, что ввиду важности правильного освещения вопросов психологии, рефлексологии,

педологии и психопатологии, при разрешении проблем, стоящих перед страной, необходимо обратить внимание на пересмотр преподавания этих предметов и расширения их» [26].

Наиболее развернутое изложение результатов съезда содержится, насколько нам известно, в брошюре П.О. Эфрусси, вышедшей в 1925 г. [141]. Г.И. Челпанов в 1923 г. вообще не публиковался. Более того, в ноябре 1923 г. [37, с. 396], [83, с. 93] он был отправлен на пенсию. На его место директором Института психологии был назначен Корнилов, который в течение 1923 г. опубликовал две статьи полемического содержания. Объектом критики в них были, однако, не эмпирическая психология и взгляды Челпанова, а психологические взгляды Павлова и Бехтерева [50], а также Енчмена [51]. Кроме того, в 1923-1924 годах в стенах Института психологии продолжались устные дискуссии, в которых принимали участие не только Корнилов и его сотрудники, но и Челпанов, а также, по-видимому, другие заинтересованные или специально приглашенные лица. Сокращенную программу этих институтских конференций мы можем найти в [87]. Многие из докладов Челпанова на этих конференциях нашли отражение в брошюре Челпанова «Психология или рефлексология?», в которой Челпанов указывал: «Настоящая книга составилась частью из докладов, прочитанных и обсужденных в Психологическом Институте» [130, с. 30].

Через год после первого съезда, в январе 1924 г., в Петрограде состоялся второй психоневрологический съезд. Челпанов, к тому времени уже несколько месяцев как отправленный на пенсию, не участвовал в работе съезда. Корнилов на съезде выступил с двумя докладами: «Диалектический метод в психологии» [49] и «Основные течения в современной психологии» [57]. Первый доклад был снова оперативно опубликован в журнале «Под знаменем марксизма», затем оба доклада вошли в первое и второе издание сборника статей Корнилова.

В докладе о диалектическом методе Корнилов приводит иллюстрации из области психологии к четырем принципам, которые согласно Корнилову, характеризуют диалектический метод. Во втором докладе Корнилов выдвинул идею о марксистской психологии как синтезе субъективной и объективной психологии. Первый доклад не содержит вообще критики в адрес кого бы то ни было. Во втором Корнилов фактически лишь повторяет свои аргументы, сказанные год назад на первом съезде против эмпирической психологии Челпанова.

В 1924 г. Челпанов получает возможность (разрешение) печататься: третьим изданием выходит «Введение в

экспериментальную психологию» [126]. В письме Щербине от 25 апреля Челпанов пишет о том, что «сейчас получил разрешение на напечатание брошюры "Психология и марксизм"» [43, с. 90]. Несмотря на название и год издания, мы не находим в ней упоминания о первом (и тем более о втором) съезде и докладах Корнилова на них: Челпанов критикует работы Корнилова, Бехтерева и Блонского [8], [14], [46], вышедшие в период 1918-1921 годов.

Ответ на «Психологию и марксизм» Челпанова Корнилов дает в двух статьях [53], [54]. Хотя в качестве года издания указан 1925 г., предисловие было написано Корниловым-редактором 1 июня 1924 г. Это, в частности, означает, что к тому времени брошюра Челпанова уже вышла в свет (судя по письму Челпанова Щербине, это произошло в мае). Обе статьи Корнилова расположены в сборнике несколько странным образом: во-первых, фактически это не две статьи, а одна большая статья, разбитая на две части и посвященная достаточно подробному разбору десяти тезисов работы Челпанова. Во-вторых, в первой статье [53] Корнилов анализирует тезисы с седьмого по десятый, а во второй [54] – тезисы с первого по шестой. Корнилов защищает свои марксистские взгляды и обвиняет Челпанова в искажении и извращении марксизма. Несколько позже работу Челпанова подверг резкой, но малограмотной и многословной критике соратник Корнилова Ю.В. Франкфурт [112]. О стиле Франкфурта, его отношении к Челпанову мы можем, например, судить по разбору Франкфуртом в газете «Правда» полемических брошюр Челпанова [115].

В том же 1924 г., в июне, выходит первое издание сборника статей Корнилова «Современная психология и марксизм» [52], куда Корнилов включил свой доклад на первом съезде, статьи с критикой И.П. Павлова, В.М. Бехтерева и Э. Енчмена, а также два доклада на втором съезде. В ноябре 1924 г. Корнилов в руководимом им Институте экспериментальной психологии на одной из очередных конференций делает доклад «О наивно-материалистических тенденциях в современной психологии», о чем есть ряд свидетельств [60], [87, с. 251], [130]. По-видимому, именно этот доклад, пройдя апробацию на конференции, затем в значительно переработанном виде лег в основу статьи Корнилова о наивном и диалектическом материализме [55].

В 1925 г. выходит в свет сборник статей сотрудников Института психологии с упомянутыми выше двумя статьями Корнилова [53], [54]. Кроме того, критику Челпанова содержит также статья (своего рода манифест) П.П. Блонского в этом сборнике [16]. Отметим, что Челпанов в брошюре «Психология и

марксизм» [128, с. 7] ошибочно указывает на работу Блонского «Психология как наука о поведении». На самом деле, судя по цитатам, приводимым Челпановым, речь идет о работе Блонского «Очерк научной психологии» [14]. Блонский, трактуя психологию как науку о поведении (слово «бихевиоризм» тогда еще не было русифицировано), защищается от обвинений со стороны Челпанова в антипсихологизме.

В январе 1925 г. Челпанов пишет предисловие к сборнику своих работ [130, с. 3-4], написанных с января 1923 г. (книга открывается докладом Челпанова на первом съезде) по октябрь 1924 г. Год выхода книги в свет – 1926.

В 1925 г. Челпанов публикует две работы – «Объективная психология в России и Америке» [129], где мы не находим ни одного упоминания о Корнилове, и второе издание работы «Психология и марксизм» [128], где по сравнению с первым изданием 1924 г. Челпанов добавил на двух последних страницах свои ответы на накопившиеся к тому времени замечания его критиков по проблеме «психология и марксизм».

Первого марта 1925 г. Корнилов пишет предисловие ко второму сборнику статей сотрудников его Института, где сам публикует статью о наивном и диалектическом материализме [55]. Сборник был опубликован в 1926 г. В том же 1925 г. Корнилов публикует второе издание сборника своих работ [56], где по сравнению с первым изданием 1924 г. добавлено предисловие и две статьи: шестая «Путь современной психологии» [58] и седьмая «Наивный и диалектический материализм…» [55]. Шестая статья является сокращенным вариантом статьи «Психология и марксизм», исключены рассуждения по ряду проблем, поднятых в докладе на первом съезде: о соотношении субъективного и объективного, психического и физического, принципов параллелизма и взаимодействия, о пространственности и непространственности психики, соотношении биологического и социального (как мы убедимся далее, в основном это было обусловлено критикой со стороны Г.И. Челпанова). 15 марта 1925 г. Корнилов пишет предисловие к первому изданию своего «Учебника психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма». Книга выходит в 1926 г. [61].

В 1926 г. выходят брошюры Челпанова «Психология или рефлексология?» [130] и «Социальная психология или условные рефлексы?» [131], а также его книга (фактически учебник) «Очерки психологии» [132], которую можно с полным правом назвать «психология без всякой философии». Однако это ему все равно не помогло избежать упрека со стороны Ю.В. Франкфурта

за «полный эклектизм» [115, с. 5].

В 1926 г. выходит сборник «Проблемы современной психологии» со статьей Корнилова [87]. Публикуется первое издание «Учебника психологии…» Корнилова [61]. В.Я. Струминский в двух статьях в журнале «Под знаменем марксизма» [105] подвергает обстоятельному анализу и серьезной критике марксистские построения Корнилова в психологии. Ответ Корнилова публикуется здесь же [59]. Корнилов напоминает о вышедшей еще в 1923 г. книге Струминского «Психология» [104] и квалифицирует взгляды Струминского как «механистический материализм». На этих работах полемика между Корниловым и Струминским заканчивается.

В 1927 г. Челпанов публикует брошюру «Спинозизм и материализм» [133] с красноречивым подзаголовком «Итоги полемики о марксизме в психологии», где констатирует свою победу в споре с Корниловым, Блонским, Франкфуртом и другими психологамимарксистами. В том же году выходит в свет статья Корнилова [62], посвященная десятилетию Октябрьской революции, где Корнилов упоминает только две (!) работы Челпанова [121], [128]. Оценивая пройденный этап и результаты «ожесточенной полемики», Корнилов пишет, что к началу 1926 г. «полемический период» был закончен в пользу психологов-марксистов. На этом полемику между Корниловым и Челпановым можно считать законченной, т.к. Челпанов больше не публиковался, а статьи Корнилова периода 1928-1931 годов были посвящены уже совсем другим вопросам.

Итак, хронологические рамки дискуссии между Корниловым и Челпановым в печати мы определяем периодом 1923-1927 гг. Специального изучения и проверки требует наше предположение о том, что дискуссия между Корниловым и Челпановым все-таки вышла за рамки 1927 г. Мы имеем в виду полемику Ю.В. Франкфурта и М. Окуня, причем логика полемики такова: выходит работа Челпанова [128], Франкфурт отвечает критической статьей [112]; полемика продолжается в статье М. Окуня [78]; Франкфурт отвечает статьей [117], на что Окунь отвечает работой [79]. Дискуссия заканчивается статьей Корнилова [63]. Стиль работ, язык статей М. Окуня (тезисы, архаизмы, защищаемые положения и т.д.) поразительно (если не сказать больше – подозрительно) напоминают стиль Челпанова.

В заключение хотелось бы подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство: ни одна из пяти полемических брошюр Челпанова не была опубликована под грифом Госиздата (что, впрочем, вовсе не отменяло прохождения через цензуру

Главлита), не печатался Челпанов и в журналах. Две брошюры Челпанова вышли со словами «Издание автора» [131], [133].

§ 3. О четырех принципах диалектического метода

Проблема метода, понимаемого в широком, философском смысле, а именно, с точки зрения марксистской философии, впервые была поставлена К.Н. Корниловым в докладе «Современная психология и марксизм».

Делая первую попытку «применить марксизм к области психологии» [48, с. 41], ставя вопрос о том, во что «должна превратиться психология под влиянием марксизма» [48, с. 42], Корнилов, помимо переосмысления с точки зрения марксизма «самого объекта психологии» [48, с. 42], затрагивал также проблему современной психологии, «требующую разрешения и могущую найти такое разрешение в марксизме, которая касается выяснения принципов, которым подчиняется течение психических процессов» [48, с. 49]. Марксистская психология должна подойти к разрешению этой проблемы «с точки зрения того диалектического метода, который оказался столь плодотворным в применении как к процессу течения общественной жизни, так и вообще биологического развития. Поскольку же психические процессы являются лишь частным видом общебиологических процессов, постольку и основные принципы течения психической жизни могут быть вскрыты именно на этом пути применения метода диалектического материализма к области психологии» [48, с. 49-50].

Далее Корнилов указывал: «Я не даю разрешения этой проблемы сейчас, ибо это требует специального исследования, но едва ли может быть сомнение в том, что основной метод марксизма окажется плодотворным и в разрешении этой основной проблемы современной психологии» [48, с. 49-50].

Более конкретно подойти к проблеме применения диалектики в психологии Корнилов попытался в докладе «Диалектический метод в психологии», с которым он выступил на втором Всесоюзном съезде по психоневрологии в Ленинграде в январе 1924 г., т.е. спустя год после первого психоневрологического съезда. Перечисляя четыре принципа диалектического метода, Корнилов к каждому из них привел ряд примеров-иллюстраций из различных областей и направлений психологии. Согласно Корнилову диалектический метод включает в себя следующие четыре принципа:

1. принцип непрерывной изменчивости всего сущего

[49, с. 107];

2. принцип всеобщей связи явлений, всеобщей закономерности [49, с. 107];

3. 3) принцип скачкообразного развития процессов, с переходом от количественных определений к качественным [49, с. 108];

4. принцип прогрессивного развития, триада Гегеля (тезис – антитезис – синтез) [49, с. 111].

Такое понимание диалектического метода, в рамках марксизма традиционно представленного в виде трех законов диалектики, вызывает ряд вопросов. В частности, каково происхождение этих принципов? Взял ли их Корнилов в готовом виде или же они были его собственной интерпретацией диалектического метода? На каких источниках основывался Корнилов, из каких представлений о диалектике и диалектическом методе он исходил?

Мы знаем, что критика в адрес Корнилова с точки зрения диалектичности его варианта марксистской психологии (реактологии) шла (особенно после 1931 года) по линии оценки его теоретических взглядов как далеких от истинно марксистских ввиду их механистического и эклектического, т.е. в конечном счете не диалектического или даже антидиалектического характера. Но чем была обусловлена эта механистичность представлений Корнилова о диалектике? Насколько в упрощенном понимании диалектики (и марксизма в целом) следует винить самого Корнилова? Не были ли его представления о марксизме и диалектике типичными для того времени? В нашем исследовании мы исходили из того, что разрешение вопроса о четырех принципах позволит нам увидеть общие пути и механизмы проникновения марксизма в советскую психологию в начальный период ее становления.

Вначале обратимся к историографии вопроса. В трудах по истории советской психологии вопрос о принципах диалектического метода «по К.Н. Корнилову» непосредственно не ставится. Так, С.Л. Рубинштейн в «Основах психологии» хотя и раскрывает в отдельном параграфе требования и элементы диалектики [90, с. 69-70], в главе «Советская психология» ограничивается указанием на дискуссионный характер идеи Корнилова о марксистской психологии как синтезе эмпирической и поведенческой психологии [90, с. 36].

Пять лет спустя в первом издании «Основ общей психологии» С.Л. Рубинштейн отмечал, что «Корнилов выдвинул в 1923-1924 гг. лозунг построения марксистской психологии на

основе диалектического материализма. Однако дальше чисто декларативного провозглашения принципов диалектического материализма Корнилову пойти не удалось» [91, с. 69]. Во втором издании этой книги Рубинштейн в параграфе, посвященном истории советской психологии, вообще отказывает Корнилову в какой-либо диалектике: «Под лозунгом марксистской психологии К.Н. Корнилов фактически в своей реактологии создал эклектическую механистическую концепцию, ничего общего с марксизмом не имеющую» [92, с. 83], [93, с. 99].

В работах А.А. Смирнова вопрос о диалектических принципах также не обсуждается. В статье [95] А.А. Смирнов в контексте рассмотрения проблемы развития психики упоминает (без каких-либо комментариев), что Корнилов «в качестве первого положения, характеризующего диалектический метод, называет "принцип непрерывной изменчивости всего сущего"» [95, с. 16]. В другой юбилейной статье Смирнов пишет, как это ни парадоксально, о законах (как это принято в марксистской традиции), а не о принципах диалектического метода у Корнилова: «Впервые именно в выступлениях Корнилова указывалось на значимость законов материалистической диалектики в психологии» [97, с. 14]. Ту же картину мы обнаруживаем и в монографии А.А. Смирнова: «Раскрывая диалектико– материалистическое учение о психике, К.Н. Корнилов особое внимание уделил характеристике законов диалектики в психической жизни человека, приводя, как он полагал, конкретные примеры действия этих законов» [99, 145]. Далее Смирнов кратко излагает примеры, которые приводит Корнилов к закону перехода количества в качество и скачкообразности развития [99, с. 145-146], единства и борьбы (взаимопроникновения) противоположностей [99, с. 146], отрицания отрицания [99, с. 146]. Тот факт, что здесь никакого упоминания о четырех принципах нет, объясняется просто: Смирнов цитирует не доклад Корнилова на втором съезде, а статью «Психология с точки зрения диалектического материализма», вышедшую в США в 1930 году на английском языке [151], где Корнилов действительно пишет уже не о принципах, а о законах. Естественно, при таком подходе вопрос о первоначальных представлениях Корнилова о диалектическом методе А.А. Смирновым обходится, генезис и динамика взглядов Корнилова по этому вопросу не фиксируется и не изучается.

У Б.М. Теплова мы находим, пожалуй, наиболее конкретную оценку представлений Корнилова о диалектических принципах. Перечисляя эти принципы (правда, почему-то не указывая последний, четвертый принцип – принцип прогрессивного

развития), Теплов указывает на их недостаточность, не ставя, однако, вопроса об источниках этих представлений: «В своем докладе на ленинградском съезде 1924 г.

К.Н. Корнилов попытался на материале экспериментальной психологии доказать то значение, которое могут иметь в психологическом исследовании основные принципы диалектики: «принцип непрерывной изменчивости», «принцип всеобщей связи явлений», «принцип скачкообразности развития». Принятия только этих положений было еще недостаточно для построения подлинно марксистской науки о психике. Да и не все эти положения, как показала дальнейшая работа, были правильно поняты и до конца освоены в то время» [106, с. 12]. Следует добавить, что в обширной статье [107], посвященной анализу сборника Корнилова «Современная психология и марксизм», Теплов вообще не касается статьи Корнилова «Диалектический метод в психологии», словно ее там нет вовсе.

А.Н. Леонтьев, говоря о первых шагах советской психологии, в своих работах касается проблемы понимания диалектики К.Н. Корниловым в самом общем виде: «Первые попытки строить марксистскую психологию ограничивались утверждением лишь наиболее общих принципов материалистического понимания психики» [70, с. 357]. «Только в начале 20-х годов учеными нашей страны было впервые выдвинуто требование сознательно строить психологию на основе марксизма … Первоначально задача создания психологии понималась как задача критики идеалистических философских взглядов, господствовавших в психологии, и внесения в нее некоторых положений марксистской диалектики» [69, с. 18].

А.В. Петровский, говоря о докладе К.Н. Корнилова на втором съезде по психоневрологии, дословно приводит диалектические принципы «по К.Н. Корнилову», но также не сопровождает их какими-либо комментариями: «Последовательно рассматривая основные положения диалектического метода (принцип непрерывной изменчивости всего сущего, принцип всеобщей связи явлений, всеобщей закономерности, принцип скачкообразного развития, с переходом от количественных изменений к качественным, принцип прогрессивного развития), К.Н. Корнилов стремился показать, что в сфере психологии им подчиняются конкретные явления, факты, законы, что они находят полное применение в психологическом исследовании» [82, с. 63].

У М.Г. Ярошевского в «Психологии в XX столетии» только говорится, что К.Н. Корнилов «неизменно подчеркивал важность диалектического развития. Но в его реактологии роль этого

принципа ограничивалась общим подходом к психофизической проблеме» [144, с. 335]. В другой работе М.Г. Ярошевский упоминает философские принципы марксизма в советской психологии того периода лишь в самой общей форме: «Представляя цельную и разветвленную систему идей, марксизм, синтезировав достижения философской и научной мысли предшествующего периода, выработал ряд методологических принципов, придавших принципиально новую направленность исследованиям человека и его психической деятельности» [143, с. 248]. «Правда, потребовалась упорная критическая и созидательная работа, чтобы реализовать в конкретном исследовании психических процессов и личности человека это стимулированное потребностями социально-культурного развития молодой республики стремление переориентировать научную психологию на философские принципы марксизма» [143, с. 259], [144, с. 331].

В работе М.Г. Ярошевского [142] вопрос о Корнилове как марксисте заслоняется вопросом о Корнилове как реактологе, в связи с чем М.Г. Ярошевский пишет лишь об идее К.Н. Корнилова осуществить синтез субъективной и объективной психологии и о реактологии как конкретной реализации этой идеи синтеза [142, с. 93]. При этом М.Г. Ярошевский указывает, что в вопросе о конкретных путях осуществления марксистской реформы в психологии «с Корниловым разошлось большинство психологов» [142, с. 93]. В качестве ученых, считавших «марксистскую методологию перспективной в плане поисков выхода психологии из кризиса», но выбравших иной, по сравнению с К.Н. Корниловым, путь, М.Г. Ярошевский указывает П.П. Блонского и Л.С. Выготского [142, с. 93]. О том же М.Г. Ярошевский пишет и в двух других учебных пособиях [149, с. 119-120], [150, с. 369-370].

Эта же точка зрения содержится и в двухтомной работе А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского [85, т. 1, с. 214]; аналогично в работе [49] А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский также пишут лишь о «принципе диалектического единства» как одном из «стержневых начал» марксистской диалектики [84, с. 137] и о попытке К.Н. Корнилова примирить с помощью своей реактологии антитезы субъективного и объективного, индивидуального и социального, телесного и актов сознания [84, с. 136]. Указывая на низкую продуктивность корниловской идеи «единства», авторы в то же время отмечают, что «при всей ограниченности методологических ресурсов реактология Корнилова открыла путь к новым контактам психологии с марксизмом» [84, с. 137].

В книге Е.Е. Соколовой о К.Н. Корнилове вопрос о

диалектических принципах не затрагивается, и в конечном все сводится к ироничной оценке Выготским попытки Корнилова создать учебник психологии «с точки зрения диалектического материализма» [см. 101, с. 401]. В книге В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунова, как и во многих других современных источниках, основное ударение делается на собственно реактологических идеях К.Н. Корнилова: «Идеалист Челпанов ведь писал не только о душе. Он издал первый в нашей стране учебник экспериментальной психологии. Он научил К.Н. Корнилова, сменившего его на посту директора института, измерять время реакции человека, а тот решил, что в этом вся психология, и попытался создать свое учение о ней, назвав его реактологией. Не вина Челпанова, что Корнилов не усвоил уроков о душе» [42, с. 80]. Не рассматривается вопрос о диалектических принципах и в других современных работах по истории, так или иначе касающихся 20-х годов [37], [88] и др.

Обобщая, можно сказать, что фактически никто из рассмотренных авторов, касаясь доклада Корнилова на втором съезде, не ставит вопроса по поводу четырех принципов диалектического метода. Создается впечатление, что психологи этот вопрос считают чисто философским. Но не ставится в них и более общий вопрос – о механизмах ассимиляции советской психологией марксистских идей. Исследователи фактически не затрагивают вопрос о Корнилове как марксисте и о влиянии его уровня марксистской компетентности на его общетеоретические взгляды.

Но, может быть, все дело в том, что вопрос о принципах давно уже нашел свое разрешение в 20-е и 30-е годы и поэтому современные авторы не считают нужным его затрагивать? За ответом вначале обратимся к научным публикациям, либо в целом посвященным второму съезду по психоневрологии, либо непосредственно содержащим анализ доклада Корнилова.

В обзорных статьях, посвященных второму съезду по психоневрологии, в лучшем случае содержится более– менее подробный пересказ содержания доклада Корнилова «Диалектический метод в психологии» и приводятся некоторые мысли, высказанные Корниловым в прениях на съезде. Таковы статьи И. Арямова [4], М.Я. Басова [5], А.П. Болтунова [20], Г. Даяна [31], А.Л. Шнирмана [136]. Оценку представлений К.Н. Корнилова о диалектике содержат статьи В.М. Бехтерева и А.В. Дубровского [11], В.Я. Струминского [105], М.Я. Басова [6] и Л.С. Выготского [27]. Рассмотрим эти работы более подробно.

В статье И.И. Арямова [4] четыре диалектических принципа вообще не упоминаются. М.Я. Басов [5] просто указывает, что «в

первом докладе докладчик имел целью доказать, что четыре основных принципа диалектического метода (изменчивость всего существующего, всеобщая связь или закономерность существующего, скачкообразность развития и прогрессивность развития) всецело приложимы в области психологии, что он иллюстрировал соответствующими примерами» [5, с. 47].

Ненамного определеннее выразился по поводу доклада К.Н. Корнилова Л.С. Выготский. В статье, подводящей итог десятилетнего развития советской психологии, Выготский высоко оценил шаг, предпринятый К.Н. Корниловым: «На втором Всероссийском съезде по психоневрологии в 1924 году в Ленинграде были К.Н. Корниловым формулированы основные принципы марксистской психологии, на основе которых началась теоретическая и экспериментальная разработка отдельных психологических проблем» [27, с. 38]. В более поздней статье [28] Выготский меняет тональность, резко критикуя Корнилова именно за понимание диалектического метода как совокупности принципов. Выготский пишет: «Стоит только на мгновение представить себе, что мы должны были бы применять диалектический метод к конкретному историческому или экономическому исследованию, пользуясь только общими, абстрактными положениями теории диалектического материализма (принцип скачкообразности, в развитии, принцип перехода количества в качество и т.д.) без той системы конкретных понятий, которую дает исторический материализм (развитие производительных сил, теория базиса и надстройки, классовая структура общества и т.д.), для того, чтобы представить себе, что еще предстоит сделать психологии, чтобы стать марксистской наукой» [28, с. 106-107]. Обратим внимание, что в данном высказывании Выготский не сводит философию марксизма к диалектическому материализму, стремясь проследить значение для психологии и исторического материализма; другие составные части марксизма при этом не упоминаются.

В более цельном виде – не только как философия, но и как наука – понимается марксизм Выготским в работе «Исторический смысл психологического кризиса», где, в частности, говорится:

«Стоит только представить себе, что Маркс оперировал бы общими принципами и категориями диалектики, вроде количества-качества, триады, всеобщей связи, узла, скачка и т.п. – без абстрактных и исторических категорий стоимости, класса, товара, капитала, ренты, производительной силы, базиса, надстройки и т.п., чтобы увидеть всю чудовищную нелепость предположения, будто можно непосредственно, минуя «Капитал»,

создать любую марксистскую науку. Психологии нужен свой «Капитал» – свои понятия класса, базиса, ценности и т.д., – в которых она могла бы выразить, описать и изучить свой объект, а открывать в статистике забывания оттенков серого цвета у Лемана подтверждение закона скачков – значит ни на йоту не изменить ни диалектики, ни психологии» [29, с. 420].

Таким образом, если Корнилов в «диалектизации» психологии двигался вслед за Ф. Энгельсом, идя по аналогии с тем, что делал Энгельс в области философии, то Л.С. Выготский, достаточно быстро пройдя этот этап, вышел на понимание марксизма уже не столько как философии, сколько как науки. Это выразилось в том, что Выготский пробовал (или во всяком случае выдвигал требование) превратить психологию в науку по аналогии с тем, что сделал К. Маркс в области политической экономии. Этого уровня понимания марксизма Корнилов не достиг ни к 1931 году, ни позже. К пониманию Корниловым марксизма и его значения для психологии вполне можно отнести слова, сказанные М.Я. Басовым в середине 20-х годов: «Аналогично тому, как Маркс и Энгельс сумели из-под идеалистической и мистической оболочки гегелевской философии извлечь рациональное зерно материалистической диалектики и, таким образом, перевернуть всю эту философию с головы на ноги, так и современная материалистическая психология во многих случаях должна поступать в отношении к своему прошлому. Нам однажды уже пришлось высказывать ту же мысль, и здесь мы можем повторить ранее сказанное: "Не в смысле полного подобия, а лишь в виде некоторой аналогии можно сказать, что операция, которую проделал Маркс с идеалистической философией Гегеля, должна служить для каждого психолога-материалиста прообразом его собственной задачи по отношению ко всему положительному, что может содержать в себе субъективная наука о сознании"» [6, с. 232].

Г. Даян [31] лишь кратко пересказывает содержание доклада Корнилова наряду с другими материалами съезда. Таким же образом поступает и рефлексолог А.Л. Шнирман. В обзорной статье он вкратце пересказывает содержание доклада Корнилова, вслед за автором перечисляя четыре диалектических принципа и приводя некоторые примеры-иллюстрации к ним [136]. А.В. Дубровский в статье «Материя и дух» [33], будучи сторонником рефлексологии В.М. Бехтерева, начисто отрицает попытку Корнилова создать марксистскую психологию: «Не надо забывать, что ввести диалектический метод в психологию – все равно, что сказать, что Гегель, введя диалектику в свою идеалистическую философию, дал материалистическую философию. Как нельзя

создать строго монистическую систему, совмещая материализм с идеализмом, так нельзя и в психологию, в основе которой лежит метод интроспекции, самонаблюдения, вводить диалектический материализм. В противном случае получится не марксистская наука о человеческой личности, а винегрет» [33, с. 25].

В статье, написанной совместно с В.М. Бехтеревым спустя два года, сформулированные К.Н. Корниловым принципы А.В. Дубровский не только не ставит под сомнение, но и прямо использует их в интересах своей науки: «Из вышеизложенного ясно, что метод диалектического материализма вполне применим к рефлексологии. Принципы диалектики:

1.принцип непрерывной изменчивости всего существующего,

2. принцип всеобщей связи явлений,

3.принцип скачкообразности развития процессов с переходом от количества к качеству и

4. принцип прогрессивного развития вполне приложимы к рефлексологии и вскрывают основные законы течения соотносительной деятельности человека» [11, с. 86].

Наибольшее значение из всех статей, посвященных в частностях или целиком докладу Корнилова, имеет обширная работа В.Я. Струминского [105]. Ее общий объем составляет свыше семидесяти страниц. В этой целой статье докладу Корнилова о диалектическом методе Струминский посвящает целую главу под названием «Диалектический метод в „марксистской психологии“» [105, с. 174-183]. Но и в этой работе, несмотря на ее критичность и детальность, мы не находим постановки вопроса о происхождении четырех принципов. Струминский тщательно анализирует примеры– иллюстрации к каждому из принципов, указывает на ряд порочных моментов в подходе Корнилова, но не более того. Так, по поводу примеров Корнилова Струминский замечает, что «такие иллюстрации еще не представляют применения диалектики к психологии. Они являются скорее вульгаризацией диалектики, конструированием психической действительности по упрощенным схематическим формулам, придумыванием диалектики для психологии вместо того, чтобы открывать ее в самой этой психологии» [105, с. 176].

Затем Струминский бросает еще один общий упрек в адрес Корнилова, отмечая, что «ссылка на диалектический метод превратилась в употреблении проф. Корнилова в какой-то талисман, с помощью которого неясное должно сделаться ясным, вернее, – казаться таковым» [105, с. 181].

Это означает, что В.Я. Струминский, как и упомянутые выше авторы, оценивает четыре диалектических принципа К.Н. Корнилова как не требующие обоснования и объяснения, не ставит вопрос об их обоснованности, происхождении и т.д. При всей своей критичности и «въедливости» Струминский в основном критикует Корнилова за качество примеров и иллюстраций к четырем принципам, лишь в самой общей форме указывая на качество понимания Корниловым самой диалектики: диалектический метод у Корнилова представляет собой набор «упрощенных схематических формул».

Таким образом, мы видим, что ни в одной из работ 20-х годов – в посвященных второму съезду по психоневрологии статьях И. Арямова [4], М. Басова [5], Г. Даяна [31], А.В. Дубровского [33] и А.Л. Шнирмана [136], а также в статьях Л.С. Выготского [27] и В.Я. Струминского [105], непосредственно касающейся доклада К.Н. Корнилова о диалектическом методе, – вопрос о происхождении четырех диалектических принципов у Корнилова не ставится. У всех авторов мы не обнаруживаем указания и критики источников представлений Корнилова о марксизме. Все авторы так или иначе оценивают лишь то, насколько правильно прикладывает эти принципы Корнилов к области психологии.

Но, может быть, в статьях советских философов и ученых – представителей других наук мы найдем упоминания об этих принципах и даже их оценку?

В 20-е годы о диалектике и марксизме говорили, писали и спорили не только психологи, но и философы, политики, биологи и т.д. В работах тех лет философы и представители естественных наук, анализируя популярную тогда проблему связи диалектики с различными науками (в частности, с естественными науками – об этом шел многолетний спор между «механистами» и «диалектиками»), упоминают и пресловутые четыре принципа в том или ином виде, оценивают суть такого подхода к диалектике, когда ученые или философы пытаются свести диалектику к схематическому набору того или иного количества принципов, правил, сторон, предпосылок, требований, положений и т.д. Не претендуя на полноту обзора данной литературы, ниже мы в хронологическом порядке рассмотрим несколько наиболее типичных работ, дающих представление об уровне и направленности теоретической работы тех лет.

Б. Быховский вполне определенно заявлял: «Ленин широко пользовался в своих работах, в обобщениях и предвидениях диалектическим методом, никогда не опускаясь до «догматической», вульгарной диалектики, «конструирующей» действительность по упрощенным схематичным формулам

(«количество переходит в качество», «отрицание отрицания», «тезис – антитезис – синтезис»), он искал имманентную диалектику действительности» [25, с. 247].

Знакомо? Очевидно, В.Я. Струминский в приведенной выше цитате воспользовался этими словами, вполне в духе того времени и уровня научности, не указав автора. Это было типично для того времени, ведь и сам К.Н. Корнилов, расчленяя диалектический метод на четыре принципа, не указал автора или источник такого толкования диалектики.

В статье Д. Гульбе «Дарвинизм и теория мутаций с точки зрения диалектического материализма» проблемы, возникающие при сравнительном анализе теорий Дарвина и Де-Фриза, рассматриваются через призму «основных положений» диалектики: все течет, все изменяется, явление следует рассматривать не изолированно, а в тесной связи [30, с. 160] и т.д., что, по существу, совпадает с корниловской схемой. Вероятнее всего, такое совпадение говорит не о том, что для Д. Гульбе изложение диалектики К.Н. Корниловым явилось образцом для подражания, а о том, что представления о диалектике у них обоих имеют один и тот же общий источник.

В нашем обзоре нельзя обойти стороной глубокие и точные мысли философа И. Луппола. Пример И. Луппола показывает, что в 20-е годы среди советских философов-марксистов были не только «люди в кожаных тужурках», но и ученые, искренно, сознательно и на высоком уровне научности работавшие в рамках марксистской философии. Кстати, в упомянутом выше сборнике «Общественные науки СССР» И.К. Луппол был автором статьи о философии.

«Прежде чем применять диалектику, надо ее хорошо изучить» – к этим словам можно свести мысль И. Луппола, высказанную в рецензии на книгу О. Трахтенберга «Беседы с учителем по историческому материализму». И. Луппол писал: «Говорить о диалектике, будучи недостаточно знакомым (или не желая выявлять этого знакомства) с Гегелем – тоже как будто не пристало. Мировой процесс, связь явлений, переход в противоположность, триада, ведь не исчерпывают, вопреки утверждению автора [О. Трахтенберга. – *С.Б.*] на с. 38, сущности диалектики. Это только те элементы или стороны диалектики, о которых черным по белому писали основоположники марксизма. Между тем, все богатство диалектического метода, которым они пользовались, богатство, элементы которого не поддаются практикующейся у нас теперь нумерации их, ускользнуло от внимания О. Трахтенберга» [71, с. 302].

Эти слова И.К. Луппола бьют К.Н. Корнилову не в бровь, а в

глаз. Кстати говоря, по мнению Г.И. Челпанова, основная причина неудачи корниловского варианта марксистской психологии заключается именно в незнании марксизма: «Очевидно, Корнилов никогда не имел случая ознакомиться с сочинениями Маркса. Это видно не только из того, что он нигде не цитирует Маркса, но и из того, что он под видом материализма Маркса предлагает материализм Бюхнера» [128, с. 21].

В острой и глубокой статье «Диалектика диалектики…» [72] И. Луппол еще более определенно высказывается против схематизации (пусть даже и с педагогическими целями) диалектики: «Диалектику нужно изучать.

В самом деле, если диалектика Маркса есть поставленная на ноги диалектика Гегеля, то нельзя в наши дни ограничиваться тем, что буквами написано у Маркса и Энгельса. В своих произведениях Маркс и Энгельс черным по белому писали, – так что слепым было видно, – о многих, но не обо всех диалектических категориях. Эти их высказывания в наши дни в целях педагогических (вот она, «школьная философия») пронумеровываются, прошнуровываются и, мы бы сказали, замораживаются.

Первое – все движется, второе – все в связи, третье – количество переходит в качество, четвертое – отрицание отрицает отрицание и т.д. Так и хочется спросить: а почему сие важно в-пятых? То бишь: а какая пятая заповедь диалектики? Все это есть самое дурное третирование диалектики Маркса» [72, с. 42].

Косвенную критику постановки К.Н. Корниловым проблемы диалектического метода в психологии мы находим и в статье В. Егоршина «К вопросу о политике марксизма в области естествознания» [34]. В. Егоршин пишет, что есть целый ряд естественников, которые «предлагают некритически перенять отдельные элементы современного естествознания, пусть лучшие элементы, но такие, которые выросли вне сознательного приложения диалектического материализма. Задача марксизма в области естествознания, по их мнению, будет закончена, когда мы все успехи, уже достигнутые современным естествознанием, изложим при помощи марксистской терминологии. «Вот здесь – скачок, здесь – переход количества в качество», – а все в общем это было известно задолго до всякого марксизма. Недаром один старый профессор, когда он услышал такое упрощенное изложение метода диалектики, воскликнул: «Да ведь мы в таком случае всегда были диалектиками!» [34, с. 124].

Под «естественником» здесь можно понимать Корнилова и целый ряд аналогично мысливших в то время ученых, а слова старого профессора вполне могли быть сказаны Челпановым.

Впрочем, в то время весь смысл постановки на марксистские рельсы науки вообще и психологии в частности сводить к смене терминологии, но не содержания и принципов мог не только «целый ряд ученых-естественников», но и «сам старый профессор». Так, например, в работе «Психология или рефлексология?» Челпанов в диалогической форме раскрывает свои взгляды на перестройку в психологии и в своих взглядах. Отвечая своим оппонентам, Челпанов пишет: «Ответ на последнее возражение: "Если Вы утверждаете, что современная научная психология стоит на той же точке зрения, на какой стоит психология Маркса, то Вы должны быть материалистом. Как же это примирить с тем, что Вы прежде всегда критиковали материализм во всех видах?" На что я могу сказать: Здесь есть очень серьезное терминологическое недоразумение. Я критиковал только вульгарный материализм, психофизический же параллелизм, на котором базируется марксизм, мы не называли материализмом. Теперь, при перемене терминологии, мы нашу точку зрения психофизического параллелизма, лежащего в основе психологии, должны называть материализмом, ничего, однако, не изменяя в наших взглядах» [130, с. 31].

Нельзя понять эволюции философских, марксистских взглядов Корнилова, не зная общей картины многолетней дискуссии между «механистами», с одной стороны, и «диалектиками»-деборинцами – с другой, не учитывая того места, которое вольно или невольно занял Корнилов в этом споре. Положение Корнилова (а он явно тяготел к редакции журнала «Под знаменем марксизма», где главным редактором до 1931 г. был А.М. Деборин) позволяет понять и происхождение четырех принципов диалектики, и «канал» проникновения марксизма в психологию в лице Корнилова.

Один из наиболее активных сторонников «механической диалектики» И.И. Скворцов-Степанов, подводя в 1928 г. итоги затянувшейся дискуссии о марксистской диалектике, писал: «Поразительная свистопляска разыгрывается на нашем идеологическом фронте. Вот, например, проф. Г. Челпанов (Проф. Г. Челпанов. Психология и марксизм. Второе (!) изд. М., 1925). С радостным изумлением он открывает, что всегда, с самого начала своей профессорской деятельности, был марксистом в психологии. И он пишет свои тезисы, которые «доказывают» это цитатами из Маркса и Энгельса, явным образом заимствованными из литературы деборинцев» [103, с. 48]. Достается от И.И. Скворцова-Степанова и Корнилову, причем именно за работу «Диалектический метод в психологии». И.И. Скворцов-Степанов пишет: «Но почему же в таком случае должен

остаться неиспользованным проф. Корнилов, который как был, так и остался талантливым представителем идеалистической психологии? В разросшемся деборинском хозяйстве всякая вещь пригодится, в особенности когда ее можно направить против «механистических материалистов». И проф. Корнилов назидательно рассказывает нам, что такое марксистский метод в применении к психологии. Надо ли удивляться всему этому?» [103, с. 48].

Таким образом, Корнилов оказался втянутым не только в научный спор с Челпановым с одной стороны и Бехтеревым с другой, но и в спор философский. Кроме того, следует учитывать то обстоятельство, что в те времена спор нередко приобретал и классовую и политическую окраску, далеко не всегда необходимую и адекватную. Приведем лишь один штрих, характеризующий обстановку на «философском фронте» тех лет. В сборнике «Механистическое естествознание и диалектический материализм» Боричевский, один из участников дискуссии, говорит: «Смею думать, что т. А.К. Тимирязев и здесь дает нам поучительный пример. Общеизвестно, что наш почтенный физик сохраняет неизменно строгое научное беспристрастие до тех пор, пока не произнесено одно небезызвестное имя: Эйнштейн. Здесь приговор тов. Тимирязева неумолим: расстрелять немедленно, без права апелляции во ВЦИК (А.К. Тимирязев с места: «Я вовсе не предлагаю расстреливать Эйнштейна». – Смех)» [102, с. 53]. Столь же многозначительны (в свете дальнейших событий в нашей науке) и слова А.К. Тимирязева из этой книги: «Я слышал в беседах (в печати еще, правда, не видел) нападки на тов. Степанова за то, что он, соглашаясь с мнением многих биологов, не придает того исключительного значения «мутациям», какие придавал им Де-Фриз и, таким образом, не делает будто различия между буржуазным учением о постепенном развитии и революционном марксизмом! (Тов. Степанов с места: «Да, действительно!»)» [102, с. 18-19].

Идеологизация научной проблемы налицо. С этих позиций упоминание в своем докладе К.Н. Корниловым мутационной теории Де-Фриза, как подтверждающей правильность диалектического метода, выглядит не случайным и довольно ответственным шагом.

В качестве еще одного «философского документа» той эпохи приведем выдержку из статьи Ю.В. Франкфурта «Учение В.М. Бехтерева и марксизм» [118]. В седьмом параграфе статьи, озаглавленном «Рефлексология и диалектический материализм», Ю.В. Франкфурт пишет: «Прежде всего несколько слов о понимании Бехтеревым диалектического метода в

рефлексологии. Перечисляя в статье «Диалектический материализм и рефлексология» указанные им ранее в «Общих основах рефлексологии человека» те пять путей, с помощью которых достигает своих целей, он добавляет, что наряду с приведенными методами рефлексология включает и метод диалектического материализма» (с. 86). Тут В.М. Бехтерев допускает ту же ошибку, которую, как это указал т. Луппол, допустил и К.Н. Корнилов. Применить диалектический материализм как метод в рефлексологии не значит ввести его как особый отдельный метод наряду с указанными методами, а пронизать последние диалектикой, сделать их диалектически-материалистическими» [118, с. 77-78].

По-видимому, именно такого рода критика в итоге повлияла на общую позицию Корнилова. В 1926 году вышло в свет первое издание его «Учебника психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма», где во второй главе «Методы психологии» говорится, что «в науке о реакциях человека в настоящее время применяются следующие основные методы: а) метод объективного простого и экспериментального наблюдения; б) сравнительно-генетический метод; в) диалектический метод; г) метод самонаблюдения и словесного отчета; д) метод тестов и е) метод анкет» [61, с. 18]. Далее Корнилов раскрывает диалектический метод через те же четыре принципа – непрерывной изменчивости, всеобщей связи явлений, прогрессивного развития и скачкообразности в развитии процессов, порой почти дословно повторяя положения и примеры из своего доклада на втором съезде по психоневрологии [см. 61, с. 24-26]. Однако в последующих изданиях этого учебника диалектический метод упоминается уже не как отдельный наряду с другими методами психологии, а в полном соответствии с замечанием Ю.В. Франкфурта как «пронизывающий» другие методы психологии.

Следовательно, было бы ошибкой считать, что трактовка Корниловым диалектического метода была нейтрально или положительно встречена марксистами– философами, представителями других наук. Содержание этой критики является, с нашей точки зрения, еще одним подтверждением того, что автором «четырех принципов» был сам Корнилов. В то же время определенные трудности, неувязки и ошибки при решении Корниловым проблемы применения диалектического метода в психологии следует относить, конечно, не только к самому Корнилову (его философский и общенаучный уровень, мотивация действий и т.д.), но и понять их как носящие объективный, независимый от личности Корнилова характер, прежде всего имея

в виду положение дел в области марксистской идеологии и марксистской философии в нашей стране в середине 20-х годов.

Какими же источниками руководствовался К.Н. Корнилов, формулируя четыре принципа диалектического метода? Почему, в частности, при написании доклада, т.е. в конце 1923 – начале 1924 года Корнилов не воспользовался тем пониманием диалектики, которое мы встречаем у Гегеля, Маркса, Энгельса или Ленина? Как известно, Энгельс в «Диалектике природы» в главе «Диалектика» прямо указывает, что законы диалектики сводятся к трем: перехода количества в качество и обратно, взаимного проникновения противоположностей и отрицания отрицания [138, с. 384].

При ответе на вопрос о первоисточниках, которыми мог воспользоваться Корнилов, многое проясняет знание времени их публикаций. В частности, с указанной работой Энгельса дело обстоит просто: «Диалектика природы» была впервые опубликована на немецком языке вместе с параллельным русским переводом во второй книге выходившего под редакцией Д.Б. Рязанова «Архива Маркса и Энгельса» только в 1925 году, т.е. спустя год или полтора после выступления Корнилова с докладом «Современная психология и марксизм». По той же причине Корнилов не мог в 1923 – начале 1924 года воспользоваться «Философскими тетрадями» В.И. Ленина. Большинство фрагментов, входящих в них, были опубликованы лишь в «Ленинских сборниках» за 1929-1930 гг. Заметка Ленина «К вопросу о диалектике», впоследствии вошедшая в «Философские тетради», впервые была напечатана в журнале «Большевик» только в 1925 г.

Тем не менее у К.Н. Корнилова была реальная возможность взять более-менее полную характеристику материалистической диалектики и диалектического метода из других первоисточников. Мы имеем в виду такие работы Ленина, как «Карл Маркс», «Еще раз о профсоюзах…», «Три источника и три составных части марксизма», имевшихся в наличии в начале 20-х годов. Кроме того, из классиков К.Н. Корнилов мог воспользоваться работами Г.В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Основные вопросы марксизма», «Критика наших критиков», работами Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах…» и др. Подчеркнем, что ни в одной из этих работ мы не находим понимания диалектического метода как состоящего из четырех принципов или такой группировки материала при изложения диалектики, которая позволяла бы свести ее к ним.

Все это заставляет предполагать, что Корнилов при

формулировке четырех принципов исходил не из трудов Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина или Г.В. Плеханова, а из работ рангом ниже. Корнилов получал свое представление о марксистской диалектике не из первых, а из вторых или даже третьих рук, что, впрочем, согласуется с уровнем представлений большинства других советских психологов о марксизме в 1917-1923 гг. О каких же работах здесь может конкретно идти речь? В свете вышеизложенного мы выделили из всей многочисленной научной и философской литературы того периода, посвященной проблемам марксистской философии, три работы – В.В. Адоратского [1], Н.И. Бухарина [22] и А.М. Деборина [32].

В.В. Адоратский в своем пособии «для студентов и кружков повышенного типа» по интересующему нас вопросу писал: «При изучении метода диалектического материализма надо обратить внимание на следующие пункты: 1. Различие между логикой формальной и диалектической; различие между диалектикой и метафизикой; различие между диалектикой и эклектикой; различие между диалектикой и эволюцией. 2. Два основных принципа диалектики: движение и всеобщая связь. 3. Борьба противоположностей. Переход в противоположность. Противоречия неразрывно связаны. 4. Отрицание отрицания. 5. Переход количества в качество. 6. Чтобы быть последовательной, диалектика должна быть материалистической» [1, с. 12]. Затем В.В. Адоратский излагал «основные правила диалектического мышления»: «1. Изучать действительность во всей ее полноте. Стараться принять во внимание все. Изучать подробно и детально. Помнить о всеобщей связи. 2. Изучать в движении. Обращать внимание, как происходит диалектическое движение и совершается переход. Искать противоречия, следить за борьбой. 3. Помнить, что нет отвлеченной истины, что истина конкретна. Как можно меньше схем, как можно больше положительной работы мысли. 4. Не разрывать теорию и практику. Не только познавать, но и переделывать окружающее. Основательное познание без практики невозможно. Не только наблюдать и созерцать борьбу, но и принимать в ней участие» [1, с. 13].

В этой работе В.В. Адоратского обращают на себя внимание два момента. Во-первых, Адоратский непосредственно говорит о принципах диалектики, но указывает всего два принципа, а не четыре, как у Корнилова. Далее он пишет о трех законах диалектической логики, не называя их, однако, законами. Почему бы в таком случае их для удобства изложения и дальнейшего использования не объединить вместе с двумя принципами и не назвать все их принципами? Тогда принцип движения у

Адоратского оказывается принципом непрерывной изменчивости у Корнилова; принцип всеобщей связи – принципом всеобщей связи явлений, всеобщей закономерности; два принципа у Адоратского – борьбы противоположностей и отрицания отрицания – одним принципом прогрессивного развития, «известной триадой Гегеля», по Корнилову, а принцип перехода количества в качество – принципом скачкообразного развития процессов, с переходом от количественных определений к качественным.

С целью уточнения и дальнейшей детализации вывода об основном источнике представлений Корнилова о диалектическом методе мы обратились к работе Бухарина, который по интересующему нас вопросу писал: «Диалектический метод, диалектический способ рассматривать все сущее требует рассмотрения всех явлений, во-первых, в их неразрывной связи, во-вторых, в их движении» [22, с. 67]. Налицо, таким образом, два принципа диалектики по Адоратскому. В связи с этим можно предположить, что Бухарин при изложении элементов диалектики руководствовался непосредственно «Программой…» Адоратского. Далее, описывая диалектический характер движения как непрерывный процесс нарушения и восстановления равновесия, Бухарин переходит к «известной триаде Гегеля»: «Гегель заметил такой характер движения и выразил его в следующей форме: первоначальное состояние равновесия он назвал тезисом, нарушение равновесия – антитезисом, т.е. противоположением, восстановление равновесия на новой основе – синтезисом (объединяющим положением, в котором примиряются противоречия). Этот-то характер движения всего сущего, укладывающийся в трехчленную формулу («триаду»), он и назвал диалектическим» [22, с. 76].

Логике изложения Бухариным диалектики соответствует и четвертый принцип у Корнилова. В книге Бухарина параграф, идущий за рассуждениями о триаде, называется «Теория скачкообразных изменений и теория революционных изменений в общественных науках» [22, с. 81]. Дополнительным подтверждением того, что Корнилов руководствовался книгой Бухарина, служит тот факт, что в своем докладе Корнилов характеризует скачкообразность развития процессов как «принцип» и почти дословно повторяет формулировку Бухарина, вместо принципа называя скачкообразность «теорией». Мы имеем в виду то место, где Корнилов пишет: «В области психологии теория перехода количественных определений в качественные имеет первостепенное значение при разрешении многих проблем» [49, с. 113]. Трактовка Корниловым в докладе мутационной

теории Де-Фриза также, «по Бухарину», является еще одним подтверждающим фактором.

Судя по вышеизложенному материалу, влияние работ В.В. Адоратского и Н.И. Бухарина на формирование у К.Н. Корнилова представлений о диалектическом методе обнаруживается достаточно наглядно.

Теперь проанализируем, какое воздействие на Корнилова мог оказать А.М. Деборин, прежде всего – книгой «Введение в философию диалектического материализма» [32]. Эта книга (первым изданием вышедшая еще до революции с предисловием Г.В. Плеханова) представляет сборник статей, посвященных проблемам диалектического материализма. Книга, написанная «тяжелым» философским языком, для Корнилова, судя по всему, оказалась слишком сложной. Любопытно, что П.П. Блонский в 1917 г. свою рецензию на эту работу А.М. Деборина без обиняков начал словами: «Самое ценное в рецензируемой книге – предисловие Г.В. Плеханова» [13, с. 413]. А в конце рецензии Блонский делает вывод: «Словом, мы имеем не введение в диалектический материализм, но случайный набор шаблонных, скучных и многословных очерков … Никакого удовлетворительного введения ни в материализм, ни в диалектику, ни, тем более, в диалектический материализм книга Деборина не дает» [13, с. 415]. Такие высказывания во многом делают понятным, почему Блонский в марксистской дискуссии не пошел ни по «пути Корнилова», ни рядом с Корниловым.

Из книги А.М. Деборина Корнилов смог взять лишь два положения – оценку теории мутаций и определение диалектики. Действительно, А.М. Деборин в книге оценивает теорию мутаций Де-Фриза как вполне диалектическую: «Учение о превращении элементов, о переходе «количества в качества» путем скачков представляет, наряду с теорией мутаций (т.е. скачкообразного развития видов) в биологии, блестящее подтверждение правильности и истинности диалектического материализма» [32, с. 237]. В другом месте А.М. Деборин прямо противопоставляет диалектической теории мутаций метафизическую теорию Ч. Дарвина: «Кому, например, неизвестно, что теория эволюции (возьмем хотя бы учение Дарвина о происхождении видов) исходит именно из понятия постепенности изменений? Между тем как диалектика настаивает на необходимости признания скачков в процессе развития» [32, с. 323].

Есть смысл сравнить и определения диалектики у А.М. Деборина и К.Н. Корнилова. В своем докладе Корнилов пишет: «Вот почему Энгельс был глубоко прав, когда, давая определение диалектическому методу, он определил его как «весьма общий и

потому широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления» [49, с. 107]. Корнилов здесь не указывает, откуда он цитирует слова Ф. Энгельса. Поиск соответствующего определения диалектики в работах Ф. Энгельса оказывается безуспешным, выражение «общий и широко действующий» при характеристике диалектики у Ф. Энгельса не встречается. Очевидно, это выражение взято К.Н. Корниловым из книги А.М. Деборина. Скорее всего, Корнилов использовал то место в книге А.М. Деборина, когда, споря с П. Юшкевичем, Деборин пишет: «Диалектика есть «наука об общих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления», и поскольку все процессы обнимаются «схемой» отрицания, то она выражает общую формулу процесса развития и есть «общий и широко действующий закон» [32, с. 323-324]. Следовательно, К.Н. Корнилов ошибается, приписывая Ф. Энгельсу определение диалектики, которое тот на самом деле давал лишь закону отрицания отрицания. Действительно, у Энгельса в «Анти-Дюринге» говорится: «Итак, что такое отрицание отрицания? Весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления» …

«Диалектика и есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления» [137, с. 145].

К.Н. Корнилов, как мы видим, вслед за А.М. Дебориным из этих двух высказываний сделал одно. В итоге получилась формулировка: диалектика – это весьма общий и потому широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления. Дело не в том, насколько такая синтетическая формулировка верна, для нас важно то, что она показывает нам конкретные пути и механизмы процесса усвоения марксизма советской психологией в самом начале ее исторического развития.

Но если содержание принципов диалектического метода К.Н. Корнилов мог взять у В.В. Адоратского или Н.И. Бухарина, то в качестве непосредственного образца увязки этих принципов с данными конкретной науки Корнилов мог использовать статью А.К. Тимирязева «Диалектический метод и современное естествознание».

Статья А.К. Тимирязева первоначально была опубликована в апреле 1923 года (т.е. более чем за полгода до второго съезда по психоневрологии) в журнале «Под знаменем марксизма» [108], а затем в сборнике работ А.К. Тимирязева «Естествознание и диалектический материализм» [109].

Для подтверждения тезиса о наличии такого «канала»

проникновения марксизма в психологию приведем слова Тимирязева об элементах диалектики, которые прямо перекликаются с соответствующими местами доклада Корнилова. А.К. Тимирязев пишет:

«Когда приходится говорить о применении диалектического метода в естествознании, часто указывают, что об основной предпосылке диалектического метода, что «все течет, все изменяется», говорить не приходится, т.к. это знает всякий, даже не изучавший вплотную естественных наук» [109, с. 141]. «Что касается второй предпосылки диалектического метода, о том, что все явления стоят в связи друг с другом, то и о ней многие товарищи говорят, что в области естествознания она представляет собой положение до того очевидное, что не стоит на ней останавливать внимание» [109, с. 144]. «Теперь переходим к вопросу о триаде. Это один из спорных вопросов в области естествознания. Известен спор Плеханова с Михайловским» [109, с. 150]. «Теперь перехожу к последней части моего доклада, в которой позволю себе задать несколько вопросов. Это о переходе количества в качество и скачках» [109, с. 154].

Этих цитат, думается, достаточно, чтобы сделать однозначный вывод о подражании К.Н. Корнилова А.К. Тимирязеву.

Итак, работы В.В Адоратского, Н.И. Бухарина, А.М. Деборина и А.К. Тимирязева – таковы источники представлений о диалектическом методе, содержащихся в докладе Корнилова [49] на втором психоневрологическом съезде в январе 1924 г.

Выяснение вопроса об источниках происхождения представлений К.Н. Корнилова о диалектическом методе позволяет нам понять последующую судьбу высказанных Корниловым диалектических идей. В своей трактовке диалектического метода Корнилов опирался не на незыблемые, общепризнанные авторитеты и труды, поскольку таковых не было. Была разноголосица, были самые различные мнения, точки зрения и варианты интерпретации высказываний «классиков». Для того чтобы добраться до истинного понимания сути проблемы, требовались большие интеллектуальные усилия, высокая философская культура, по крайней мере склонность к теоретическому мышлению. Этими качествами, насколько мы понимаем, Корнилов не обладал. Корнилов опирался на представления о марксизме и диалектике на суждения и мнения из вторых или даже из третьих рук. Когда же в последующем теоретическая и идеологическая «мода» изменилась, Корнилова оказалось очень легко упрекать в искажении, извращении, незнании марксизма и т.д. Эти обвинения только усиливаются

тем, что Корнилов в статье о диалектическом методе во многих случаях не указывает на источники своих представлений о марксизме. Немаловажно и то, что, опираясь на определенные первоисточники, Корнилов конструировал свое понимание диалектического метода, во многом отходя от исходных текстов, вследствие чего невозможно уловить, где кончается использование Корниловым первоисточников и где начинается его собственная интерпретация.

Знание того, как Корнилов пришел к формулировке четырех принципов диалектического метода, позволяет лучше понять дальнейшую судьбу его диалектических и реактологических идей. Здание оказалось возведено на слишком ненадежном фундаменте, чтобы долго простоять. Весь вопрос, следовательно, заключался в том, как быстро будет развенчано понимание Корниловым диалектического метода и его значения для психологии. Очевидно, такая критика могла идти с двух сторон. С марксистских философских позиций можно было упрекать Корнилова за неправильную (искаженную, неполную и т.п.) исходную трактовку диалектического метода; в научном плане не менее обоснованно можно было критиковать Корнилова за неубедительность использованных примеров, отсутствие реальных результатов предложенной «диалектизации» психологии, ошибочность конечных выводов и т.д., акцентируя, таким образом, все внимание на собственно психологических взглядах Корнилова.

Изучая и оценивая конкретные пути ассимиляции идей марксизма в советской психологии 20-х годов, выясняя, сам ли Корнилов сформулировал четыре принципа диалектического метода или же он их взял в готовом виде, мы лишний раз убеждаемся еще и в том, что дело было не только (и не столько) в Корнилове, его интеллектуальных возможностях, его психологической и философской эрудиции. Уровень развития, распространения и понимания марксизма в СССР в то время, необходимость усвоения марксистских идей десятками тысяч людей, ранее никак не сталкивавшихся с марксизмом (Корнилова, без сомнения, следует отнести к их числу) – все это неизбежно приводило к упрощению всего марксизма, его огрублению и вульгаризации при попытках понять и применить на практике в качестве «революционного учения».

В то же время в докладе К.Н. Корнилова следует видеть не только ошибки и недостатки, его следует оценивать как первый шаг в постановке вопроса о значении диалектического метода – вопроса, который с той поры стал одним из традиционных для советской психологии. Немаловажно и то, что представление о

Корнилове-диалектике может быть по многим позициям перенесено в целом на Корнилова-марксиста. В последующих главах у нас еще не раз будет повод убедиться в этом.

§ 4. К вопросу об увольнении Г.И. Челпанова (историография одного факта)[8]

Факт, он вроде моллюска. Чем больше его вертишь в руках, тем плотнее сжимает он створки… а если попытаешься раскрыть его силой, он погибает: теряет прошлое, лишается будущего… остается только ждать, пока он сам не раскроется изнутри…

Кобо Абэ. Сожженная карта[9]

Относительно увольнения Г.И. Челпанова в 1923 г. с поста директора Психологического института и назначения на его место К.Н. Корнилова в советской историографии психологии за прошедшие десятилетия сложился довольно устойчивый комплекс констатаций и выводов, основанных на определенной эмпирии и принципах ее оценки. Изучение этого комплекса позволяет не только прояснить один из драматических эпизодов в судьбе Челпанова и всей отечественной психологии, но и отчетливо увидеть некоторые характерные особенности нашей традиционной историографии.

В работах советских авторов факту смены руководства Психологического института придается очень большое, можно сказать, историческое значение. А.В. Петровский прямо указывает: «В конце 1923 г.

директором Московского института психологии (в то время именовавшегося Психологическим институтом при Московском государственном университете) вместо Челпанова был назначен Корнилов. Это событие выходило за рамки внутриуниверситетской жизни и знаменовало начало новой эпохи в истории не только Московского психологического института, но и всей психологии» [82, с. 59]. Если же подходить более конкретно, то перед нами открывается следующая картина.

В первые годы после революции и в начале 20-х годов «идеалистическая психология, конечно, не собиралась сдаваться без боя» [106, с. 11], и в этой борьбе Челпанов, будучи «главой идеалистического лагеря» [95, с. 66] и официально возглавляя психологический фронт» [107, с. 9], «пытался сопротивляться проникновению марксизма в психологию» [2, с. 48] и «отстаивал

идеалистическую психологию» [21, с. 12], которая была «старой» [106, с. 11], «уже отжившей свой век» [95, с. 11], но «прочно укоренившейся в дореволюционное время, всемерно поддерживавшейся царским правительством» [97, с. 13]. Стремясь «приспособить философию марксизма к своим эмпирическим воззрениям» [3, с. 25], Челпанов «извращал марксизм», «искажал приводимые цитаты» [21, с. 33], но «никакая хитроумная тактика борьбы Челпанова не могла остановить начавшийся процесс проникновения марксизма в психологическую науку» [119, с. 122]; «приспособленчество Челпанова никого не обмануло, и его попытки прикрыть идеализм фразами о независимой от философии эмпирической психологии потерпели неудачу» [21, с. 34].

С.Л. Рубинштейн по этому поводу писал о «разгроме крайнего идеализма метафизической психологии» [91, с. 67], Б.М. Теплов столь же категорично утверждал, что «открыто идеалистическая психология Челпанова и других была разбита полностью и вышла из борьбы» [106, с. 12]. Б.Г. Ананьев писал о Г.И. Челпанове, что «стремительный ход развития новой советской психологии устранил окончательно эту когда-то крупнейшую фигуру русского идеализма из научной психологии» [2, с. 48]. А.А. Смирнов говорил о «победоносной борьбе» и «победе над отечественной идеалистической психологией» [97, с. 16], констатируя, что психологам-марксистам во главе с Корниловым «немалое время потребовалось для того, чтобы разоблачить и полностью ниспровергнуть попытки наиболее агрессивно настроенных представителей идеалистической психологии (Г.И. Челпанова и всех, кто его поддерживал) любыми путями отстоять господствовавшую ранее психологию и с целью спасения ее доказать недоказуемое» [97, с. 13]. Об «успехе» К.Н. Корнилова пишет А.В. Петровский [83, с. 93], о «первых победах» К.Н. Корнилова упоминает Л.М. Орлова [80, с. 63] и т.д. Любопытно, что при этом во многих работах приводятся фамилии тех, кто вместе или наряду с Корниловым развивал идеи марксистской психологии (В.А. Артемов, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, Н.Ф. Добрынин, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов и др.), но из представителей идеалистического лагеря обычно указывается только Г.И. Челпанов.

Таким же общим местом, как утверждения о борьбе и победе, в нашей историографии является тезис о том, что из факта идейного, теоретического разгрома Челпанова естественно и неизбежно последовало его смещение с поста директора института: победитель Корнилов по праву занял место побежденного Челпанова.

В одной емкой фразе этот тезис нашел свое выражение у А.Р. Лурии и А.Н. Леонтьева: «Борьба против идеалистической психологии велась, однако, и со стороны самих психологов. На психоневрологическом съезде в 1922 г. [так в тексте. – *С.Б.*] К.Н. Корнилов высказывает положение о необходимости построения психологии на основе диалектического материализма и в 1923 г. вместе с группой психологов, разделяющих эту позицию, становится во главе Московского института психологии» [73, ст. 524].

А.А. Смирнов характеристику взглядов Г.И. Челпанова на проблему «психология и марксизм» заканчивал не менее однозначным выводом: «Совершенно понятно, что при подобных взглядах руководителя института на марксистскую психологию не приходилось ожидать развития им и его сотрудниками подлинно марксистской психологической науки. Поэтому осенью 1923 г. была произведена смена руководства института и осуществлен ряд организационных перемен» [96, с. 131]. О том же писала и Е.А. Будилова: «К.Н. Корнилов, последовательно боровшийся против идеалистической психологии, которую отстаивал Г.И. Челпанов, сплотил для этой борьбы большую группу молодых психологов, стремившихся к построению марксистской психологии … В 1923 г. Челпанов был отстранен от руководства Институтом экспериментальной психологии. Директором его стал К.Н. Корнилов» [21, с. 12]. Непосредственно увязывали идейно-теоретическую борьбу с последующими «оргвыводами» из нее А.Н. Леонтьев [68, с. 515], А.А. Никольская [75, с. 73], А.В. Петровский [83, с. 93], Б.М. Теплов [106, с. 11-12], [107, с. 9] и другие исследователи.

Фактически это означает, что Корнилов одержал победу уже на первом психоневрологическом съезде, о чем коротко и ясно говорится, например, в статье В.А. Артемова: под руководством Корнилова «молодые силы советских психологов столкнулись со своими бывшими учителями (Челпановым, Нечаевым – старыми силами дореволюционных психологов) на Московском съезде по психоневрологии 10-15 января 1923 г. Победа осталась за молодыми и прогрессивными учеными» [3, с. 25]. О том, в чем конкретно состояла эта «прогрессивность», можно узнать из статьи Н.А. Рыбникова [94, с. 41], цитату из которой мы приводим ниже.

А.А. Смирнов писал о том, что Корнилов и его единомышленники вели «острую борьбу», и позиция Челпанова «сразу же была разоблачена, как вопиющее искажение марксизма, и Челпанову ничего не оставалось, как вскоре же полностью сложить оружие и отойти от дальнейшей борьбы» [95, с. 12]. У

Л.М. Цыпленковой говорится о том, что благодаря борьбе Корнилова «после первого Всероссийского психоневрологического съезда наступило повсеместное признание необходимости марксистского обоснования психологии» [119, с. 135]. Тезис о победе К.Н. Корнилова уже на первом съезде мы находим и у А.В. Петровского, который пишет, что возглавляемая Корниловым борьба «была с успехом завершена психологами-марксистами в период первого Всероссийского съезда по психоневрологии и последовавшей реорганизации Московского психологического института. Начиная с 1923 г. советская психология, освободившись от влияния челпановского эмпиризма и усваивая диалектико-материалистическую методологию, сознательно ставит перед собой задачу построения марксистской психологии» [83, с. 93].

Кроме того, в первом и втором изданиях «Истории психологии» М.Г. Ярошевского А.В. Петровский, будучи автором главы «Развитие советской психологии», писал, что борьба «была с успехом завершена в период I и II съездов по психоневрологии» [142, с. 528], [145, с. 416-417]. Эта неопределенность в вопросе о том, что считать победоносным завершением борьбы, хорошо видна и у В.А. Артемова, который первый этап развития советской психологии, в ходе которого была одержана победа, определял в границах «от Октября до конца 1923 – начала 1924 г.» [3, с. 25], очевидно, имея в виду и увольнение Г.И. Челпанова, и второй психоневрологический съезд.

Данная картина была бы неполной, если бы мы не сказали, что во многих работах говорится об «общественной поддержке» («общественном резонансе» и т.п.) как о важном факторе, позволившем К.Н. Корнилову одержать победу [68, с. 96], [95, с. 12], [97, с. 14], [146, с. 488]. Так, А.А. Смирнов писал, что Г.И. Челпанов, не получив в ходе дискуссии этой поддержки, был вынужден «сложить оружие, прекратить борьбу» [99, с. 140]. В докладе на XVIII Московском международном психологическом конгрессе А.А. Смирнов излагал эту мысль в несколько иной интерпретации: «Особенно широко развернулась дискуссия на двух первых после революции психоневрологических съездах (1923 и 1924 гг.). Участники их, особенно молодые, горячо поддерживали выступавшего с основными докладами Корнилова» [98, с. 101]. Но «широта» дискуссии и даже «горячая поддержка» – еще не показатели того, что на стороне К.Н. Корнилова была правота и тем более победа. Поэтому А.А. Смирнов далее уточняет, что «позиция Челпанова у подавляющего большинства [участников съезда. – *С.Б.*] поддержки не встретила, и он вскоре вынужден был «сложить оружие». Советская психология начала

успешный путь своего развития» [98, с. 101]. По-видимому, А.А. Смирнов, выступая перед иностранными коллегами, стремился максимально деидеологизировать описываемые события, сводя увольнение Челпанова и его поражение к сугубо научным механизмам, функционировавшим без какого-либо вмешательства со стороны партии и государства.

Мы не будем здесь специально останавливаться на доказательстве того, что «общественная поддержка» – это эвфемизм, за которым реально стоит политика партийно-государственного аппарата власти в области науки. Отметим лишь, что и в настоящее время при изучении внешних – социальных, идеологических – факторов победы Корнилова мы должны исходить из того, что «все существенные факты истории психологической науки в СССР следует рассматривать в свете борьбы Коммунистической партии за диалектико–материалистические основы советской психологии» [82, с. 59].

При реконструкции картины и оценке высказываний исследователей мы должны также все время не забывать о реальной хронологической последовательности событий: Челпанов был уволен в ноябре 1923 г., второй психоневрологический съезд состоялся в январе 1924 г., «полемика в печати» между Корниловым и Челпановым, о которой упоминают многие авторы, проходила также после смены руководства (первая полемическая работа Челпанова «Психология и марксизм» вышла в мае или июне 1924 г.).

Из других работ, касающихся подробностей борьбы, выделим статью Л.А. Радзиховского [89], в которой, несмотря на отчетливое стремление автора к строгому эмпирическому обоснованию своих оценок и выводов (точнее, благодаря такому стремлению), мы нигде не найдем слов о каком-либо теоретическом превосходстве Корнилова и его победе над Челпановым. Более того, Радзиховский указывает на принципиальное сходство психологических взглядов Корнилова и Челпанова [89, с. 58]. О самом факте смены руководства Психологического института Радзиховский пишет, что высказанные К.Н. Корниловым на первом съезде «положения были прямо направлены против взглядов Г.И. Челпанова, многократно излагавшихся им устно и в печати. Позиция К.Н. Корнилова была поддержана руководством Московского университета. В ноябре 1923 г. К.Н. Корнилов был назначен директором Института психологии. Г.И. Челпанов вышел на пенсию» [89, с. 51]. О том, как сам Челпанов описывал свою отставку, можно узнать из его писем к А.М. Щербине [43]. Заметим, что А.Н. Леонтьев, указывая, что выдвинутое К.Н.

Корниловым требование радикальной перестройки психологической науки на основе марксизма было «широко поддержано» на первом и втором психоневрологических съездах, затем добавил, что «совсем иное отношение встретила идея марксистской перестройки в Институте психологии и в тех университетских кругах, которые были с ним связаны» [68, с. 96]. Но как бы то ни было, и в статье Л.А. Радзиховского мысль о жесткой закономерной связи увольнения Г.И. Челпанова с предшествовавшей теоретической борьбой прослеживается достаточно четко.

В нашем обзоре мы затрагивали работы, в основном относящиеся к «доперестроечному» периоду нашей истории. Но и в работах второй половины 80-х годов, и в работах последних лет тезис о непосредственной связи теоретической борьбы и увольнения Г.И. Челпанова не подвергается сомнению и не исследуется. Только изменились на противоположные оценки факта смены руководства и добавились некоторые подробности [35], [36], [76], [77], [110] и др. Думается, приведенного материала и выводов из него вполне достаточно для того, чтобы сделать следующий шаг в нашем исследовании.

Не претендуя на исчерпывающий охват первоисточников и полноту воссоздания картины марксистской борьбы на первом психоневрологическом съезде, мы обратимся теперь к работам, которые часто упоминаются, а иногда даже цитируются в нашей историографии: это материалы о первом съезде, содержащиеся в газетах «Правда» [81] и «Известия» [26], в брошюре П.О. Эфрусси [141] и в заметке А.Б. Залкинда [39]. По– видимому, из-за отсутствия средств материалы обоих психоневрологических съездов, в отличие от обычной практики, не были опубликованы в виде сборников тезисов или докладов.

В «Правде» за 12 января упоминается о сделанных на съезде докладах Г.И. Челпанова и К.Н. Корнилова, а также сообщается, что 14 января, в воскресенье, «предстоит отдельное заседание группы членов съезда – марксистов, где будет сделано несколько докладов, в том числе проф. Бехтеревым «Об объективной и субъективной психологии» [81]. В следующем номере газеты было напечатано объявление об этом заседании: «Марксистская группа съезда для более углубленной проработки основных вопросов психологии в свете объективно-научного миросозерцания устраивает 14 января в 11 часов утра … открытое дискуссионное заседание, на которое приглашаются как члены съезда, так и все интересующиеся этим вопросом». Помимо «дискуссии по основным положениям докладов Челпанова, Корнилова и Блонского», с докладами должны были выступить

В.М. Бехтерев, М.О. Гуревич, А.Б. Залкинд и П.П. Тутышкин [81]. В «Правде» за 16 января сообщается, что на пленарном заседании 14 января «при переполненной аудитории» наряду с другими докладами был заслушан доклад «проф.

Корнилова «Психология и марксизм»[10], в котором докладчик сделал попытку осветить вопросы психологии с марксистской точки зрения».

В следующем номере «Правды» говорится о последнем пленарном заседании (15 января) и принятых съездом резолюциях – общей и отдельных секций.

Нигде в этих итоговых документах нет ни слова о марксистских проблемах и каких-либо победах психологов-марксистов. В общей резолюции, например, говорится о необходимости «периодических созывов съездов и конференций деятелей по психологии, неврологии, психиатрии, педологии для совместной научной работы»; кроме того, «имея в виду большое значение правильного освещения вопросов психологии, рефлексологии, педологии и психопатологии при разрешении социальных проблем, стоящих перед страной, съезд указывает на необходимость обратить внимание на пересмотр преподавания этих предметов и расширение его там, где оно недостаточно» [81].

Это были те реальные, жизненно важные проблемы, которые в первую очередь волновали с превеликим трудом возрождающееся научное сообщество. В частности, председатель организационного комитета съезда директор Московского государственного психоневрологического института проф. А.П. Нечаев в приветственной речи на съезде отмечал, что «съезд организовался без всякой денежной субсидии – только на взносы членов съезда» [26].

Более подробный отчет о съезде содержится в январских номерах газеты «Известия» [26]. Но и здесь мы почерпнем немного сведений о марксистской борьбе. Только в газете за 16 января, т.е. уже после окончания съезда, сообщается: «После нескольких дней работы в секциях в воскресенье 14 января состоялось пленарное заседание съезда, которому предшествовало заседание марксистской группы съезда. Одним из наиболее острых вопросов, стоящих перед съездом, является вопрос о психологии, которая до последнего времени находится в значительной степени в плену у метафизики, являясь, по выражению проф. Корнилова, «служанкой умозрения», подобно тому, как философия была служанкой богословия.

Этому вопросу на заседании марксистской группы был посвящен доклад академика В.М. Бехтерева «Субъективное или

объективное изучение личности», а в заседании съезда – вызвавший горячие прения[11] доклад К.Н. Корнилова «Психология и марксизм». Оба эти доклада, по просьбе нашего сотрудника, изложены их авторами в авторефератах для «Известий ВЦИК», которые мы здесь приводим», и далее следуют тезисно изложенные доклады В.М. Бехтерева и К.Н. Корнилова [26].

Это означает, что материалы «Правды» (центрального партийного органа печати!) и «Известий» не дают нам никаких оснований для утверждений о том, что тема марксизма была основной на съезде, что К.Н. Корнилов был на съезде чуть ли не главным действующим лицом и т.д. Намного больше внимания «Известия» уделили, например, гостю съезда немецкому профессору О. Фохту, не говоря уже об академиках В.М. Бехтереве и П.П. Лазареве. Факт полемики, столкновения взглядов по проблеме «психология и марксизм» отмечается, но не более того. Воскресное заседание марксистской группы было, как мы можем заключить, внеплановым, так сказать, неофициальным; скорее всего именно из-за этого его результаты не нашли никакого отражения в итоговых документах съезда.

Но, может быть, слишком наивно отыскивать существенные исторические подробности в газетных сообщениях? Для получения более основательного ответа на интересующий нас вопрос о марксистской борьбе на первом съезде перелистаем страницы работы П.О. Эфрусси [141].

Характерно, что Н.А. Рыбников в статье, посвященной советской историографии психологии, не мог обойти вниманием эту брошюру П.О. Эфрусси (спустя 20 лет после ее публикации!), отмечая, что при характеристике борьбы против идеалистической психологии Челпанова «проф. Эфрусси, ученица Мюллера, определенно становится на сторону старой эмпирической психологии, подчеркивает отрицательные моменты тех взглядов, которые были высказаны сторонниками материалистического понимания психологии. Но позиция Корнилова и Блонского, несмотря на ряд ошибок, была прогрессивной, поскольку она позволяла вести борьбу с идеалистической психологией. Этой прогрессивной роли новых направлений в области психологии П.О. Эфрусси не поняла» [94, с. 41].О судьбе П.О. Эфрусси можно узнать, в частности, из работы А. Мальцевой [74, с. 219].

П.О. Эфрусси высоко оценивает прозвучавшие на съезде доклады и выступления Челпанова и сотрудников его института. Название брошюры – «Успехи психологии в России» – это оценка результатов деятельности прежде всего челпановской школы, за годы войн и революций, как подчеркивает автор, сумевшей не только выжить, но и прийти к съезду с новыми и интересными

результатами. Тем показательнее на этом фоне последующие суждения П.О. Эфрусси о развернувшейся на съезде борьбе: «При таком несомненном росте психологии в России в обоих направлениях – теоретическом и прикладном – можно, казалось бы, со спокойной уверенностью ждать дальнейшего ее расцвета, т.е. усовершенствования методики, углубления проблем и расширения области практического использования ее результатов. Однако на съезде, главным образом в пленарных заседаниях, неожиданно с большой остротой выступала другая тенденция, направленная в сторону отрицания правомерности психологии в том виде, как она развивалась до сих пор. Наиболее острым вопросом, от разрешения которого зависит судьба психологии в России, оказался, как это ни странно, вопрос о методах психологии. Выяснению спорных вопросов служили следующие четыре доклада: Г.И. Челпанова «О предпосылках современной эмпирической психологии», В.М. Бехтерева «Субъективное или объективное изучение личности», К.Н. Корнилова «Психология и марксизм» и П.П. Блонского «Психология как наука о поведении» [141, с. 19-20].

О последнем докладе Эфрусси писала, что хотя он и не был, «по болезни докладчика, прочитан им на съезде, но содержание его стало известно членам съезда и цитировалось на нем по двум недавно опубликованным Блонским трудам: «Очерк научной психологии» и «Реформа науки», где тема доклада развита весьма подробно» [141, с. 20]. Трудно сказать, в какой мере статья П.П. Блонского, опубликованная позже [16], соответствует тексту доклада, с которым он хотел выступить на съезде.

П.О. Эфрусси весьма критически отзывается об аргументах и идеях К.Н. Корнилова, его упреках в адрес эмпирической психологии Г.И. Челпанова. Так, в связи с обсуждением психофизической проблемы П.О. Эфрусси пишет: «Стремление спешно объединить и связать в одно целое глубочайшую проблему взаимоотношения психического и физического мира с частными вопросами психологической терминологии и методики лишило авторов необходимой для научной работы объективности и привело к ряду крайне досадных ошибок и противоречий» [141, с. 22]. Не менее резко П.О. Эфрусси высказывается относительно того, как психологи-марксисты разрешали еще одну важную проблему: «Отстаивать объективный метод в психологии – значит ломиться в открытые двери, отказываться от неизбежного субъективного метода – значит отказываться от психологии» [141, с. 23].

Автор без каких-либо комментариев и оценок (которые, как мы понимаем, были излишни не только в силу их очевидности, но

и по цензурным соображениям) констатирует, что П.П. Блонский и К.Н. Корнилов «кладут в основу психологии одно и то же философское мировоззрение и, что всего важнее, оба считают свою точку зрения не только научной, но и «единственно научной» и обязательной для каждого психолога» [141, с. 33].

Как и Г.И. Челпанов, П.О. Эфрусси объединяла Блонского, Корнилова и Бехтерева в одну группу из-за их редукционистского, как мы сказали бы сейчас, подхода к психике и психологии. Если при таком подходе можно говорить о психологии, то только как о какой– то странной, «сумеречной» психологии: «Как при ослабленном свете стираются различия в окраске предметов или как при рассматривании любого окрашенного предмета сквозь небольшое отверстие экрана получается полная редукция цветовых восприятий к одному виду так называемых плоскостных цветов, так можно создать и особую сумеречную психологию, в которой все многообразие душевных переживаний будет сведено к единому типу рефлекса. Такая полная редукция душевных явлений была бы, быть может, в известном смысле целесообразна, если бы понятие рефлекса представлялось определенным и ясным» [141, с. 34-35].

В заключительной части своей работы П.О. Эфрусси, в общем соглашаясь с мыслью о необходимости дальнейшего развития психологии, подчеркивает, что «при перестройке всего здания психологии нельзя разрушать ее фундамента. Необходимо считаться и с законами развития науки, и с психологией научного творчества. Реформа психологии, начинающая с разрушения всего ее костяка, с отрицания сразу и предмета ее, и рабочих гипотез, и испытанных методов, попытка строить новую психологию на пустопорожнем месте объективной психологии человека была бы равносильна ее самоупразднению» [141, с. 37]. Вряд ли мы ошибемся, предположив, что П.О. Эфрусси здесь лишь из-за цензурных ограничений не упоминает о марксизме как о главном претенденте на роль фундамента «новой психологии».

Для получения еще более полного и «объемного» изображения интересующих нас событий есть смысл обратиться к работе А.Б. Залкинда, написанной с других идейных позиций [39]. О судьбе А.Б. Залкинда можно узнать из недавно появившихся публикаций [40], [139], [140], а также из его посмертной статьи по поводу своих «педологических извращений» и некролога, опубликованных в [38]. Точка зрения Залкинда для нас значима тем, что в ней выражается мнение непосредственного свидетеля и активного участника описываемых событий. Симпатии Залкинда были, безусловно, на стороне Корнилова и других реформаторов науки, ведь Залкинд сам принадлежал к их

числу. И он сделал все возможное при изложении перипетий борьбы, чтобы придать научную и философскую значимость атаке психологов-марксистов на позиции Челпанова.

В начале заметки о работе первого психоневрологического съезда А.Б. Залкинд едко комментирует доклад Челпанова и в то же время высоко оценивает доклад Бехтерева. Затем автор переходит к изложению и оценке прозвучавших на съезде марксистских идей в области психологии. Процитируем это место полностью: «С боевым докладом «Марксизм и психология» [так в тексте. – *С.Б.*], явившемся, по мнению автора, попыткой марксистской атаки на метафизическую психологию, выступил на съезде К.Н. Корнилов. Заявив, что психология не может существовать без общеидеологических, т.е. философских предпосылок, Корнилов требует от всякого действительно ответственного ученого-психолога определенного философского кредо. Таким единственно научным общефилософским источником докладчик признает марксистскую концепцию диалектического материализма, материалистического монизма, охватывающую не только социологию, но и биологию и всю космологию. Всякий психолог, если он не кустарь, а ученый работник и если он не играет в стратегические прятки, должен твердо и отчетливо признать марксизм своим основным и общим вероисповеданием. Марксизм обязует: быть неумолимым панматериалистом, монистом и активистом (тут уже не «вещи в себе» и не до «делового параллелизма» Челпанова) в понимании мира и жизни. В частности, для психолога обязательно признание приоритета социального, т.е. классового сознания личности над индивидуальным его сознанием (так что аполитичной и психология не может оставаться, как бы этого не хотели «нейтралисты»-соглашатели). Выступавшие по докладу Корнилова не внесли ничего интересного. Челпанов молчал» [39, с. 72].

Это достаточно вольное изложение А.Б. Залкиндом основных идей Корнилова хорошо передает не столько содержание, сколько уровень и общую атмосферу борьбы на съезде. Отсюда нетрудно понять причины молчания Челпанова. Но для нас, пожалуй, наибольший интерес представляет заключительная часть заметки Залкинда, где автор, подводя итоги марксистской дискуссии на съезде, пишет: «Доклад Корнилова на съезде и все прочие выступления по вопросу об идеологической ревизии психологии приходится рассматривать как первичный, зародышевый этап марксистского штурма на последнюю твердыню мистицизма и метафизики. Конечно, нет оснований думать, что бой кончится скоро. Должного вооружения еще и у марксистов в этом вопросе

нет. Занятый в боевой свой период социально-экономическими и политическими проблемами, лишь во второй стадии подойдя к общефилософским вопросам, марксизм только сейчас и только, конечно, в пролетарской России, преломляющей его в сегодняшнюю практику, может удосужиться заняться такой частной отраслью, как психология. Материала пока мало, единомыслия среди марксистов пока еще нет. Марксистская психология (если можно так выразиться) лишь начинает робко формироваться – важно, чтобы наши большие общемарксистские теоретики помогли этому сложному процессу» [39, с. 73].

Заканчивает заметку А.Б. Залкинд на оптимистической ноте, утверждая, что штурм и натиск марксизма «на последний оплот «научной» мистики медленно, быть может, не вполне организованно, но неуклонно и безостановочно развертывается» [39, с. 73].

Что можно сказать о нарисованной А.Б. Залкиндом картине марксистской борьбы на съезде? Как видим, во многом она противоречит оценкам, содержащимся в традиционной советской психологической историографии. Фактически (т.е. с точки зрения приведенных фактов) заметка Залкинда, как это ни парадоксально, содержит в себе намного более резкую критику марксистских идей Корнилова, чем работа П.О. Эфрусси.

В самом деле, хотя у Залкинда говорится о борьбе, о столкновении взглядов Челпанова и Корнилова, ни о какой победе одного и поражении другого нет ни слова.

Напротив, Залкинд указывает на слабость и неразработанность вопроса о марксистской психологии, объясняя это не только недоработками самих психологов: оказывается, «общемарксистские» (очевидно, имеются в виду партийные, большевистские) теоретики еще не начали (!) помогать процессу робкого (!) формирования марксистской, «если можно так выразиться» (!), психологии. Показательна и оценка Залкиндом перспектив этой борьбы: «нет оснований думать, что бой кончится скоро».

Сравнительный анализ результатов, полученных нами при изучении историографии вопроса и материалов, посвященных первому съезду, дает обильную пищу для размышлений. В целом можно сделать вывод, что та картина победоносной борьбы психологов– марксистов, которая имеется в нашей историографии, мало в чем совпадает с информацией о первом съезде, содержащейся в работах П.О. Эфрусси и А.Б. Залкинда и в газетах «Правда» и «Известия». Получается, что у историков не было фактических оснований говорить о победе К.Н. Корнилова и поражении Г.И. Челпанова, но тем не менее они говорили это.

Почему?

В отечественной историографии можно обнаружить по крайней мере два критерия, свидетельствующие об успехе Корнилова. Однако при ближайшем рассмотрении и сопоставлении с историческими фактами оба они оказываются и логически, и эмпирически несостоятельными.

Первый критерий представляет собой первый логический круг: вначале постулируется, что взгляды Корнилова в споре с Челпановым были марксистскими (по крайней мере, в принципе, как программа, идея, лозунг), т.е. правильными, новыми, прогрессивными, научными и т.д., а взгляды Челпанова, наоборот, идеалистическими и потому антимарксистскими, устаревшими и реакционными; после этого утверждается, а затем иллюстрируется соответствующим образом подобранными фактами и цитатами, что именно поэтому Корнилов одержал победу. Исследование, таким образом, заканчивается, не успев начаться, потому, что все ясно с самого начала: Челпанов не мог не потерпеть поражение.

Второй критерий, позволяющий говорить о победе Корнилова, это … увольнение Челпанова и назначение на его место Корнилова! Так мы сталкиваемся со вторым логическим кругом: Корнилов сменил Челпанова, так как одержал победу в теоретическом споре, а победил он потому, что спор завершился его назначением на пост директора!

Таким образом, в работах советских авторов факт смены руководства не реконструируется и не исследуется в своей исторической конкретности и детальности.

Взятый в самом общем виде, он используется лишь для наглядного подтверждения априорно («сверху») заданной схемы, исходно содержащей в себе все необходимые выводы и оценки. Можно только посочувствовать нашим историкам психологии, вынужденным до недавнего времени укладывать упрямые факты (порой вопреки их смыслу и значению) в прокрустово ложе принципиальной схемы борьбы между материализмом и идеализмом с неизбежной победой первого над вторым.

И дело не только в том, что эта схема является по своему происхождению марксистской, философской, идеологизированной, внешней, насильно навязанной и т.д. Она уже давно вросла в ткань нашей психологии, стала ее органической частью. Дело даже не в том, что это – схема. Ведь в любом случае исследователь подходит к изучаемому явлению, вооруженный более или менее абстрактными аксиомами, гипотезами и принципами. Главное заключается, с нашей точки зрения, в том, что эта схема боится фактов, не выдерживает

проверки фактами и начинает распадаться прямо на глазах под воздействием фактов. С формулировкой и обоснованием задачи по преодолению традиционных для отечественной историографии принципов оценки можно ознакомиться в работе А.А. Никольской [76].

Итак, почему же был уволен Г.И. Челпанов? Предпринятое нами изучение этого вопроса показывает, что если между теоретической борьбой и «оргвыводами» из нее существует какая-либо связь, то это связь вовсе не прямая, а обратная: Челпанов был уволен потому, что он не проиграл спор с Корниловым.

Дело здесь заключается еще и в том, чтобы знать, что тогда понималось под марксизмом и что значило в то время быть и называться марксистом. Для того чтобы понять, почему Корнилова можно было считать стопроцентным марксистом, а Челпанова – идеалистом, метафизиком и антимарксистом, нам требуется выйти за пределы философии, психологии и науки вообще. Следует исходить из того, что внедрение марксизма в психологию являлось лишь частью глобального процесса формирования новой государственной идеологии и проникновения ее под флагом марксизма во все сферы общества, в том числе и в науку. Руководила этим процессом партия большевиков, исходя из задач, поставленных в своих программных документах.

В частности, в программе ВКП(б), принятой в 1919 году, среди необходимых мероприятий в области народного просвещения намечались следующие: «Подготовление новых кадров работников просвещения, проникнутых идеями коммунизма … Привлечение к преподавательской деятельности в высшей школе всех, могущих там учить; устранение всех и всяческих преград между свежими научными силами и кафедрой» [65, с. 82]. Более конкретно и откровенно задачи партии в области высшей школы раскрываются в книге Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского «Азбука коммунизма …», написанной в том же 1919 году: «В настоящий момент можно уже с полной определенностью утверждать, что наши университеты с их теперешней профессурой представляют из себя отжившие институты. Они продолжают доучивать молодежь, проходившую буржуазные средние школы в старом духе. Пока эти университеты можно реформировать, обновив профессорский состав людьми, которые, быть может, не удовлетворяют цензу «докторов буржуазного общества», но с успехом могут провести полную революцию в преподавании общественных наук и лишить буржуазную науку своего последнего убежища» [24, с. 177-178].

Это означает, что независимо от фактического исхода

дискуссии и даже независимо от самого факта дискуссии Корнилов, «проникнутый идеями коммунизма» (и в этом смысле – подлинный марксист), априорно, «по определению» оказывался (точнее, объявлялся) победителем в споре с Челпановым – представителем «буржуазной науки» – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вопрос об увольнении Челпанова настоятельно требует своего дальнейшего всестороннего изучения. Тщательный текстологический анализ уже известных работ и привлечение новых архивных данных позволит глубоко разобраться в том, почему и как был уволен Челпанов, какую роль в этом сыграл Корнилов, каковы были личные и деловые взаимоотношения Корнилова и Челпанова, в чем состояла связь внутреннего (теоретического, предметно-логического) и внешнего (социального) аспектов дискуссии, какова была реакция научного сообщества и партийно– государственного, идеологического аппарата на борьбу между Корниловым и Челпановым и т.д. Или, может быть, Корнилову удалось сокрушить своего противника в ходе «полемики в печати»? Об этом пойдет речь в следующих главах нашей работы.

В целом, как мы убедились, проблема заключается не только в наличии нужных фактов, не только в доступности необходимых первоисточников. Надеемся, нам удалось наглядно продемонстрировать на конкретном примере, насколько важно для исследователя истории науки подходить к фактам, руководствуясь чисто научными (не боящимися проверки) принципами, методами, гипотезами и теориями и не чувствуя при этом как над собой, так и в себе давления со стороны какой бы то ни было непоколебимой в своих претензиях на абсолютную истинность догмы.

Литература к главе 3

1. *Адоратский В.В.* Программа по основным вопросам марксизма: Пособие для студентов и для кружков повышенного типа.. 2-е изд, доп. М., 1922. 152 с.

2. *Ананьев Б.Г.* Тридцать лет советской психологии // Советская педагогика. 1947. № 11. С. 41-55.

3. *Артемов В.А.* Психология в СССР за 25 лет // Советская педагогика. 1942. № 10. С. 24-30.

4. *Арямов И.* Второй всесоюзный съезд по психоневрологии в Ленинграде // На путях к новой школе. 1924. № 2. С. 99-102.

5. *Басов М.* К итогам Всероссийского Съезда по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии 3-10 января 1924 г. в Ленинграде // Просвещенец. Л, 1924. № 2. С. 43-50.

6. *Басов М.Я.* Избранные психологические произведения. М., 1975. 432 с.

7. *Бехтерев В.М.* Психика и жизнь. СПб., 1902. 138 с.

8. *Бехтерев В.М.* Общие основания рефлексологии. Пг., 1918. 163 с.

9. *Бехтерев В.М.* Субъективное или объективное изучение личности?: Автореф. доклада // Известия ВЦИК Советов. 1923. 16 января. № 10 (1747). С. 4.

10. *Бехтерев В.М.* Психология, рефлексология и марксизм. Л., 1925. 80 с.

11. *Бехтерев В.М., Дубровский А.В.* Диалектический материализм и рефлексология // Под знаменем марксизма. 1926. № 7-8. С. 69-94.

12. *Бехтерев В.М.* Объективная психология. М., 1991. 480 с.

13. *Блонский П.П.* Рецензия на кн.: Деборин А.М. Введение в философию диалектического материализма. Пг., 1916 // Мысль и слово. Философский ежегодник, издаваемый под редакцией Г.Г. Шпета. М., 1917. С. 413-415.

14. *Блонский П.П.* Очерк научной психологии. М., 1921. 94 с.

15. *Блонский П.П.* Предисловие редактора // Джем– сон Л. Очерк психологии / Пер. с англ. Л. Дунаевского / Под ред. и с предисл. проф. П.П. Блонского. М., 1924. С. VII-XII.

16. *Блонский П.П.* Психология как наука о поведении // Психология и марксизм: Сб. статей / Под ред. К.Н. Корнилова. Л., 1925. С. 225-229.

17. *Блонский П.П.* Психология как наука о поведении // Избранные психологические произведения. М., 1964. С. 133-139.

18. *Богданчиков С.А.* История проблемы «психология и марксизм» (Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И.

Челпановым в отечественной психологии 20-х годов): Дис. … канд. психол. наук. М., 1993.

19. *Богданчиков С.А.* Почему был уволен Г.И. Челпанов? (Историография одного факта) // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 85-96.

20. *Болтунов А.П.* Всероссийский съезд по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии (2-й съезд по психоневрологии) в Петрограде с 3-го по 10-е января 1924 г. // Педагогическая мысль. 1924. № 1. С. 100-101.

21. *Будилова Е.А.* Философские проблемы в советской психологии. М., 1972. 336 с.

22. *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. С приложением статьи «К постановке проблем теории исторического материализма». М.Пг., б/г.

23. *Бухарин Н.И.* Енчмениада (К вопросу об идеологическом вырождении) // Академик Н.И. Бухарин. Методология и планирование науки и техники. Избранные труды. М., 1989. С. 191-224.

24. *Бухарин Н.И., Преображенский Е.А.* Азбука коммунизма: популярное объяснение программы российской Коммунистической партии. Харьков, 1925. 320 с.

25. *Быховский Б.* Материализм и диалектика в творчестве В.И. Ленина // Под знаменем марксизма. 1924. № 2. С. 240-255.

26. Всероссийский научный съезд по психоневрологии // Известия ВЦИК Советов. 1923. 11 января. С. 4; 12 января. С. 4; 13 января. С. 4; 16 января. С. 4; 17 января. С. 4.

27. *Выготский Л.С.* Психологическая наука // Общественные науки СССР. 1917-1927: Сб. статей / Под ред. В.П. Волгина, Г.О. Гордона, И.К. Луппола. М., 1928. С. 25-46.

28. *Выготский Л.С.* Генетические корни мышления и речи // Естествознание и марксизм. 1929. № 1. С. 106-134.

29. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 291-436.

30. *Гульбе Д.* Дарвинизм и теория мутаций с точки зрения диалектического материализма // Под знаменем марксизма. 1924. № 8-9. С. 157-166.

31. *Даян Г.* Второй психоневрологический съезд (некоторые итоги) // Красная новь. 1924. № 2 (19). С. 155-166; № 3. (20). С. 223-238.

32. *Деборин А.М.* Введение в философию диалектического материализма (с предисловием Г.В. Плеханова). М., 1922. 376 с.

33. *Дубровский А.В.* Материя и дух (Впечатления о

Всесоюзном съезде по рефлексологии, психологии, педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии) // Просвещенец. Л., 1924. № 3-4. С. 23-27.

34. *Егоршин В.* К вопросу о политике марксизма в области естествознания // Под знаменем марксизма. 1926. № 7-8. С. 123-134.

35. *Ждан А.Н.* Преподавание психологии в Московском университете (к 80-летию Психологического института и 50-летию кафедры психологии в Московском университете) // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 80-93.

36. *Ждан А.Н.* Георгий Иванович Челпанов // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1994. № 2. С. 67-73.

37. *Ждан А.Н.* История психологии: от античности к современности: Учебник для студентов психологических факультетов университетов. 2-е изд., перераб. М., 1997. 442 с.

38. За коммунистическое просвещение. 1936. 18 июля.

39. *Залкинд А.Б.* «Марксизм и психология» на I Всероссийском психоневрологическом съезде // Залкинд А.Б. Очерки культуры революционного времени. М., 1924. С. 70-73.

40. Залкинд Арон Борисович // Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 320-321.

41. *Залманзон А.* В защиту объективного направления в психологии // Вестник Коммунистической Академии. 1926. № 18. С. 189-202.

42. *Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. М., 1994. 304 с.

43. Из переписки Г.И. Челпанова и А.М. Щербины [публикация Р.Л. Золотницкой] // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 5. С. 86-92.

44. *Изгоев А.С.* Социализм, культура и большевизм // Из глубины: Сб. статей о русской революции. М., 1991. С. 167-195.

45. *Корнилов К.Н.* Новый метод экспериментального исследования воли // Труды Второго Съезда по экспериментальной педагогике. Пг., 1914.

46. *Корнилов К.Н.* Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). М., б/г (1921). 228 с.

47. *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм: Автореф. доклада // Известия. 1923. 16 января. № 10 (1747). С. 4.

48. *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм // Под знаменем марксизма. 1923. № 1. С. 41-50.

49. *Корнилов К.Н.* Диалектический метод в психологии // Под знаменем марксизма. 1924. № 1. С. 107-113.

50. *Корнилов К.Н.* Психология и рефлексология // Под

знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С. 86-98.

51. *Корнилов К.Н.* Психология и «теория новой биологии» // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С. 98-114.

52. *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм: Сб. ст. Л., 1924. 76 с.

53. *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм // Психология и марксизм: Сб. статей / Под ред. К.Н. Корнилова. Л., 1925. С. 9-24.

54. *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм проф. Челпанова // Психология и марксизм: Сб. ст. / Под ред. К.Н. Корнилова. Л., 1925. С. 231-242.

55. *Корнилов К.Н.* Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека // Корнилов К.Н. Современная психология и марксизм. 2-е изд., доп. Л., 1925. С. 91-106.

56. *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм: Сб. статей. 2-е изд., доп. Л., 1925. 107 с.

57. *Корнилов К.Н.* Основные течения в современной психологии // Корнилов К.Н. Современная психология и марксизм. 2-е изд., доп. Л., 1925. С. 61-75.

58. *Корнилов К.Н.* Путь современной психологии // Корнилов К.Н. Современная психология и марксизм: Сб. статей. 2-е изд., доп. Л., 1925. С. 76-90.

59. *Корнилов К.Н.* Механистический материализм в современной психологии (Ответ В. Струминскому) // Под знаменем марксизма. 1926. № 4-5. С. 185-212.

60. *Корнилов К.Н.* Наивно-материалистические тенденции в современной психологии: Тезисы доклада // Фонд Г.И. Челпанова в отделе рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 326. П. 41. Ед. хр. 29. б/д.

61. *Корнилов К.Н.* Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма. Л., 1926. 164 с.

62. *Корнилов К.Н.* Современное состояние психологии в СССР // Под знаменем марксизма. 1927. № 10-11. С. 195-217.

63. *Корнилов К.Н.* Воззрения современных механистов на закон сохранения энергии и психику // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 1. С. 3-15.

64. *Корнилов К.Н.* Психология: Учебник для высших пед. учеб. заведений. М., 1934.

65. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). 9-е изд. Т. 2. 1917-1922. М., 1983. 606 с.

66. *Ланге Н.Н.* Психология. Основные проблемы и принципы // Итоги науки в теории и практике / Под ред. проф. М.М. Ковалевского, проф. Н.Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В.М.

Шимкевича. М., 1914 (1922). Т. VIII. 312 с.

67. *Левитин К.Е.* Личностью не рождаются. М., 1990.

68. *Леонтьев А.Н.* Психология // Московский университет за пятьдесят лет Советской власти. М., 1967. С. 512-520.

69. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М., 1977. 304 с.

70. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 4-е изд. М., 1981. 584 с.

71. *Луппол И.К.* Рецензия // Под знаменем марксизма. 1924. № 8-9. С. 301-303.

72. *Луппол И.К.* Диалектика диалектики, или казус, приключившийся с философией марксизма в СССР в лето от Октябрьской революции восьмое // Воинствующий материалист. Кн. 4. М., 1925. С. 39-47.

73. *Лурия А.Р., Леонтьев А.Н.* Психология // БСЭ. М., 1940. Т. 47. Ст. 511-548.

74. *Мальцева А.* К биографическому изучению и к характеристике работ ленинградских психологов, погибших в 1941-1943 гг. // Проблемы психологии / Под ред. Б.Г. Ананьева. Л., 1948. С. 217-220.

75. *Никольская А.А.* Институт психологии в Московском университете // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1982. № 3. С. 66-76.

76. *Никольская А.А.* Задачи разработки истории психологии в России // Вопросы психологии. 1989. № 6. С. 14-22.

77. *Никольская А.А.* Основные этапы развития научной деятельности Психологического института // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 5-21.

78. *Окунь М.* О духе марксизма и о букве его // Вестник Коммунистической Академии. 1928. № 26 (2). С. 113-124.

79. *Окунь М.* Механистические комментарии к диалектической критике // Под знаменем марксизма. 1928. № 7-8. С. 48-63.

80. *Орлова Л.М.* Борьба К.Н. Корнилова за марксизм в психологии (к 100-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 1979. № 1. С. 62-73.

81. Первый Всероссийский съезд по психоневрологии // Правда. 1923. 11 января. С. 4; 12 января. С. 3; 14 января. С. 3; 16 января. С. 3; 18 января. С. 4.

82. *Петровский А.В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М., 1967. 367 с.

83. *Петровский А.В.* Вопросы истории и теории психологии. Избранные труды. М., 1984. 272 с.

84. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История психологии:

Учебное пособие для высшей школы. М., 1994. 448 с.

85. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии: В 2 т. Ростов-на-Дону, 1996.

86. *Португалов Ю.В.* Как исследовать детскую психику? (Обзор рефлексологических течений в отношении их к психологии вообще и к детской психологии в частности) // Детская психология и антропология: Сборник статей / Под ред. Ю.В. Португалова. Вып. 1. Самара, 1925. С. 1-126.

87. Проблемы современной психологии: Сб. статей / Под ред. К.Н. Корнилова. Л., 1926. 252 с.

88. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997. 576 с.

89. *Радзиховский Л.А.* Г.И. Челпанов – организатор Психологического института // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 47-60.

90. *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. М., 1935. 496 с.

91. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1940. 496 с.

92. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. 2-е изд. М., 1946. 704 с.

93. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. М., 1989. Т. 1. 488 с.

94. *Рыбников Н.А.* Историография советской психологии (к 25-летию советской психологии) // Советская педагогика. 1943. № 1. С. 39-43.

95. *Смирнов А.А.* Советская психология за 40 лет // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 9-56.

96. *Смирнов А.А.* 50 лет Института психологии // Советская педагогика. 1963. № 6. С. 129-141.

97. *Смирнов А.А.* К 50-летию советской психологии // Вопросы психологии. 1967. № 5. С. 13-37.

98. *Смирнов А.А.* Пути развития советской психологии // XVIII Международный психологический конгресс. М., 1969. С. 95-124.

99. *Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975. 352 с.

100. *Смирнов А.А.* Избранные психологические труды: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 63-144.

101. *Соколова Е.Е.* Тринадцать диалогов о психологии: Хрестоматия с комментарием по курсу «Введение в психологию». М., 1995. 653 с.

102. *Степанов И., Тимирязев А. и др.* Механистическое естествознание и диалектический материализм: Дискуссия о книжке Степанова «Современное естествознание и исторический

материализм» в Совете НИТа 8 февраля 1925 г. Вологда, 1925. 83 с.

103. *Степанов И.* Диалектический материализм и деборинская школа. М.-Л., 1928.

104. *Струминский В.Я.* Психология. Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма. Вып. 1. Введение к изучению психологии. Оренбург, 1923. 412 с.

105. *Струминский В.Я.* Марксизм в современной психологии // Под знаменем марксизма. 1926. № 3. С. 207-233; № 4-5. С. 140-184.

106. *Теплов Б.М.* Советская психологическая наука за 30 лет. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 13 октября 1947 года в Доме Союзов в Москве. М., 1947. 32 с.

107. *Теплов Б.М.* Борьба К.Н. Корнилова в 1923-1925 гг. за перестройку психологии на основе марксизма // Вопросы психологии личности. М., 1960. С. 8-20.

108. *Тимирязев А.К.* Диалектический метод и современное естествознание // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С. 115-132.

109. *Тимирязев А.К.* Естествознание и диалектический материализм: Сб. статей. М., 1925. 331 с.

110. *Умрихин В.В.* «Идеогенез» и «социогенез» науки в творчестве Г.И. Челпанова // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 17-26.

111. *Франкфурт Ю.В.* Об одном извращении марксизма в области психологии // Красная Новь. 1925. № 4. С. 163-186.

112. *Франкфурт Ю.В.* В защиту революционно–марксистского взгляда на психику // Проблемы современной психологии. Л., 1926. С. 202-244.

113. *Франкфурт Ю.В.* Г.В. Плеханов о психофизиологической проблеме // Под знаменем марксизма. 1926. № 6.

114. *Франкфурт Ю.В.* Рефлексология и марксизм. 2. Физиологическое направление. Историко– критический анализ учений И.М. Сеченова и И.П. Павлова. М.-Л., 1926. 186 с.

115. *Франкфурт Ю.В.* Г.И. Челпанов в роли «марксиста»психолога // Правда. 1926. № 246. 24 октября. С. 5.

116. *Франкфурт Ю.В.* К борьбе за марксистскую психологию // Красная Новь. 1927. № 10. С. 169-196.

117. *Франкфурт Ю.В.* Механистический «дух» ревизует психологические взгляды основоположников марксизма // Вестник Коммунистической Академии. 1928. № 26 (2). С. 125-139.

118. *Франкфурт Ю.* Учение В.М. Бехтерева и марксизм // Под знаменем марксизма. 1928. № 6. С. 48-79.

119. *Цыпленкова Л.М.* Психологические воззрения и научная деятельность К.Н. Корнилова: Дис. … канд. психол. наук. М., 1970.

120. *Челпанов Г.И.* Дополнительный курс логики. М., 1909. 112 с.

121. *Челпанов Г.И.* Психология. Основной курс, чит. в Моск. ун-те в 1908-1909 г. / Под ред. Г.О. Гордона и Н.А. Рыбникова. Изд-во Общества взаимопомощи студентов-филологов под наблюдением А.Ф. Изюмова. М., 1909. Ч. 1. 279 с.; Ч. 2. 230 с.

122. *Челпанов Г.И.* Введение в философию. 7-е изд. М.-Пг.Харьков, 1918. 550 с.

123. *Челпанов Г.И.* Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. 6-е изд. М.-Пг.-Харьков, 1918. 319 с.

124. *Челпанов Г.И.* Учебник психологии. 16-е изд. М.-Пг.Харьков, 1918. 224 с.

125. *Челпанов Г.И.* Психология труда (краткое изложение доклада проф. Челпанова, читанного 19 декабря 1920 года) // Организация труда. 1921. № 1. С. 99-100.

126. *Челпанов Г.И.* Введение в экспериментальную психологию. 3-е изд. М., 1924. 294 с.

127. *Челпанов Г.И.* Биологическая точка зрения в психологии // Неврология, невропатология, психология, психиатрия: Сборник, посвященный 40– летию научной, врачебной и педагогической деятельности проф. Г.И. Россолимо. 1884-1924. М., 1925. С. 207-217.

128. *Челпанов Г.И.* Психология и марксизм. 2-е изд. М., 1925. 30 с.

129. *Челпанов Г.И.* Объективная психология в России и Америке (рефлексология и психология поведения). М., 1925. 79 с.

130. *Челпанов Г.И.* Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). М., 1926. 58 с.

131. *Челпанов Г.И.* Социальная психология или «условные рефлексы»? М.-Л., 1926. 38 с.

132. *Челпанов Г.И.* Очерки психологии. М.-Л., 1926. 256 с.

133. *Челпанов Г.И.* Спинозизм и материализм (итоги полемики о марксизме в психологии). М., 1927. 47 с.

134. *Челпанов Г.И.* Заключение директора Психологического института при Московском университете проф. Г.И. Челпанова о создании Института по изучению мозга и психической деятельности. 05. 06. 1918 г. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925): Сб. документов. Л., 1968. С. 251.

135. *Челпанов Г.И.* Заявление в Президиум Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных

наук // Фонд Г.И. Челпанова в отделе рукописей Российской Государственной Библиотеки. Ф. 326. П. 37. Ед. хр. 12.

136. *Шнирман А.Л.* Рефлексологическая секция Всероссийского съезда по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии (2-го Всероссийского съезда по психоневрологии 3-10 января 1924 г.) // Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы / Под общ. ред. акад. В.М. Бехтерева. М.-Л., 1925.

137. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1961. Т. 20.

138. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1961. Т. 20.

139. *Эткинд А.М.* Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы психологии. 1990. № 5. С. 13-22.

140. *Эткинд А.М.* Эрос Невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1993. 463 с.

141. *Эфрусси П.О.* Успехи психологии в России. Итоги съезда по психоневрологии в Москве 10-15 января 1923 г. Пг., 1925. 37 с.

142. *Ярошевский М.Г.* История психологии. М., 1966. 565 с.

143. *Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. М., 1971. 368 с.

144. *Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. 2-е изд. М., 1974. 447 с.

145. *Ярошевский М.Г.* История психологии. 2-е изд. М., 1976.

146. *Ярошевский М.Г.* История психологии. 3-е изд. М., 1985.

147. *Ярошевский М.Г.* Л.С. Выготский и марксизм в советской психологии // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 5. С. 84-99.

148. *Ярошевский М.Г.* Введение в историю психологии: Учебное пособие. М., 1994. 110 с.

149. *Ярошевский М.Г.* Краткий курс истории психологии: Учебное пособие. М., 1995. 144 с.

150. *Ярошевский М.Г.* История психологии. От античности до середины XX века: Учебное пособие для высших учебных заведений. М., 1996. 416 с.

151. *Kornilov K.N.* Psychology in the light of dialectic materialism // C. Murchison (ed.). Psychologies of 1930. Worcester, London, 1930. P.p. 243-278.

ГЛАВА 4. МАРКСИЗМ И ПСИХОФИЗИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В ДИСКУССИИ МЕЖДУ К. Н. КОРНИЛОВЫМ И Г. И. ЧЕЛПАНОВЫМ

Марксизм – оружие, огнестрельный метод.
Применяй умеючи метод этот!

В.В. Маяковский[12]

Четвертая и пятая главы непосредственно посвящены реконструкции и анализу дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым[13]. Изучение содержания дискуссии позволило нам выделить в ее предмете ряд составных элементов (частных вопросов). Вопросы о дуалистическом и монистическом понимании психики, о пространственности или непространственности психики и о гипотезах параллелизма и взаимодействия мы объединили в одну главу – четвертую, поскольку все они тесно связаны с рассмотрением психофизической проблемы. Вопросы о соотношении психологии и философии, о материализме и идеализме, о методах психологии и о значении марксизма для социальной психологии мы включили в пятую главу, посвященную, таким образом, философским и методологическим аспектам дискуссии.

Разумеется, такое членение предмета дискуссии достаточно условно (общий список вопросов может быть уточнен как по формулировкам, так и количественно, границы между отдельными вопросами дискуссии иногда оказываются расплывчатыми и т.п.), но все же, как нам представляется, оно в основном верно отражает содержание дискуссии и помогает понять ее структуру и динамику.

§ 1. Дуалистическое и монистическое понимание психики

В начале доклада «Современная психология и марксизм» К.Н. Корнилов, имея в виду прежде всего взгляды Г.И. Челпанова, критикует «так называемую эмпирическую психологию» за присущие ей «резкое, коренное разграничение психического от материального, духа от материи» и «дуализм психического и физического» [12, с. 42]. Становясь на точку зрения марксизма, К.Н. Корнилов ясно формулирует свой основной тезис: «Марксизм в корне порывает с этим дуализмом духа и материи, сводя духовное, психическое к материальному» [12, с. 42].

Точку зрения по этому вопросу Челпанова, основного оппонента Корнилова, мы находим уже в его первой полемической брошюре «Психология и марксизм» [42], направленной против рефлексологической экспансии под флагом марксизма. Объединяя в одну группу (по признаку отрицания значимости и самостоятельности психических процессов, следовательно, и психологии как науки) рефлексолога В.М. Бехтерева, сторонника науки о поведении П.П. Блонского и реактолога К.Н. Корнилова, Г.И. Челпанов в четвертом тезисе брошюры писал: «Попытки сводить душевные явления к материальным или заменять изучение душевных явлений материальными есть механический материализм. К механическому материализму, иначе называемому вульгарным, Маркс, Энгельс и марксисты всегда относились решительно отрицательно» [42, с. 15].

Как же Корнилов отвечал на эту критику? Об этом мы можем судить по двум статьям Корнилова, помещенным в сборнике «Психология и марксизм» [15], [16]. Из содержания этих статей следует, что к июню 1924 г. (эта дата стоит под предисловием Корнилова, редактора к сборнику) Корнилов все еще настаивал на том, что тезис о сведении психики к материи является марксистским. Как и в докладе в январе 1923 г., Корнилов по–прежнему утверждает, что сведение психики к материи – это и есть марксистское понимание психики, а вульгарный материализм заключается в сведении психики к движению материи [16, с. 239-240].

По существу четвертого тезиса Челпанова Корнилов упрекал своего противника в неверном толковании марксизма, спрашивая: и Энгельс, и Плеханов, и Ленин определяли психику как свойство высокоорганизованной материи, выходит их всех, по логике

Челпанова, следует в таком случае считать вульгарными, а не диалектическими материалистами!? [см. 16, с. 239]. Здесь, как и в докладе на первом съезде, Корнилов по– прежнему настаивает на том, что понимание психики как свойства материи и тезис о сведении психики к материи (т.е. утверждение о материальности психики) одно и то же. Но, помимо обращения за помощью к классикам, К.Н. Корнилов использовал при отстаивании истинности своих взглядов в споре с Челпановым также другой метод, апеллируя к этическим соображениям.

В статье «Психология и марксизм проф. Челпанова» [16] Корнилов бросает Челпанову серьезное обвинение: почему в брошюре «Психология и марксизм» Челпанов, критикуя Корнилова за вульгарный материализм, указывает в качестве объекта критики лишь «Учение о реакциях» и вовсе не упоминает статьи Корнилова [12], [13], [14], в которых, как подчеркивает Корнилов, им «дается критика наивного материализма, в котором обвиняет меня проф. Челпанов?» [16, с. 234]. В этом факте Корнилов видит только запрещенный прием полемики: Челпанов «потому намеренно и умолчал, что сослаться на эти статьи – значило бы в корне подрезать все свои обвинения. Как именуется такого рода прием проф. Челпанова, подчеркивать, я думаю, не надо» [16, с. 234].

В этих словах прежде всего стоит отметить то, что Корнилов вовсе не отрицает, что до доклада на первом съезде, в книге «Учение о реакциях» он стоял на позициях наивного (вульгарного) материализма, иначе в чем же тогда новизна предложенного им на съезде марксистского понимания психики!? Но действительно ли упрек Челпанова относится только к «Учению о реакциях», «не срабатывая» по отношению к докладу «Современная психология и марксизм»? И почему, в самом деле, Челпанов в работе 1924 г. ничего не пишет о статьях Корнилова, вышедших в 1923 г.?

Корнилов совершенно справедливо указывает, что в брошюре Челпанова не упоминаются две статьи Корнилова, опубликованные в журнале «Под знаменем марксизма» в 1923 г. [12], [13], [14], в то же время Челпанов в той же брошюре делает две ссылки на работы, опубликованные в этом же году и в этом же журнале: на странице 17 Челпанов приводит длинную цитату из работы Ф. Энгельса, помещенной в № 2-3 журнала, а на следующей странице упоминается статья Н.И. Бухарина «Енчмениада», опубликованная в книге 6 журнала «Красная Новь» за 1923 г.

Все это выглядит тем более странно и непонятно, что Челпанов при всем желании не мог бы замолчать две статьи

Корнилова, делая вид, что их не существует, т.к. к тому времени статья Корнилова «Современная психология и марксизм» была, во-первых, опубликована в журнале «Под знаменем марксизма» [12], во– вторых, в «Известиях» в январе 1923 г. был опубликован краткий автореферат этого доклада [11], наконец, доклад выходил в виде отдельной брошюры. Для сравнения напомним, что доклад Г.И. Челпанова на первом психоневрологическом съезде был опубликован только в 1926 г. [43].

С нашей точки зрения, все станет на свои места, если мы согласимся, что Челпанов в своей брошюре потому ограничивается упоминанием работы Корнилова 1921 г. (а также книги П.П. Блонского того же года), что эта брошюра была им написана еще до первого съезда по психоневрологии, т.е. до января 1923 г. Но почему же в таком случае эта работа была опубликована только в 1924 г.? И как в ней оказались ссылки на работы, опубликованные в 1923 г. и не оказалось даже краткого упоминания статей Корнилова 1923 г., самым непосредственным образом посвященных рассматриваемой Челпановым теме?

Ответ на первый вопрос является простым. Мы имеем в виду письмо Г.И. Челпанова своему бывшему ученику А.М. Щербине, написанное, что для нас существенно, 25 апреля 1924 г. В примечаниях к публикации сказано, что «письмо датировано, очевидно, ошибочно 1924 г. Судя по содержанию, оно относится к 1927 г.» [8, с. 92]. С нашей точки зрения, содержание письма позволяет однозначно утверждать, что дата проставлена Челпановым верно. В этом письме Челпанов пишет: «В октябре месяце [1923 г. – *С.Б.*] меня отчислили от Института и от Университета, дали мне пенсию в размере одной ставки. Теперь сижу дома и действую так, как полагается человеку «в отставке». Кое-что читаю, кое-что пишу. Печатать удается с большим трудом. Пока напечатал только «Экспериментальную психологию»[14]. Сейчас получил разрешение на напечатание брошюры «Психология и марксизм. В защиту психологии против рефлексологии». Если она будет принята благоприятно, то для меня откроется возможность печатания и других моих трудов» [8, с. 90].

Таким образом, Челпанов не мог напечатать готовую работу раньше, еще в 1923 г. потому, что ему ее просто не разрешали печатать – работал аппарат цензуры. В утвержденный Главлитом текст Челпанов мог включить лишь две упомянутые ссылки на работы Энгельса и Бухарина, ничего не меняющие в общей логике изложения вопроса. Естественно, что если бы Челпанов захотел включить в текст ссылки на новые статьи Корнилова, то это, во-первых, удлинило бы процедуру выхода в свет (ввиду

необходимости повторной цензуры), а, во-вторых, нарушило бы общую логику, предмет изложения. Ведь ясно, что одной ссылкой здесь не отделаешься, Корнилов действительно во многом изменил свои взгляды, заговорил по-другому …

Поэтому, разрешая дилемму – либо оставить все без принципиальных изменений (следуя правилу «лучше поздно, чем никогда»), либо ввести в текст анализ новых работ Корнилова, что удлинило бы срок выхода брошюры в свет, да и работа уже получилась бы в итоге другая, – Челпанов выбрал первое. Возможно, на этот выбор повлияло и соображение такого рода: а где гарантии, что пока будет готовиться и «пробиваться» ответ на новые статьи Корнилова, не появятся еще работы Корнилова с вновь измененными взглядами!?

Такую реконструкцию событий подсказала нам аналогичная история, происшедшая со второй брошюрой Челпанова [43]: пока Челпанов получил разрешение на публикацию, брошюра успела устареть из– за того, что Корнилов вновь изменил свои взгляды (в очередной раз отказавшись от своего наивного материализма и став на позиции материализма диалектического). Учитывая прошлый опыт, Челпанов в предисловии к работе [43, с. 3-4] специально обговорил изменившиеся обстоятельства. Если бы Челпанов этого не сделал, то Корнилов мог бы, как и в прошлый раз, отвечать, что он уже перешел на (более) правильные позиции, а Челпанов это «сознательно» умалчивает и т.д. Любопытно, что подобную тактику уже более убедительно Корнилов проводил, отвечая А. Таланкину [33] в статье 1931 г. [22]: Таланкин критиковал Корнилова за работы 1923-1925 гг. и ранее, а Корнилов ссылался на свою заграничную работу 1930 г. [44].

Думается, наших доводов достаточно для того, чтобы считать, что Челпанов, критикуя Корнилова за вульгарный материализм (сведение психики к материи), имел в виду работу Корнилова «Учение о реакциях человека» 1921 г., но не статью 1923 г. [12].

Значит ли это, что Корнилов прав, утверждая, что статья 1923 г. снимает все обвинения? Это было бы так, если бы Корнилов в докладе на первом съезде отказался от своего редукционистского тезиса. На самом же деле, как видно из слов Корнилова, приведенных нами в самом начале данного параграфа, он лишь усилил с помощью марксизма свое редукционистское понимание психики. Правда, для этого ему пришлось немного «подправить» марксизм, отождествив понимание психики как свойства материи с тезисом о материальности психики.

И все же вскоре Корнилов признал свою правоту, отказавшись

от тезиса о сведении. Случилось это менее чем через полгода, в ноябре 1924 г., когда он выступил в стенах руководимого им института с докладом «О наивно-материалистических тенденциях в современной психологии» [20]. Свидетельства этому факту мы можем найти еще в двух источниках [43, с. 3], [31, с. 251]. Судя по всему, именно этот доклад на открытой конференции института был в значительно переработанном виде опубликован Корниловым под названием «Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека» [19]. В этой статье Корнилов фактически соглашается с Челпановым в вопросе о сущности психики, повторяя своими словами суть четвертого тезиса Челпанова [42, с. 15]. Корнилов пишет:

«Наивный материализм, признавая только материю и ее движение, помимо того пространства, в котором существует и движется эта материя, всецело сводит к этой материи и движению и психику» [31, с. 10].

В этой работе Корнилова мы уже не встретим мысли о том, что материалистическое, марксистское понимание психики заключается в ее сведении к материи. Правда, утверждая, что марксизм признает реальность и значимость психических процессов и не сводит психику к материи, Корнилов все же не уточняет справедливости ради, что именно об этом с самого начала дискуссии говорил Челпанов, показывая совпадение позиций о сущности психики в марксизме и эмпирической психологии.

Для эволюции взглядов Корнилова по вопросу о сущности психики следует указать на следующие факты. В сборник своих статей [18] Корнилов не включил целиком обе статьи [15], [16]. В сборник своих работ Корнилов включил лишь первую статью [15], где дается ответ на 7-10 тезисы брошюры Челпанова, причем довольно значительно сократил текст и дал статье новое название – «Путь современной психологии» [17]. Мы полагаем, что Корнилов пошел на это не только из-за того, что обе статьи в неизменном виде не помещались в сборник, но и главным образом из-за того, что ему не хотелось демонстрировать правоту Челпанова по обсуждаемым в первых шести тезисах вопросах, в частности по четвертому тезису. В дальнейшем, например, в статье, вышедшей в 1929 г., Корнилов уже без колебаний относит тезис о материальности психики к механическому материализму, уверенно цитируя слова Ленина о том, что назвать мысль материальной, значит «сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом» [21, с.7], а также слова Плеханова о том, что «мнимое разрешение антиномии между субъектом и объектом посредством устранения одного из ее элементов это

есть бессознательное повторение одной из коренных ошибок идеализма» [21, с. 7].

Принципиальное изменение Корниловым своих взглядов в конце 1924 г. и последовавшая затем одобрительная оценка Челпановым этого факта не могли остаться незамеченными научным сообществом.

Ироничный комментарий к словам Челпанова, сказанным в предисловии его сборника статей [43, с. 3-4], прозвучал в статье А. Залманзона, который писал: «Не так давно центр тяжести борьбы психологов-марксистов был направлен против субъективной эмпирической психологии … В настоящее время мы переживаем полосу затишья и мучительного искания новых путей. Но природа и история не терпит покоя. Те, кто не в силах идти вперед, вынуждены неудержимо катиться назад. В этом попятном движении бывают нередко неожиданные встречи. К.Н. Корнилов, один из "революционных" вождей, поднявший бунт против своего бывшего учителя Г.И. Челпанова и отлученный за это из "психологической церкви", принят обратно в ее лоно за заслуги в борьбе против "механического материализма"» [7, с. 189]. Далее А. Залманзон в статье цитирует слова Г.И. Челпанова из предисловия [43, с. 3-4].

Для более глубокого понимания логики и содержания дискуссии между Корниловым и Челпановым следует рассмотреть вопрос о том, откуда Корнилов мог взять тезис о сведении в марксизме психики к материи. Это непросто сделать, так как в докладе Корнилов обходится вовсе без каких-либо ссылок и точных цитат. Все же по проводимым Корниловым формулировкам мы можем сделать достаточно достоверные предположения.

Обратим внимание на то, что свой доклад Корнилов начинает словами: «Попытка применить марксизм – этот, по выражению Плеханова, современный материализм …» [12, с. 41]. Очевидно, здесь Корнилов имел в виду слова, которыми начинается работа Г.В. Плеханова «Основные вопросы марксизма»: «Марксизм – это целое миросозерцание. Выражаясь кратко, это современный материализм…» [28, с. 124]. Кроме этой работы, Корнилов также пользовался другой работой Плеханова – предисловием ко второму изданию работы Ф. Энгельса [30]. Эти статьи Плеханова Корнилов цитирует в своей статье [16].

На основе непосредственного сопоставления текстов мы можем утверждать, что в своих рассуждениях о дуализме и сведении психики к материи Корнилов исходил из следующих слов Г.В. Плеханова: «Важнейшая отличительная черта материализма состоит в том, что он устраняет дуализм духа и

материи, бога и природы … Противникам материализма, имеющим о нем по большей части самое нелепое представление, кажется, что Энгельс неправильно определил сущность материализма, что на самом деле материализм сводит психические явления к материальным» [30, с. 74].

Очевидно, Плеханов, раскрывая мысль Энгельса о сущности материализма, утверждал прямо противоположное тому, что мы встречаем в докладе Корнилова. Плеханов утверждал, что материалисты не сводят психику к материи. Позиции Плеханова мы можем подтвердить его словами из другой работы: «Идеалисты и неокантианцы упрекают материалистов в том, что те "сводят" психические явления к материальным». Нет, возражал Плеханов, материалисты только утверждают, что «помимо субстанции, обладающей протяжением, нет никакой другой мыслящей субстанции и что, подобно движению, сознание есть функция материи» [29, с. 632].

Г.В. Плеханов, как мы видим, отрицая толкование сознания как особой субстанции, признавал сознание как определенное свойство, функцию материи. Корнилов же понял и «развил» мысли Плеханова по-своему: материалисты, определяя психику как свойство материи, тем самым (! – вот где ошибка Корнилова) сводят ее к материи, а наивный (вульгарный) материализм состоит в сведении психики к движению материи [см. 12, с. 43].

Таким образом, если кого и приходится упрекать по данному вопросу в искажении («извращении», пользуясь языком той эпохи, а, в общем-то, элементарном непонимании) марксизма, то не Челпанова, а самого Корнилова.

Справедливости ради стоит заметить, что проблема материальности или нематериальности психики и у Плеханова вовсе не была разрешенной до конца. В связи с этим стоит привести слова Л.С. Выготского, который, имея в виду статью Ю.В. Франкфурта [36], высказывал свою точку зрения: «Вслед за Г.В. Плехановым он [Франкфурт. – *С.Б.*] запутывается в безнадежном и неразрешимом противоречии, желая доказать материальность нематериальной психики, а для психологии связать два несвязуемых пути науки» [6, с. 399].

Рассмотрев дискуссию между Корниловым и Челпановым по одному из частных вопросов – о дуалистическом и монистическом понимании психики – мы убедились, что Челпанов с самого начала отстаивал нередукционистское понимание психики, утверждая, что в этом вопросе между эмпирической психологией и марксизмом расхождений нет. Корнилов же в начале утверждал, что в «соответствии с марксизмом» психика, сознание сводится к материи, но в конце

1924 г. он вынужден был отказаться от этого тезиса, признав, что сведение психики к материи есть вульгарный, наивный, но не диалектический материализм.

Так что если мы обратимся ко второму изданию сборника статей Корнилова [18], то по рассматриваемому нами вопросу получим такую картину: в первой статье Корнилов пишет о «марксистском» сведении психики к материи, а в последней статье [19] признает этот тезис вульгарно-материалистическим! Эта эволюция взглядов Корнилова осталась без внимания отечественных историков психологии. Чтобы убедиться в этом, обратимся к тем работам современных авторов, где цитируется редукционистский тезис Корнилова о материальности психики.

Б.М. Теплов в работе 1947 г. конспективно излагает основные тезисы и общую логику Корнилова следующим образом: «Перестройка психологии должна быть произведена на основе марксизма». «Марксизм в корне порывает с дуализмом духа и материи».

«То, что мы именуем психикой, есть не нечто противоположное материи, а есть лишь свойство наиболее организованной материи».

«Так мы приходим к материалистическому монизму» [35, с. 12]. В 1960 г. Б.М. Теплов также не упоминает этот тезис [см. 34, с. 12]. Можно сказать, что именно Теплов в статье 1947 г. заложил основы традиции, в соответствии с которой тезис Корнилова о сведении психики к материи не цитируется.

Та же многозначительная недоговоренность обнаруживается и у А.В. Петровского, когда он пишет: «Корнилов … подчеркивает, что марксизм резко порывает с дуализмом психического и физического и рассматривает психику, ссылаясь на Энгельса, Ленина и Плеханова, как "свойство наиболее организованной материи"» [26, с. 57], [27, с. 91-92]. Так же излагает рассуждения Корнилова о «марксистском» понимании психики и Е.А. Будилова, переходя от утверждения о дуализме сразу к определению психики как свойства материи, минуя, таким образом, тезис о сведении [см. 4, с. 31]. Л.М. Цыпленкова в диссертации, посвященной научной биографии Корнилова, точку зрения Корнилова характеризует однозначно: «Дуализму психического и физического эмпирической психологии К.Н. Корнилов противопоставил марксистский взгляд на природу психического: «Марксизм в корне порывает с этим дуализмом духа и материи, сводя духовное, психическое к материальному» [37, с. 132]. Пожалуй, наиболее просто поступил А.А. Смирнов, изложив основные положения доклада Корнилова, в том числе и его редукционистскую формулу, без каких-либо критических

комментариев, что мы можем интерпретировать как согласие с точкой зрения цитируемого автора [см. 32, с. 137].

Таким образом, если бы мы изучали доклад Корнилова только по работам Б.М. Теплова, А.В. Петровского, Е.А. Будиловой, то мы никогда не смогли бы узнать, что Корнилов считал соответствующим марксизму тезис о сведении психики к материи и материальности психики, а из слов Л.М. Цыпленковой и А.А. Смирнова мы должны сделать вывод о том, что эти исследователи согласны с К.Н. Корниловым в том, что в марксизме психика сводится к материи.

Из первой главы нашего исследования мы уже знаем, что причиной подобных оценок является общая исходная схема, которой руководствовались историки при изложении дискуссии между Корниловым и Челпановым. В данном случае констатация немарксистского понимания Корниловым психики в докладе «Современная психология и марксизм» входит в противоречие с одним из положений этой схемы, гласящим, что в январском докладе Корнилову «в значительной мере» удалось освободиться от своих прежних (1921 г.) вульгарно-материалистических, механистических представлений о психике.

§ 2. Обладает ли психика пространственной протяженностью?

В докладе «Современная психология и марксизм» Корнилов, противопоставляя свои марксистские взгляды на психику взглядам Челпанова, выступает против утверждения Челпанова о непространственности психики. При этом, однако, Корнилов повторяет, только немного видоизменив, свою прежнюю реактологическую, энергетическую аргументацию. Это подтверждается прямым сопоставлением того, что писал по этому вопросу Корнилов в докладе на первом съезде и в «Учении о реакциях».

Действительно, в 1921 г. в первом издании «Реактологии» Корнилов писал: «Мозг есть орган психической деятельности, а отсюда не менее правильным является и то, что психика и психические процессы суть, несомненно, явления пространственного порядка, поскольку этот признак может быть применен вообще ко всякому энергетическому процессу и явлению» [10, с. 141]. Здесь логика Корнилова ясна: психика есть явление энергетическое, следовательно, пространственное.

В январе 1923 г. ту же мысль о пространственности психики Корнилов выводит уже из марксистского понимания психики как свойства наиболее организованной материи [12, с. 44]. Психика материальна, следовательно, пространственна – вот логика Корнилова– марксиста. Но даже и здесь, заявляя себя марксистом, Корнилов не может обойтись без энергетической трактовки психики, стремясь тем самым показать лишний раз соответствие марксизму своего взгляда на психику как на проявление физической энергии:

«Психические процессы должны быть признаны пространственными не в том, конечно, смысле, что относительно психических процессов можно было сказать, что они находятся вправо или влево и т.д., – возражение, обычно приводимое защитниками непространственности психических процессов. На все это можно было бы возразить лишь одно, что если вышеуказанные предикаты неприменимы к психическим процессам, то одинаково они неприменимы и к физическим процессам энергетического порядка: если мы не можем сказать – толстые или тонкие мысли и т.п., то одинаково мы не можем сказать – толстый или тонкий магнетизм и т.д. Пространственное понимание психических процессов говорит лишь о том, что эти процессы (особенно если мы будем понимать их энергетически)

локально связаны с тем или иным телом, в данном случае с органическим телом, и этого вполне достаточно, чтобы применить к этим процессам категорию пространственности» [12, с. 44-45].

Если исходить только из этих слов Корнилова, то может создаться впечатление, что новым и неожиданным аргументом о магнетизме и энергии Корнилов опровергает Челпанова, который, как известно, в соответствии с постулатами эмпирической психологии всегда утверждал, что непространственность психики является ее отличительным свойством по сравнению с пространственным, протяженным, материальным миром. Кроме того, из слов Корнилова можно сделать вывод, что Челпанов доказывал тезис о непространственности психики с помощью двух критериев (показателей, аргументов): 1) про мысль нельзя сказать, что она имеет форму («толстая или тонкая») и 2) что она расположена в пространстве («находится справа или слева»).

На самом же деле Челпанов в книге «Мозг и душа» указывает не два, а три критерия пространственности (пространственной протяженности): 1) положение или место в пространстве; 2) наличие формы; 3) возможность, способность двигаться, совершаться в пространстве [39, с. 22-23]. О том же, заметим, пишет Челпанов и во «Введении в философию» [38, с. 144], во всех, начиная с первого, изданиях работы «Мозг и душа» и даже в «Учебнике психологии» [40, с. 4-5]. Так что Корнилов невольно или сознательно исказил аргументацию Челпанова. Аргумент Челпанова с магнетизмом также содержится во всех изданиях работы «Мозг и душа».

Согласно Челпанову психические явления ни одним из этих трех свойств (проявлений пространственности) не обладают. С точки зрения Челпанова, психические процессы все же совершаются, происходят, но не в пространстве, а только во времени, в противном случае трудно было бы объяснить, чем же занимаются психологи-экспериментаторы, в частности, при исследовании времени (скорости) реакции.

Мало того, Челпанов в книге «Мозг и душа» разбирает также аргумент с магнетизмом (!), доказывая, что энергия так же, как и другие материальные явления, обладает пространственной протяженностью, в данном случае по третьему критерию (совершается в пространстве). В характерной для себя диалогической манере Г.И. Челпанов пишет: «Есть одно явление в физическом мире, которое всех неопытных в философском мышлении в состоянии поставить в большое затруднение. Я имею в виду такое явление, как электричество, магнетизм. Многие не понимают, как это к электричеству и магнетизму применимы

категории протяженности. Мне часто приходится слышать возражение: «Ведь не скажете же Вы, что электричество толстое, круглое, четырехугольное, широкое, следовательно, нельзя сказать, что категории протяженности применимы к подобным явлениям». Это затруднение решается следующим образом. Какие явления мы называем явлениями магнетизма? Мы имеем магнит и кусок железа, и между ними находится маленькое промежуточное пространство. Когда это промежуточное пространство сделается еще меньше, то железо начинает двигаться. Вот это движение в пространстве до соединения с магнитом мы и называем явлением магнетизма. Явление магнетизма, как это легко видеть, есть явление, совершающееся в пространстве» [39, с. 102].

Челпанов, опытный полемист, в споре с Корниловым решил просто не повторять свои аргументы многолетней давности, бросая тем самым своему оппоненту упрек в некомпетентности. Вместо этого Челпанов использовал [см. 42, с. 8] более подходящий для того времени прием, взяв себе в сторонники … Н.И. Бухарина, который в популярном в то время марксистском учебнике писал:

«Мы вообще различаем между двумя родами явлений. Одни имеют протяжение, занимают место в пространстве, воспринимаются нашими внешними чувствами – их можно видеть, слушать, осязать, пробовать на вкус и т.д. Их мы называем материальными явлениями. Другие не занимают места в пространстве, их нельзя нащупать или увидеть. Такова, например, человеческая мысль, или воля, или ощущение. Что они существуют – всякий знает отлично сам по себе» [5, с. 51]. «Такие явления называются психическими, в просторечии духовными» [5, с. 52].

Таким путем Челпанов показывает, что Корнилов не знаком с точкой зрения Бухарина, с его книгой, первое издание которой вышло еще в 1921 г.! Тем самым ставятся под сомнение слова А.В. Петровского о том, что Корнилов «с историческим материализмом был знаком очень бегло и главным образом в бухаринском изложении» [26, с. 59], ибо даже о «беглом знакомстве» с работами Бухарина было бы говорить большим преувеличением.

Если бы Челпанов упрекнул Корнилова в незнании «Мозга и души», то это могли бы оценить не столько как минус, сколько как плюс корниловской эрудиции. Другое дело Бухарин, в первой половине 20-х годов активный политический деятель, виднейший теоретик партии большевиков!

Как же Корнилов отвечал на эту критику, когда на стороне

Челпанова оказался (очевидно, совершенно для Корнилова) Бухарин?

В этой ситуации у Корнилова было два разумных выхода: либо признать, что из непространственности психики вовсе не следует жестко и однозначно ее дуалистическое или метафизическое понимание, либо, настаивая на своей логике, объявить дуалистом, метафизиком, идеалистом и т.д. не только Челпанова, но и Бухарина. Корнилов выбирает нечто среднее, тем самым не столько проясняя, сколько еще больше усложняя и запутывая проблему.

Приведя свои слова о пространственности психики, высказанные еще в «Учении о реакциях человека», и цитированные нами выше слова Бухарина, Корнилов соглашается: «В самом деле, противоречие полное, здесь проф. Челпанов документально устанавливает, что это так. Но вот в чем суть, что это положение о пространственности или непространственности психических процессов есть наиболее спорное положение из всех, ибо на нем и сходятся, и расходятся и марксисты, и немарксисты. В самом деле, вот проф. Челпанов как психолог сходится в этом отношении во взглядах с Бухариным, но любопытно, что и тот рефлексолог, против которого направлены тезисы проф. Челпанова, акад. Павлов тоже держится тех же воззрений о непространственности и даже больше – беспричинности психических процессов. Но то же самое подтверждает и Енчмен.

Оказывается, отрицание пространственности психических процессов вовсе не гарантирует того, что человек является последовательным марксистом, ибо таковым никак нельзя назвать ни Енчмена, ни Павлова, ни тем более уже проф. Челпанова с его «Мозгом и душой». С другой стороны, имеется целый ряд авторов, которые, признавая пространственность психических процессов, являются, несомненно, идеалистами: таков известный датский психо-физиолог Леман или Ибервег и др., которые признают и мировую душу, и особую психическую энергию, отличную по самой своей сути и природе от физической и т.п.» [16, с. 235-236].

Эта большая цитата дает нам ясное представление о Корнилове как о полемисте. Если ранее для подтверждения правильности (с точки зрения марксизма) той или иной формулировки достаточно было сослаться на Плеханова, Ленина, Энгельса или Бухарина, то теперь, в щекотливой ситуации, авторитета Бухарина (и других марксистов, марксизма вообще) оказывается уже недостаточно! Характерно, что в своем ответе при изложении различных точек зрения К.Н. Корнилов не сумел назвать хотя бы одного марксиста, который бы говорил о

пространственности психики.

Своим ответом К.Н. Корнилов фактически выводит вопрос о пространственности психики за пределы проблемы «психология и марксизм». При этой операции обращает на себя внимание то, что если в докладе на первом съезде тезис о пространственности следует без особых оговорок, как нечто несомненное из понимания Корниловым психики как свойства материи (психика материальна, следовательно пространственна), то в статье «Психология и марксизм проф. Челпанова» у Корнилова вдруг оказывается, что утверждение о пространственности является «спорным» и его можно рассматривать само по себе, независимо от более общего, исходного вопроса о сущности психики.

Но Корнилова, что характерно, больше заботит не логическая, а другая, так сказать, личная сторона вопроса: остается ли он, по-прежнему настаивая на пространственности психики, марксистом? Именно в связи с этим Корнилов специально подчеркивает: «От того что я отрицаю беспространственность психических явлений, а проф. Челпанов признает ее, от этого вовсе ни я не являюсь еще «по недоразумению марксистом», как говорит проф. Челпанов, ни он не является "гуманистическим материалистом"» [16, с. 236]. Здесь, очевидно, Корнилов имеет в виду слова Челпанова в работе «Психология и марксизм» о «полном противоречии» во взглядах «между подлинными русскими марксистами» (Лениным, Бухариным) и «рефлексологами, именующими себя по недоразумению марксистами» – Блонским, Корниловым и Бехтеревым [см. 42, с. 8]. В шестом тезисе Челпанов материализм Фейербаха, Маркса, Энгельса и Дицгена называет «гуманистическим» [42, с. 21].

Для дальнейшей эволюции взглядов Корнилова показательно то, что ни в статье «Путь современной психологии», ни в статье о наивном и диалектическом материализме [19] Корнилов вообще не упоминает проблему пространственности психики. На основе вышеизложенных соображений можно сделать вывод, что к ноябрю 1924 г. Корнилов все-таки осознал недостаточность своей аргументации: он был не в силах спорить по этому вопросу не столько с Челпановым, сколько с Бухариным.

Какое отражение дискуссия между Корниловым и Челпановым по вопросу о пространственности психики нашла в работах отечественных историков психологии?

В работах Е.А. Будиловой [4] и А.А. Смирнова [32] вопрос о пространственности не упоминается вовсе. Зато высказывания Б.М. Теплова и А.В. Петровского примечательны.

Б.М. Теплов полностью приводит в своей статье

процитированное нами рассуждение К.Н. Корнилова о пространственности, после чего подводит итог: «Таким образом разрушался один из вреднейших предрассудков, прочно владевших психологами того времени» [34, с. 15]. При этом Б.М. Теплов в первую очередь исходил из того, что позиция К.Н. Корнилова фактически совпадала с позицией И.П. Павлова, который еще в 1913 г. писал, что не может сейчас себе представить, «как было бы можно систему беспространственных понятий современной психологии наложить на материальную конструкцию мозга» [25, с. 221-222]. Разумеется, всю силу подобного аргумента мы можем оценить, только если учтем время написания Б.М. Тепловым статьи – конец 50-х годов. Стоит подчеркнуть, что, как следует из рассуждений К.Н. Корнилова, для него самого совпадение своих и павловских взглядов на пространственность психики не являлось убедительным аргументом в споре.

А.В. Петровский повторяет логику рассуждений Б.М. Теплова, также усиливая правильность точки зрения К.Н. Корнилова авторитетом И.П. Павлова: «Мысль Корнилова совпадает с известным пониманием пространственности психики, содержащимся в трудах Павлова» [27, с. 92].

В наше время мы понимаем, что И.П. Павлов выражал своим вопросом, конечно же, точку зрения и подход физиолога, работающего на стыке с психологией и пытающегося соотнести то, что известно о психических процессах в психологии, с тем, что известно о строении и работе человеческого мозга, всей нервной системы в физиологии. Перед психологией такой задачи может и не быть, и психолог может ограничиться лишь констатацией этой связи, не выясняя конкретно формы и механизма ее проявления. Именно такой подход развивал, в частности, Челпанов, отстаивая в качестве «рабочей гипотезы» принцип психофизиологического параллелизма. Мы полагаем, что рассмотренного нами материала вполне достаточно, чтобы сделать вывод, что позиция К.Н. Корнилова в вопросе о пространственности психики не была обоснованной, прочной и устойчивой по сравнению с позицией и аргументами Г.И. Челпанова ни с точки зрения марксизма, ни с точки зрения чисто научной, логической.

§ 3. Разрешение психофизической проблемы: оценка гипотез параллелизма и взаимодействия

Не менее показательна попытка К.Н. Корнилова сформулировать марксистское разрешение психофизической проблемы. К тому времени, т.е. в 10-20-е гг. XX века, в мировой психологической науке общепринятыми, но конкурирующими между собой гипотезами (теориями, учениями) относительно взаимосвязи психических и физиологических процессов были две – параллелизма и взаимодействия [см., в частности, 24, с. 74-75]. Решение этой проблемы Корнилов в докладе «Современная психология и марксизм» начинает с того, что объявляет, что учение о параллелизме находится «в полном противоречии с непосредственным опытом», а теория взаимодействия противоречит «современному естествознанию» [12, с. 46].

Тем самым Корнилов в докладе почти дословно повторяет рассуждения, ранее высказанные им в «Учении о реакциях человека». Вся разница заключается только в том, что в 1921 г. все объяснения Корнилова основывались на понимании психики как энергии, а в 1923 г. – как свойства материи. В «Учении о реакциях» Корнилов с самого начала отбрасывает оба варианта решения психофизической проблемы как неудовлетворительные, но еще не ради утверждения тезиса о материальности психики, а ради доказательства того, что психика является «проявлением», как он пишет, физической энергии: «Что же касается того, как мы должны мыслить отношение этих энергетических процессов, лежащих в основе реакции, к тому, что мы именуем психической стороной реакции, то как бы ни перекидывали мост от одного к другому, – при помощи ли метафизических теорий о существовании особой духовной субстанции, насквозь отличной от того, что именуется материей, с вытекающими отсюда бесконечными в своей многозначной интерпретации теориями психофизического параллелизма, противоречащего непосредственному опыту, или не менее несогласованными теориями взаимодействия, стоящими в полном противоречии с естественнонаучными данными, – ясно одно, что все психическое может быть понято только через однозначную определенность энергетическими процессами, происходящими в протоплазме и нервной системе» [10, с. 14].

Отбрасывая оба варианта решения психофизической проблемы, Корнилов стремится сформулировать свой, третий

вариант решения. Но фактически и в «Учении о реакциях», и в докладе на первом съезде Корнилов становится на точку зрения гипотезы взаимодействия, подтверждением чему служат его слова о том, что психика, понимаемая как вид и проявление физической энергии, тем самым должна подчиняться и соответствовать «естественнонаучным данным», т.е. закону сохранения энергии [12, с. 47-48].

Так писал Корнилов в январе 1923 г. Однако в июне он говорит уже о параллелизме [см. 15, с. 20], а в ноябре 1924 г. он столь же убежденно заявляет, что между психическими и физиологическими процессами существует не причинное, а функциональное взаимодействие [см. 31, с. 13-14]. Это соответствует трактовке Челпановым принципа психофизиологического параллелизма. При обосновании своего решения Челпанов опирался на идеи Э. Маха и Авенариуса, указывая: «Когда изменяется физическое явление, то изменяется и соответственное психическое, и наоборот, когда изменяется психическое, изменяется и соответственное физическое явление, и их связь будет только функциональная. В этом смысле мы можем сказать, что мысль есть функция мозга, но с таким же правом мы можем сказать, что и физические явления в мозгу суть функции изменений в психической сфере» [39, с. 144].

Парадоксальность «смены вех» у Корнилова от июня 1921 к июню 1923 и ноябрю 1924 г. заключается еще и в том, что буквально в следующем предложении только что цитированной статьи, отбросив оба варианта, он по-прежнему отказывается признавать теории параллелизма и взаимодействия за содержащийся в них «скрытый дуализм» [31, с. 14]!

Таким образом, критикуя Челпанова за идеализм и метафизику, Корнилов в итоге утверждает точку зрения … Челпанова и называет ее при этом марксистским разрешением психофизической проблемы!

В связи с этим стоит привести оценочные суждения Л.С. Выготского, который подчеркивал, что если в формуле «сознание есть функция мозга» функцию понимать в математическом смысле, то перед нами будет теория параллелизма; если же функцию понимать в физиологическом смысле, то «перед нами материализм». Так что, продолжает Выготский, «когда Корнилов вводит понятие и термин функционального отношения между психикой и телом, хотя и признает параллелизм дуалистической гипотезой, сам незаметно для себя вводит эту теорию, ибо понятие функции в физиологическом смысле им отвергнуто и остается второе» [6, с. 368]; здесь Выготский ссылается на статью К.Н. Корнилова «Психология и марксизм» [15]. Более

определенную позицию по вопросу о гипотезе взаимодействия занимал в 1921 году П.П. Блонский, когда писал: «Эта теория взаимодействия находится в коренном противоречии с современной физикой … Если бы мы допустили взаимодействие между телом и душой, то … мы должны были бы отрицать закон сохранения энергии» [2, с. 37]. Собственная неопределенная позиция позволила Корнилову лавировать позже, защищаясь от упреков в механицизме, энергетизме и идеализме [21].

При подготовке доклада «Современная психология и марксизм» перед Корниловым стояла непростая задача «перекрасить» свой былой энергетизм в материализм и марксизм. Корнилов эту задачу понял как задачу по смене не столько методологии, сколько терминологии. В этом плане характерен совет Корнилова Бехтереву, сделанный в середине 1923 г., т.е. уже после того, как Корнилов заявил себя марксистом (этим советом Корнилов вполне мог руководствоваться и сам): определяя позицию Бехтерева, сторонника энергетизма, в форме лозунга «нет материи, а есть энергия», Корнилов замечает, что этот лозунг «чреват своими последствиями, толкая на умозрение: гораздо рациональнее, с моей точки зрения, особенно при решении вопроса о сущности психических процессов, было держаться формулы – «нет энергии без материи», рассматривая психические процессы как свойство материи» [18, с. 22].

Из этих слов хорошо видно, что марксизм был для Корнилова не фундаментом, а «броней» для защиты своих реактологических взглядов от внешних критических воздействий. Впрочем, по сути ту же «политику» проводили и другие отечественные психологи, вынужденные как-то разрешать проблему «психология и марксизм» …

Чтобы лучше оценить уровень научной культуры Корнилова в споре с Челпановым, стоит посмотреть, как ту же проблему о соотношении духа и материи, души и тела решал в дореволюционные годы Н.Н. Ланге. Это сравнение является тем более выигрышным по своей информативности, что Н.Н. Ланге был сторонником гипотезы взаимодействия, а не параллелизма, как Г.И. Челпанов.

В фундаментальной «Психологии» Н.Н. Ланге [24] можно увидеть, насколько Ланге при всем своем критическом отношении к гипотезе параллелизма осторожен, точен и этически безупречен в конечных выводах и оценках в отличие от Корнилова, о философствовании и теоретизировании которого можно сказать словами Ф. Ницше: так философствуют молотом. Н.Н. Ланге, формулируя свою точку зрения, писал: «Автор этих страниц … полагает, что учение параллелизма является ныне

неприемлемым для психологии и что оно должно быть заменено другой теорией. Но огромная трудность этой задачи состоит, однако, в том, чтобы, отвергая параллелизм, психология не вошла в конфликт с достоверными результатами физиологии и вообще естествознания» [24, с. 86].

В отличие от Корнилова, смешивавшего философию и психологию в одно невообразимое целое, Ланге ясно различает оба эти уровня анализа, что, кстати, делал и Челпанов. Ланге в самом начале своей работы, при постановке проблемы, писал: «В этом исследовании мы совершенно оставим в стороне собственно метафизические теории, как монистические (материализм и противоположный ему спиритуализм), так и дуалистические, которые признают две разные субстанции – материальную и духовную. Такие учения не могут найти места в «Итогах психологии» [24, с. 74-75].

Следовательно, марксизм как «современный материализм» по данной классификации Ланге следует отнести к метафизической, но не научной (собственно психологической) теории. Между тем Корнилов хотя и признает марксизм монистической теорией, но не считает ее из-за этого метафизической теорией. Вообще «метафизика» у Корнилова есть понятие, обозначающее не определенную область, сферу знания (философию, гносеологию и т.п.), а скорее носящее эмоционально-негативный смысл – умозрение, путаница, противоречивость, бред и т.д.

Продолжая свою мысль, Ланге четко указывает: «Вопросы же, которые мы ставим здесь, касаются не сущностей души и тела, а лишь отношения между духовными и физическими явлениями в животных организмах. Две теории или гипотезы оспаривают в этом вопросе друг друга – теория психофизического параллелизма и теория психофизической причинности (реального взаимодействия между физическими и психическими явлениями)» [24, с. 75]. Из этих слов Ланге помимо прочего следует, что психофизиологическая проблема в ее вариантах в виде гипотез (теорий) параллелизма и взаимодействия считается неметафизической проблемой, в то время как Корнилов обе эти теории однозначно относит к метафизике. Распутывать клубок мыслей и логики Корнилова, все равно что анализировать партию начинающего шахматиста, пытающегося изображать из себя признанного гроссмейстера.

Обратим внимание, что Ланге указывает только два возможных варианта разрешения проблемы души и тела, между тем как Корнилов, как мы уже убедились, и в «Учении о реакциях» [10, с. 14], и в докладе [12, с. 46] отвергает обе гипотезы, стремясь при этом занять какую-то особую третью

позицию, сформулировать свой третий путь, третий вариант разрешения психофизической проблемы, но, как мы видели, эта попытка у него оказывается неудачной. Только значительно позже Корнилов смог опереться в поисках «третьего пути» на утвердившуюся в советском марксизме теорию «единства» психических и физических (физиологических) явлений. Так, например, в учебнике 1934 г. Корнилов, отвергая при рассмотрении психофизической проблемы теории параллелизма и взаимодействия, писал: «Единство, но не тождество психического и физического – вот основная формулировка диалектического материализма в этом вопросе» [23, с. 21].

Эту проблему не мог обойти в своей работе Л.С. Выготский. Показывая ее сложность, он писал: «Итак, одну гипотезу называют то 1) монизмом, то 2) двойственностью, то 3) параллелизмом, то тождеством. Прибавим, что возрождающий эту гипотезу круг марксистов (как будет показано ниже): Плеханов, а за ним Сарабьянов, Франкфурт и другие – видят в ней именно теорию единства, но не тождества психического и физического. Как же это могло произойти? Очевидно, что эта гипотеза сама может быть развита на почве тех или иных еще более общих воззрений и может принять тот или иной смысл в зависимости от них: одни подчеркивают в ней двойственность, другие – монизм и т.д.» [6, с. 367].

Что же пишут современные историки психологии по поводу разрешения К.Н. Корниловым с помощью марксизма психофизической проблемы?

У А.В. Петровского [27] и Е.А. Будиловой [4] о трактовке Корниловым гипотез параллелизма и взаимодействия ничего нет. Этот вопрос затрагивает лишь Б.М. Теплов в статье 1960 г. [34]. Теплов вынужден был при этом взять Корнилова под защиту от упрека, брошенного Корнилову Ивановым-Смоленским еще в 1929 (!) г. [9]. В формуле, принятой Корниловым (психика есть свойство организованной материи), ИвановСмоленский увидел не марксизм, а материализм XVIII века, представленный, в частности, Гольбахом и Ламетри. Между тем, указывал Иванов-Смоленский, «начиная с середины прошлого столетия европейская и американская психология базируется на гипотезе психофизического монизма или психофизического параллелизма, что делает позицию Корнилова, солидаризирующегося с психологами не XIX, а XVIII века, совершенно своеобразной» [9, с. 92]. Приведя эти слова, Теплов становится на точку зрения Корнилова, «защищавшего марксистский тезис», а ИвановаСмоленского Теплов упрекает в незнании философии марксизма-ленинизма [34, с. 14].

Как видим, позиция Б.М. Теплова по этому, как и по другим вопросам, освещенным нами в первом и втором параграфах данной главы, состоит в полном принятии точки зрения Корнилова и ее апологии. Разумеется, такая пристрастность, вытекающая, как мы уже знаем, из исходных принципов схемы изложения дискуссии, затрудняет отображение адекватной картины дискуссии, ее содержания и результатов.

А.А. Смирнов излагает точку зрения Корнилова без какихлибо комментариев: «Корнилов, естественно, решительно возражал как против широко распространенной в то время теории психофизического параллелизма, так и против теории психофизического взаимодействия» [32, с. 137]. Может создаться впечатление, что Смирнов стремится лишь к беспристрастному изложению мысли Корнилова, избегая вносить собственные оценки. Эта позиция заслуживала бы всяческой поддержки, если бы точно также Смирнов излагал и точку зрения Челпанова.

В заключение данной главы мы должны подчеркнуть, что Корнилову не удалось противопоставить Челпанову какие-либо серьезные, обоснованные доводы, соображения и аргументы в пользу своей («марксистской») точки зрения на психофизическую проблему. Кроме того, мы смогли наглядно убедиться, что та картина, которую мы находим в работах отечественных исследователей (правота Корнилова-марксиста), обусловлена не результатами конкретного исследования, а жесткими рамками наперед заданной схемы изложения дискуссии.

Литература к главе 4

1. *Блонский П.П.* Очерк научной психологии. М., 1921. 94 с.

2. *Блонский П.П.* Очерк научной психологии // Избранные психологические произведения. М., 1964. С. 31-131.

3. *Богданчиков С.А.* Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в 1923-1927 гг.: схема и факты // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 123-131.

4. *Будилова Е.А.* Философские проблемы в советской психологии. М., 1972. 336 с.

5. *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии. М.-Пг., б/г. 390 с.

6. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 291-487.

7. *Залманзон А.* В защиту объективного направления в психологии // Вестник Коммунистической Академии. 1926. № 18. С. 189-202.

8. Из переписки Г.И. Челпанова и А.М. Щербины (публикация Р.Л. Золотницкой) // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 5. С. 86-92.

9. *Иванов-Смоленский А.Г.* Естествознание и наука о поведении человека. Учение об условных рефлексах и психология. М., 1929. 136 с.

10. *Корнилов К.Н.* Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). М., б/г (1921). 228 с.

11. *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм: Автореф. доклада // Известия. 1923. 16 января. № 10 (1747). С. 4.

12. *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм // Под знаменем марксизма. 1923. № 1. С. 41-50.

13. *Корнилов К.Н.* Психология и рефлексология // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С. 86-98.

14. *Корнилов К.Н.* Психология и «теория новой биологии» // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С. 98-114.

15. *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм // Психология и марксизм: Сб. статей / Под ред. К.Н. Корнилова. Л., 1925. С. 9-24.

16. *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм проф. Челпанова // Психология и марксизм: Сб. статей / Под ред. К.Н. Корнилова. Л., 1925. С. 231-242.

17. *Корнилов К.Н.* Путь современной психологии // Корнилов К.Н. Современная психология и марксизм: Сб. статей. 2-е изд., доп. Л., 1925. С. 76-90.

18. *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм: Сб. статей. 2-е изд., доп. Л., 1925. 107 с.

19. *Корнилов К.Н.* Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека // Корнилов К.Н. Современная психология и марксизм. 2-е изд., доп. Л., 1925. С. 91-106.

20. *Корнилов К.Н.* Наивно-материалистические тенденции в современной психологии: Тезисы доклада // Фонд Г.И. Челпанова в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 326. П. 41. Ед. хр. 29. б/д.

21. *Корнилов К.Н.* Воззрения современных механистов на закон сохранения энергии и психику // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 1. С. 3-15.

22. *Корнилов К.Н.* К итогам психологической дискуссии // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 44-77.

23. *Корнилов К.Н.* Психология: Учебник для высших пед. учеб. заведений. М., 1934. 159 с.

24. *Ланге Н.Н.* Психология. Основные проблемы и принципы // Итоги науки в теории и практике / Под ред. проф. М.М. Ковалевского, проф. Н.Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В.М. Шимкевича. М., 1914 (1922). Т. VIII. 312 с.

25. *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. 5-е изд. Л., 1932.

26. *Петровский А.В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М., 1967. 367 с.

27. *Петровский А.В.* Вопросы истории и теории психологии. Избранные труды. М., 1984. 272 с.

28. *Плеханов Г.В.* Основные вопросы марксизма // Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1957. Т. 3. С. 124-196.

29. *Плеханов Г.В.* Предисловие к книге А. Деборина «Введение в философию диалектического материализма» // Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1957. Т. 3. С. 614-638.

30. *Плеханов Г.В.* Предисловие переводчика ко 2-му изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» // Избранные философские произв.: В 5 т. М., 1957. Т. 3. С. 67-88.

31. Проблемы современной психологии: Сб. статей / Под ред. К.Н. Корнилова. Л., 1926. 252 с.

32. *Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975. 352 с.

33. *Таланкин А.А.* О «марксистской психологии» проф. Корнилова // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 24-43.

34. *Теплов Б.М.* Борьба К.Н. Корнилова в 1923-1925 гг. за

перестройку психологии на основе марксизма // Вопросы психологии личности. М., 1960. С. 8-20.

35. *Теплов Б.М.* Советская психологическая наука за 30 лет. М., 1947. 32 с.

36. *Франкфурт Ю.В.* Г.В. Плеханов о психофизиологической проблеме // Под знаменем марксизма. 1926. № 6.

37. *Цыпленкова Л.М.* Психологические воззрения и научная деятельность К.Н. Корнилова: Дис. … канд. психол. наук. М., 1970. 234 с.

38. *Челпанов Г.И.* Введение в философию. 7-е изд. М.-Пг.Харьков, 1918. 550 с.

39. *Челпанов Г.И.* Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. 6-е изд. М.-Пг.-Харьков, 1918. 319 с.

40. *Челпанов Г.И.* Учебник психологии. 16-е изд. М.-Пг.Харьков, 1918. 224 с.

41. *Челпанов Г.И.* Введение в экспериментальную психологию. 3-е изд. М., 1924. 294 с.

42. *Челпанов Г.И.* Психология и марксизм. 2-е изд. М., 1925. 30 с.

43. *Челпанов Г.И.* Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). М., 1926. 59 с.

44. *Kornilov K.N.* Psychology in the light of dialectic materialism // Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchson. Worcester, London, 1930. P.p. 243-278.

ГЛАВА 5 ФИЛОСОФСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ДИСКУССИИ МЕЖДУ К. Н. КОРНИЛОВЫМ И Г. И. ЧЕЛПАНОВЫМ

Коммунисты создали систему «правильных» и «ошибочных» взглядов с неукоснительным подавлением последних. Кроме того, они разработали теории о форме и методах в искусстве и науках, теории отражения и познания действительности.

Это давало возможность уличать в крамоле и репрессировать даже горячих сторонников советской власти – если они придерживались неверных мнений по части, например, драматургии или биологии.

Р. Конквест[15]

§ 1. Проблема соотношения психологии и философии

В докладе «Современная психология и марксизм» К.Н. Корнилов предпринял попытку обосновать необходимость переоценки (ревизии) психологии с точки зрения марксизма. Стремясь подвести проблему под более общую проблему «психология и философия», Корнилов излагает свое понимание марксизма как определенной философской системы, а психологии – как философской науки.

В данном параграфе мы рассмотрим, из каких представлений о марксизме и психологии исходил при этом Корнилов, насколько логично и аргументированно он обосновывал свою позицию в споре с Челпановым. Вначале определим, что же понимал Корнилов под марксизмом в докладе.

По ходу доклада Корнилов дает следующие формулировки: марксизм – это «современный материализм» [14, с. 41], «философская доктрина» [14, с. 41], «строго научное или, как говорят, внутринаучное мировоззрение» [14, с. 42], «не просто материализм, а диалектический материализм» [14, с. 43]; Корнилов говорит также о своей попытке «применить философию марксизма к психологии» [14, с. 42], о «философских устремлениях марксизма» [14, с. 50]. В конце доклада Корнилов не забывает «хотя бы вкратце остановиться и на другой стороне марксизма – социологической, на теории исторического материализма» [14, с. 50].

Уже отсюда можно сделать вывод, что марксизм, по Корнилову, – это определенная философская доктрина, имеющая две стороны – диалектический и исторический материализм (социологию марксизма). Такая трактовка была широко распространена в 20-е годы, достаточно указать, например, на работы П.П. Блонского [4] и Н.И. Бухарина [6]. Это немаловажное обстоятельство всегда следует иметь в виду при изучении работ К.Н. Корнилова 20-х годов. Заметим также, что в известных (и в то время) работах В.И. Ленина дается иная трактовка марксизма – как совокупности трех составных частей [17], [18], а марксистской философии как одной из них. Но до объявленного И.В. Сталиным в 1931 г. «марксистско– ленинского этапа в развитии философии» [21] основным, главным авторитетом в области марксистской философии считался Г.В. Плеханов, из работ которого исходили А.М. Деборин, Н.И. Бухарин и многие другие советские философы-марксисты той поры.

Не менее ясно в докладе Корнилов формулирует свое понимание психологии: оказывается, «с самых давних пор и до нашего времени» она «всегда рассматривалась как философская дисциплина по преимуществу» [14, с. 42]. Кроме того, поскольку с его точки зрения психология уже не естественно-научная дисциплина, как утверждалось ранее в «Реактологии», а стоит «на грани биологических и общественных наук» [14, с. 41], постольку психология является не только философской, но и биологической и общественной дисциплиной. Итак, точка зрения марксизма на место психологии среди других наук заключается, по Корнилову, в том, что психология объявляется сразу и философской, и биологической, и общественной наукой! Нет смысла специально доказывать, насколько эклектичной и методологически наивной является такая точка зрения, скорее запутывающая, чем проясняющая суть проблемы. Тем не менее каждая из этих характеристик психологии имеет в логике Корнилова свои серьезные основания. Можно привести несколько веских причин, по которым Корнилов заговорил о философии в психологии и о психологии в философии.

В докладе отнесение Корниловым психологии к философским наукам облегчает ему возможность применить к ней, как он сам подчеркивает, философию марксизма [14, с. 42]. Но эта мотивировка не представляется убедительной, т.к. тут же Корнилов говорит о том, что марксизм успешно подчиняет себе биологию и социологию. Но если и эти науки считать философскими, то какие же тогда не являются философскими?! Очевидно, дело в чем-то другом.

И из содержания данного доклада, и из последующих работ К.Н. Корнилова по проблеме «психология и марксизм» становится ясно, что Корнилов переводит собственные психологические, в том числе и экспериментально-методические вопросы в спорах со своими оппонентами, прежде всего с Г.И. Челпановым, сначала в область философских вопросов психологии, а затем и в область философии, чтобы именно там, как это ни парадоксально звучит, громить своих оппонентов. Все это становится понятным, если мы учтем, что Корнилов, конечно, вряд ли мог противопоставить Челпанову что-либо серьезное на собственно психологическом уровне. Напротив, на уровне философии Корнилов, заявляя себя приверженцем марксизма, достигал сразу две цели.

Во-первых, это позволяло ему уверенно «громить» Челпанова, который, как мы уже знаем, будучи по своему профессиональному образованию сторонником В. Вундта и неокантианцем, не мог считать научной философию Гегеля, не говоря уже о К. Марксе и других представителях, как писал Г.И.

Челпанов до революции, «экономического материализма» [29, с. 17], [30, с. 25-27]. Во-вторых, заявляя себя как марксиста, Корнилов демонстрировал лояльность – не столько философскую, сколько идеологическую – к правящей коммунистической партии, советскому государству, Советской власти. Отсюда, кстати говоря, исходила тактика Г.И. Челпанова: чтобы не спорить в лице Корнилова с правящим режимом, Челпанов, с одной стороны, доказывал, что взгляды Корнилова не являются истинно марксистскими, а с другой – что его, Челпанова, психология находится в полном соответствии с марксизмом.

Как же себе представлял К.Н. Корнилов взаимоотношения психологии как философской дисциплины и марксизма как философского учения? Здесь Корнилову не надо было выдумывать что-либо новое, т.к. еще со школьной и студенческой скамьи он имел традиционное представление о том, что такое философия и как она соотносится с психологией. Корнилов понимал марксизм просто как еще одну, правда, самую правильную, самую истинную, научную и современную философскую систему. При этом соотношение философии как «царицы наук» и психологии как «служанки философии» Корнилов трактовал следующим образом: философия дает правила, принципы, законы, словом, готовит теорию, а психология должна этой теорией строго руководствоваться (не такую ли отжившую свое философию имел в виду Ф. Энгельс, когда писал, что классической философии приходит конец, и от нее остается только логика и общая теория познания?).

Другими словами, в силу своей неподготовленности К.Н. Корнилов не понял, в чем же состоит принципиальное различие между современной (в частности, марксистской) и домарксистской, классической философией. Корнилов и саму марксистскую философию понимал не по-марксистски, вследствие чего у него применение марксизма в психологии (впрочем, так же как и в биологии, социологии и т.д.) заключается в том, что психология … подчиняется марксизму. Поэтому вся «ревизия» и «переоценка» заключается у Корнилова не в изменении отношений между философией и психологией, а в замене одной, не оправдавшей надежды и ожидания философской системы другой, более правильной и истинной. Дело, следовательно, вовсе не в том, что Корнилов использует (или пытается использовать) в психологии философию марксизма, сам по себе этот факт еще ни о чем не говорит. Дело все в том, что именно при этом понимал Корнилов под философией марксизма и под философией вообще, и в связи с этим под психологией как наукой.

Коротко говоря, К.Н. Корнилов вовсе не против того, чтобы психология была и оставалась «служанкой философии». Корнилов против того, чтобы психология была служанкой старой, идеалистической, метафизической философии и за то, чтобы психология была служанкой новой, научной, материалистической, марксистской философии. Но поскольку роли психологии как «служанки философии» и философии как «царицы наук» (науки наук, сверхнауки) однозначно связаны, то позиция К.Н. Корнилова, конечно же, при всем его декларируемом марксизме является шагом назад в процессе развития психологии как самостоятельной науки. Именно это подчеркивал Челпанов, когда характеризовал современную психологию как эмпирическую, т.е. независимую от философии науку.

Подчеркнем, что при таком («по Корнилову») понимании взаимоотношений психологии и философии страдает не только психология, в своей роли служанки оказывающаяся в довундтовских временах, но и философия, ибо марксизм, невольно поставленный в положение господина и учителя, тем самым упрощается, вульгаризируется и догматизируется. Так что результат взаимодействия психологии и философии зависит не только от уровня развития психологии как науки, но и от самого марксизма: образно говоря, дорос ли он сам до роли учителя науки, до того, чтобы стать философией наук?

Все это важно для того, чтобы понять реакцию Г.И. Челпанова по этому вопросу, который был одним из ключевых в дискуссии.

Как же Г.И. Челпанов отвечал на смену Корниловым (по сравнению с «Реактологией») позиций в вопросе о соотношении психологии и философии? Челпанов, имея в виду первое издание «Учения о реакциях человека» Корнилова, указывал, что «через несколько месяцев после выхода книги, в которой содержится запрет психологу заниматься философией, он [Корнилов. – *С.Б.*] на первом психоневрологическом съезде в январе 1923 г. заявил, что занятие философией для психолога является обязательным. Но это требование он предъявляет только другим, и именно, к психологам-немарксистам; для себя же это требование он считает совершенно необязательным, ибо за два года он не удосужился изучить философию Маркса и, будучи чистокровным бюхнерианцем, остается в наивном убеждении, что он марксист» [32, с. 23].

А.В. Петровский называет это утверждение Г.И. Челпанова «голословным обвинением» и пишет, что «в подтверждение этого обвинения Челпанов не приводит ни одного факта. И это не случайно: в докладе на I съезде Корнилову в значительной

степени удалось преодолеть наивно-материалистическую концепцию психики, защищаемую им в недавнем прошлом» [22, с. 58], [23, с. 92]. С нашей точки зрения, Челпанов, говоря о двух годах, имел в виду не 1921-1923 гг., как утверждает А.В. Петровский, а 1923-1925 гг. скорее всего, с января 1923 г., когда Корнилов выступил с докладом на первом съезде, до момента завершения Челпановым работы над книгой, предисловие к которой было написано в январе 1925 г. Следовательно, если А.В. Петровский (вслед за Б.М. Тепловым) пишет о переходе Корнилова в январе 1923 г. с позиций наивного (вульгарного, механистического и т.п.) материализма на позиции марксизма, то Челпанов, напротив, не видит принципиальных изменений Корнилова не только в 1923 г., но и в течение 1924 г.

В этом плане показательно, что практически нигде Челпанов специально не анализирует доклад Корнилова на первом съезде, основное внимание при критике уделяя «Реактологии». Очевидно, для Челпанова этот доклад Корнилова был своего рода продолжением, дополнением к «Учению о реакциях», но никак не нечто такое, что противоположно реактологическим взглядам Корнилова образца 1921 г. Это означает, что в докладе 1923 г. Челпанов не увидел принципиально ничего нового у Корнилова, никакой «огромной теоретической работы» и т.п., и здесь оценки Корнилова С.Л. Рубинштейном, Г.И. Челпановым и даже авторами «Итогов…» 1931 г. неожиданно совпадают.

Впрочем, точка зрения А.В. Петровского является достаточно гибкой. Соглашаясь с оценками Б.М. Теплова, А.В. Петровский все же признает, что «К.Н. Корнилов приблизился к марксизму, но далеко еще не овладел им … Ленинская теория отражения не была ему известна, диалектику он воспринял формально, с историческим материализмом был знаком бегло и главным образом в бухаринском изложении – все это, как мы увидим дальше, становится источником серьезных ошибок, допущенных видным представителем советской психологии в рассматриваемый нами период» [22, с. 58-59].

При реконструкции дискуссии между Корниловым и Челпановым мы уже имели возможность убедиться, насколько подобная критика в адрес Корнилова практически по всем пунктам совпадает с тем, что говорил в ходе дискуссии о взглядах Корнилова Челпанов. Однако отечественные исследователи стараются не подчеркивать этого совпадения оценок. Но в отношении «Реактологии» Корнилова (при оценке ее с точки зрения марксизма) С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, А.В. Петровский и другие авторы фактически соглашаются с Челпановым.

Г.И. Челпанов в ходе полемики писал: «"Учение о реакциях" написано по интроспективному методу, принятому в Психологическом институте Московского университета. Вследствие этого внимательный читатель совершенно не в состоянии уловить, в чем, собственно, состоит марксизм в психологии, по пониманию Корнилова. Может быть, в нескольких фразах, имеющих отношение к идее классовой борьбы [32, с. 22].

Б.М. Теплов в 1960 г. писал: «"Учение о реакциях человека" – свидетельство искреннего и горячего желания автора порвать с традиционной идеалистической психологией, но в то же время эта книга (несмотря на наличие в ней ценного экспериментального материала) говорит о неподготовленности Корнилова к решению тех больших теоретических и практических задач, которые он перед собой поставил» [28, с. 10-11]. Примерно в том же духе высказывается и А.В. Петровский: «Надо сказать, что книга К.Н. Корнилова «Учение о реакциях» действительно давала возможность рассматривать автора как бюхнерианца…» [22, с. 58].

Продолжая эту естественную тенденцию к беспристрастным, объективным, конкретно-историческим оценкам, нам остается теперь, как мы видим по ходу нашего анализа, сделать еще один шаг: согласиться с челпановскими оценками взглядов Корнилова не только 1921, но и 1923 г., тем более что различие это, как нам становится все более отчетливо видно, оказывается чисто терминологическим.

Но Г.И. Челпанов в ходе дискуссии не только подвергал критике взгляды Корнилова, но и стремился найти оптимальные пути разрешения проблемы «психология и марксизм».

В докладе на первом всероссийском психоневрологическом съезде 1923 г. Г.И. Челпанов проблему взаимосвязи психологии и философии попытался разрешить следующим образом в третьем тезисе: «Психология может, а по мнению некоторых должна иметь философскую надстройку, а также философскую, физиологическую, биологическую и т.п. подстройку, но сама по себе психология не есть ни философия, ни биология, а есть самостоятельная наука, подобная физике, химии и т.д." [32, с. 10]. Далее Челпанов дает определения вводимых им понятий «надстройка» и «подстройка»: «Есть философские и гносеологические понятия, которые нужно рассмотреть до изучения психологии. Таковы понятия «субстанции», «причинности» и т.п. Философское исследование этих понятий, предваряющее изучение психологии, я называю «подстройкой». Эта подстройка служит для того, чтобы построить эмпирическую психологию. Понятия «субстанции», «субъекта», «я» можно

сделать эмпирическими понятиями; тогда их можно перенести в психологию, но не иначе. Эмпирическая психология дает материал для построения этики, эстетики и т.д. Обобщения эмпирической психологии могут служить для философских обобщений, для построения мировоззрения и т.п. Но это уже будет философской надстройкой над психологией и ни в коем случае не может входить в область эмпирической психологии. Она должна лежать вне ее области» [32, с. 11]. К концу 1924 г. Челпанов был вынужден в ходе полемики несколько видоизменить и уточнить свою точку зрения, о чем свидетельствуют его рассуждения в последней главе (статье) той же брошюры: «Есть ли психология наука философская? На этот вопрос нельзя ответить ни положительно, ни отрицательно без того, чтобы не вызвать недоразумений. Но самый вопрос можно поставить иначе. Необходимо ли психологу изучение философии? По моему мнению, безусловно необходимо. Это и имели в виду немецкие ученые, когда настаивали на необходимости для психологии примыкать к кафедре философии, на каком бы факультете кафедра философии ни была» [32, с. 58].

Но Челпанов не только более глубоко и точно, чем Корнилов, видел проблему соотношения психологического и философского знания, но и дифференцированно подходил к вопросу о том, что же такое марксизм. В частности, Челпанов ясно различал понимание марксизма как идеологии (мировоззрения) и как философской системы. Отвечая на многочисленные упреки в том, что он заявляет себя марксистом, Челпанов писал: «Если бы на том основании, что современная научная психология находится в согласии с идеологией марксизма, я стал утверждать, что я марксист, то я допустил бы ту ошибку, которая в логике известна как ошибка «нераспределенного среднего термина». В самом деле, марксизм есть широкое мировоззрение, которое предполагает определенные философские, психологические, социологические, экономические, политические и т.п. воззрения. Меня можно было бы назвать «марксистом» только в том случае, если бы у меня было совпадение во всех этих частях мировоззрения Маркса, а раз совпадение имеет место только в психологических воззрениях, то для обозначения меня марксистом нет никаких оснований» [32, с. 30-31].

Подводя итоги дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым по вопросу о соотношении психологии и философии, мы вынуждены заключить, что и здесь Корнилов не смог противопоставить что-либо серьезное и обоснованное тем взглядам Челпанова на психологию, философию и марксизм, которые были сформированы еще задолго до революции. Не

обнаружили мы и принципиальных изменений взглядов Челпанова на проблему «психология и философия». Оставаясь на своих позициях, Челпанов лишь пытался найти общий язык, идя на уступки в сфере терминологии и не акцентируя внимания на неясностях и противоречиях в самом марксизме, т.е. в трудах Плеханова, Маркса, Энгельса, Ленина, Бухарина и т.д. Мы считаем это не «хитроумной тактикой борьбы», а проявлением стремления вести научную дискуссию по научным правилам, т.е. оставаясь в рамках чисто научного, предметно-логического аспекта и не выходя без нужды в метафизические и политические плоскости.

В заключение заметим, что спор между Корниловым и Челпановым по проблеме «психология и философия» все-таки исходным своим моментом имел различную трактовку у обеих сторон не столько философии или марксизма, сколько психологии, ее проблем и задач.

§ 2. Материализм и идеализм в философии и психологии

Отдельного изучения заслуживает спор между Корниловым и Челпановым по вопросу о материализме и идеализме в психологии. Стоит проанализировать, насколько точны были обе стороны в постановке проблемы, использовании ключевых понятий, понимании точки зрения оппонента, убедительности своей аргументации. Вначале рассмотрим, насколько был точен Корнилов в вопросе о материализме вообще и его трактовке в психологии в частности при критике взглядов Челпанова.

Корнилов критикует в докладе «Современная психология и марксизм» Челпанова за «извращение учения материалистов», в качестве подтверждения напоминая читателю о книге Челпанова «Мозг и душа», имевшую, как известно, подзаголовок «Критика материализма и очерк современных учений о душе» [30].

Не упуская, таким образом, случая напомнить, что до революции Челпанов выступал (конечно же, говорили, что «боролся») против материализма, Корнилов пишет: «Критикуя материализм и выясняя, почему материализм пользуется популярностью, проф. Челпанов говорит, что это объясняется «простотой учения, при которой понятия вроде души, сознания, мысли совершенно упраздняются». Что понятие души устраняется с точки зрения материализма, это не подлежит никакому сомнению, но чтобы упразднялось понятие мысли, это можно объяснить только ничем иным, как стремлением в корне извратить учение материалистов» [14, с. 43].

Попробуем разобраться в этом споре. Действительно, именно так, как и сказано у Корнилова, Челпанов характеризовал материализм в работе «Мозг и душа», цитата приведена почти дословно [30, с. 17]. Не менее верно, что марксизм – это материализм, а не что-либо иное, и в нем признается реальность сознания, мысли и т.д. Выходит, Корнилов был прав, упрекая Челпанова в неправильной трактовке материализма вообще и марксизма в частности? Вся суть, как видим, заключается в понимании того, что такое материализм. Что же понимал под материализмом Г.И. Челпанов в своей книге «Мозг и душа»?

В первой лекции «Что такое материализм?» Челпанов характеризует три основных учения «о природе души» [30, с. 22-23], которые являются монистическими, т.к. признают только одну субстанцию: это материализм, спиритуализм (идеализм) [30, с. 22] и спинозизм, он же психофизический монизм [30, с.

23]. При этом Челпанов не отрицает наличия множества переходных и промежуточных подходов. Он подчеркивает также, что эти три точки зрения являются метафизическими, а не эмпирическими; при эмпирическом (физиологическом или же собственно психологическом – частнонаучном, как мы сказали бы сейчас) подходе можно ограничиться, не входя в область метафизики, лишь утверждением о параллельности психических и физических (физиологических) процессов, никак не объясняя эту параллельность (одновременность) их протекания.

Классификация философских направлений у Челпанова имеет чисто внешнее, терминологическое сходство с делением философов на материалистов и идеалистов в работе Энгельса [36], где говорится, что, решая «высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, … о том, что является первичным: дух или природа, … философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как они отвечали на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, … составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма» [36, с. 283]. И далее Энгельс добавляет слова, которые показывают, что фактически им вводилось свое понимание материализма наряду с другими, традиционными пониманиями материализма, а также идеализма и всего основного вопроса философии: «Ничего другого первоначально и не означают выражения: идеализм и материализм, и только в этом смысле они здесь и употребляются. Ниже мы увидим, какая путаница возникает в тех случаях, когда им придают какое-либо другое значение» [36, с. 283].

У Челпанова мы не находим такой – с точки зрения развития, диалектики, истории – формулировки всего вопроса. Необходимо учитывать, что Челпанов, конечно, излагал общепринятую в то время классификацию, внося в нее свое понимание нюансов. Свои вариации в изложении основного вопроса философии мы находим, например, в уже не раз цитированной работе Н.Н. Ланге [16].

Для Челпанова вопрос заключается не в том, чтобы определить, что первично, а что вторично, а в том, чтобы «объяснить все сущее» [30, с. 22], указать «основной принцип вещей», т.е. понять, как устроен мир, что лежит в его основе. Соответственно понятия «материализм» и «идеализм» приобретают у Челпанова и Энгельса (Плеханова и т.д.) различный смысл. Отметим, что хотя Челпанов цитирует [30, с. 24] только что приведенное нами определение материализма и идеализма по Энгельсу, он все же не выходит на принципиальное

различение в самой постановке основного вопроса у себя и у Энгельса. Челпанов не принимает классификацию Плеханова и Энгельса не из принципиальных соображений, а скорее из соображений удобства, что видно из следующих слов Челпанова: «Если принять классификацию г. Бельтова [псевдоним Г.В. Плеханова. – *С.Б.*], то мы не будем знать, к какой группе философов следует отнести Герберта Спенсера. Говорить в наше время, что существуют только две системы – материалистическая и спиритуалистическая – совершенно неправильно, и поэтому мы должны при классификации систем всегда помнить, что существует третья группа учений – это именно психофизический монизм» [30, с. 24].

Таким образом, Корнилов увидел «извращение» там, где на самом деле речь шла о материализме в другом, не менее (если не более) общепринятом, чем в гегелевской и марксистской традиции, смысле. Корнилов был бы прав, если исходить из того, что только в марксизме понимание материализма является истинным, а все остальные трактовки являются искажениями и извращениями. Впрочем, даже и здесь Корнилов идет вслед за Плехановым, который, встретившись с другой трактовкой материализма и основного вопроса философии, оценил в одной из своих работ понимание материализма не по Энгельсу как «нелепое» [24, с. 74]. Весьма показательная получается эволюция оценок другого понимания материализма, если идти от Энгельса через Плеханова к Корнилову: Энгельс пишет о «путанице», возникающей при неправильном соотнесении (отождествлении) двух трактовок, Плеханов другую точку зрения оценивает как «нелепую», а Корнилов ведет речь уже об «извращении»; на этом, как мы знаем из нашей истории, процесс не закончился …

Челпанов с самого начала дискуссии ясно осознал терминологический аспект всего вопроса о значении марксизма для психологии. Основным приемом и защиты, и нападения для Челпанова стало четкое различение двух видов материализма – по Марксу и вульгарного. Челпанов доказывал, как мы не раз уже видели, что его психологические взгляды соответствуют марксизму, а воззрения Корнилова на психику являются вульгарно-материалистическими. Возвращаясь, вслед за Корниловым, к своим взглядам и оценкам, высказанным ранее в «Мозге и душе», Челпанов в работе «Психология и марксизм» писал: «Я отвергал материализм Бюхнера (а его отвергал и Маркс) и признавал материализм Спинозы (Маркса). Но до 1922 г. мы называли материализмом вульгарный (Бюхнера), а с 1922 г., по примеру Маркса и Энгельса, мы должны (по старой терминологии) и психофизический параллелизм называть

материализмом, но должны в то же время решительно отличать этот материализм от материализма Бюхнера» [31, с. 30].

Как видим, две классификации (в философии и психологии) Челпанов попытался сопоставить между собой следующим образом: 1) идеализм в марксизме соответствует идеализму (спиритуализму) у Челпанова; 2) материализм Маркса (диалектический и т.п.) соответствует психофизическому монизму (спинозизму); 3) вульгарный, по Марксу, материализм, отрицающий реальность сознания и психики, соответствует просто материализму в прежней классификации Челпанова; 4) эмпирическая (а не философская, метафизическая и т.д.) точка зрения в марксизме на психику соответствует гипотезе (теории) психофизического (психофизиологического) параллелизма у Челпанова.

Л.С. Выготский в работе «Исторический смысл психологического кризиса», которая писалась, как мы знаем, в 1926-1927 гг., по этому поводу заметил: «Не так уж не прав Челпанов, когда говорит, что до 1922 г. он называл эту доктрину параллелизмом, а с 1922 г. – материализмом. Он был бы вполне прав, если бы его философия не была приноровлена к сезону несколько механически» [8, с. 368]. Но был ли у Челпанова другой способ исследовать проблему «психология и марксизм», оставаясь в рамках науки и официальной философии и идеологии?

Можно спорить с правомерностью подобного соотнесения в вопросе о классификации основных направлений точки зрения челпановской (наверное, точнее будет здесь говорить – вундтовской или даже традиционной) и марксистской философии, но нельзя не видеть самой попытки Челпанова соотнести и как-то согласовать две философские системы, найти точки соприкосновения между ними, установить общий язык. В целом Челпанов, насколько мы можем судить, достаточно успешно, в отличие от Корнилова, разводил философское и собственно психологическое понимание проблемы соотношения духа и тела. Впрочем, судя по фундаментальной работе Н.Н. Ланге [16], в то время, в конце XIX – начале XX века, различение философского и собственно психологического «языков», плоскостей анализа через различение метафизической (рациональной) и эмпирической психологии стало и было обычным правилом при теоретизировании в области философских вопросов психологии.

Насколько ясно Челпанов осознавал несовпадение своих и марксистских взглядов в области философии, показывают его слова: «Я был идеалистом в философии и остаюсь таковым и в

настоящее время. Но своего философского идеализма я в настоящее время не выявляю» [32, с. 30]. В то же время в области эмпирической взгляды Маркса (марксистов), по Челпанову, совпадают с точкой зрения эмпирической психологии: в обоих случаях признается реальность сознания, а больше ничего и не надо Челпанову как психологу. Ведь его критиковали прежде всего как психолога.

Если Корнилов, как и в других вопросах, лишь запутывает проблему соотношения психологии и марксизма, не различая философского и психологического языков и уровней анализа, то Челпанов, помимо указания границы между философией и психологией как границы между метафизическим и эмпирическим подходами, идет в анализе дальше и глубже, стремясь соотнести язык марксизма и язык психологии: во-первых, сопоставляя их как два различных философских языка, во-вторых, соотнося марксизм и эмпирическую психологию как два частнонаучных, эмпирических языка. В последнем случае для профессионального подхода Челпанова очень характерно то, что он доказывает соответствие марксизма эмпирической психологии, а не наоборот – психологии марксизму, как это делал К.Н. Корнилов. Это наглядно видно, например, при сравнении формы изложения и подачи материала в работах Г.И. Челпанова [31] и К.Н. Корнилова [14].

Если же рассматривать вопрос о динамике взглядов Корнилова на вопрос о материализме и идеализме в психологии, то прежде всего следует указать, что хотя в докладе «Современная психология и марксизм» Корнилов заявляет, что он стоит на точке зрения диалектического, а не вульгарного материализма, фактически его позиция состоит в вульгаризации марксизма: Корнилов отождествляет диалектический и вульгарный материализм, причем за счет низведения первого ко второму. И только в статье о наивном и диалектическом материализме [12], т.е. в конце 1924 г., К.Н. Корнилов стал на правильную точку зрения в этом вопросе, тем самым соглашаясь с Челпановым. Уже само название статьи «Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека» говорит о многом. Мы здесь не затрагиваем вопрос, что, начиная с доклада на втором психоневрологическом съезде [14], К.Н. Корнилов придерживается определения психологии как «науки о поведении», о чем у него не было речи в докладе на первом съезде.

Изучение статьи [12] показывает, что «наивный материализм» – это характеристика Корниловым главным образом своих собственных (домарксистских, реактологических,

энергетических) взглядов, а «диалектический материализм» у Корнилова во всем совпадает с пониманием марксизма и его значения для психологии Челпановым. Правда, в самой статье Корнилов нигде не говорит открыто о радикальной смене своих взглядов. Но если судить со слов Челпанова, то Корнилов в сделанном 30 ноября 1924 г. докладе «О наивно-материалистических тенденциях в современной психологии» прямо заявил, что «отказывается от точки зрения наивного материализма, на которой он до сих пор стоял, и переходит к диалектическому материализму (этим термином он обозначает материализм Маркса)» [32, с. 3].

Челпанов писал эти слова предисловия в январе 1925 г. В связи с этим представляет интерес, как к тому времени Челпанов описывал эволюцию материалистических взглядов Корнилова. Это становится ясно из примечания Челпанова к только что приведенным словам: «Корнилов, начав с вульгарного материализма в первом издании «Учения о реакциях», постепенно стал отходить от него и уже в книжке «Современная психология и марксизм» (вышла в июне 1924 г.) отвергал как наивный материализм, так и рефлексологию. Но в сентябре того же года вышла книга Ю.В. Франкфурта «Рефлексология и марксизм», в которой защищается и наивный материализм, и рефлексология, с рекомендующим предисловием Корнилова» [32, с. 3, прим.].

Говоря об эволюции взглядов Г.И. Челпанова на проблему материализма в психологии, следует отметить, что в своей последней полемической работе «Спинозизм и материализм» Челпанов пришел к идее о «психофизическом материализме», видя в этом понятии разрешение проблемы. В предисловии Челпанов писал: «Мне неоднократно ставили в упрек, что я, пытаясь установить характер материализма Маркса, совершенно не касаюсь вопроса о диалектическом материализме. Делал я это потому, что, по моему мнению, разъяснение понятия диалектического материализма у Маркса совсем не дает ответа на вопрос о сущности марксистской психологии. Нужно дать себе ясный отчет о существенном различии между двумя видами материализма: диалектическим и психофизическим. Диалектический материализм относится ко всей действительности, а психофизический материализм только к некоторой вырезке действительности – именно к психической области» [34, с. 4].

Резюмируя в конце брошюры свои основные мысли как обычно в виде тезисов, Челпанов еще более четко выражает ту же мысль: «При определении места психологии в системе марксизма следует пользоваться не понятием диалектического

материализма, а понятием психофизического материализма, так как закон диалектического развития, будучи универсальным законом, не указывает специфических признаков, присущих психической области» [34, с. 45]. Насколько закономерным было движение мысли Челпанова в направлении особого, психологического материализма (речь идет не о содержании этого понятия, а именно о направлении, которое оно характеризует) показывают рассуждения Л.С. Выготского.

В работе «Исторический смысл психологического кризиса» Выготский пишет: «Непосредственное приложение теории диалектического материализма к вопросам естествознания, и, в частности, к группе наук биологических или к психологии, невозможно, как невозможно непосредственно приложить ее к истории и социологии. У нас думают, что проблема «психология и марксизм» сводится к тому, чтобы создать отвечающую марксизму психологию, но на деле она гораздо сложнее. Так же как история, социология нуждается в посредующей особой теории исторического материализма, выясняющей конкретное значение для данной группы явлений абстрактных законов диалектического материализма. Так точно нужна еще не созданная, но неизбежная теория биологического материализма, психологического материализма как посредующая наука, выясняющая конкретное применение абстрактных положений диалектического материализма к данной области явлений». И далее у Выготского следуют слова, которые почти буквально совпадают с приведенными выше словами Челпанова. А именно, Выготский заключает: «Диалектика охватывает природу, мышление, историю она есть самая общая, предельно универсальная наука; теория психологического материализма или диалектика психологии и есть то, что я называю общей психологией» [8, с. 419-420]. Однако парадоксально то, что Выготский все это говорит в противовес … Челпанову! Позицию последнего Выготский характеризует как «путь Челпанова» (почему не Корнилова?), который приведет «к попытке отрицать все исторические тенденции развития психологии, к терминологической революции, – короче, к грубому искажению и марксизма, и психологии. Это и есть путь Челпанова. Не навязывать природе диалектические принципы, а находить их в ней формула Энгельса [35, с. 384] здесь сменяется обратной: в психологию вводятся принципы диалектики извне. Путь марксистов должен быть иным» [8, с. 419]. После этого следуют слова о психологическом материализме. Думается, было бы слишком просто да и неверно по существу объяснять этот парадокс – приписывание Челпанову взглядов Корнилова –

случайной оговоркой Выготского. Скорее всего, в такой форме Выготский выражал тезис о том, что при всех своих идеологических разногласиях с Челпановым Корнилов фактически оставался, осознавал ли он это или не осознавал, выразителем взглядов своего бывшего учителя.

В целом по существу спора между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым о материализме и идеализме мы можем сказать, что позиция Г.И. Челпанова была более правильной и продуктивной, чем позиция К.Н. Корнилова, ибо позволяла вести диалог, уточнять и развивать позиции спорящих сторон, учитывая как терминологический, так и эмпирический аспекты проблемы.

§ 3. Марксистская философия и методы психологии

В докладе «Современная психология и марксизм» Корнилов обосновывает свое понимание вопроса о соотношении (значимости) субъективного и объективного методов в психологии с помощью марксизма. Приоритет объективного метода, по мысли Корнилова, вытекает из материалистической позиции в психологии: «Материалистическое понимание психики, ставя психологию в ряды естественнонаучных дисциплин, определяет и методы психологии. Бытие определяет сознание, объект определяет субъект, и с этой точки зрения, если психика есть свойство органической материи, то естественно применить к изучению психики в первую очередь и раньше всего те методы, при помощи которых изучается это бытие, т.е. методы объективного и экспериментального наблюдения» [14, с. 45].

При этом Корнилов особо подчеркивает, что метод интроспекции им не отвергается полностью: «Вся суть опять-таки заключается не в элиминировании этого самонаблюдения, а лишь в регулировании и контролировании его при помощи объективного и экспериментального метода» [14, с. 46]. Отсюда становится ясно, что для Корнилова идея сочетания субъективного и объективного методов «автоматически» следовала из более общей идеи марксистской психологии (реактологии) как синтезе субъективной и объективной психологии и соответственно из понимания предмета психологии (реакции) как синтеза субъективной (психическое переживание) и объективной (физиологическая реакция) сторон «реакции».

Насколько была нова и оригинальна для самого Корнилова эта идея сочетания («синтеза») субъективного и объективного методов в работе психолога?

Полутора годами ранее ту же мысль К.Н. Корнилов формулировал, вовсе обходясь без марксизма: «Там, где между этими субъективными и объективными данными возникает хотя бы малейшая шероховатость, не говоря уже об открытой разноречивости, ни одной секунды не может быть сомнения в том, что столь чреватые ошибочностью своих показаний данные самонаблюдения должны всегда отступить на задний план перед объективной стороной эксперимента. Задача, которую психологу приходится выполнять при этом, является почти аналогичной той, которую выполняет врач при постановке диагноза болезни. Подобно тому, как последний стремится согласовать и поставить

в тесную связь субъективные показания больного с объективными признаками болезни, перенося, однако, центр тяжести всецело на объективные данные и лишь под контролем их ставя тот или иной диагноз болезни, подобно этому и в экспериментально-психологических исследованиях нам приходится согласовывать данные самонаблюдения с объективными оценками, контролируя при помощи последних первые» [10, с. 45].

Оказывается, там, где в 1921 г. для доказательства мысли было достаточно аналогии психолога с врачом, в 1923 г. Корнилову понадобилось привлекать ни больше ни меньше как материалистическое разрешение основного вопроса философии! Вполне естественно, что у Челпанова мы нигде не находим ответа на эту, с позволения сказать, аргументацию и из-за того, что сама мысль о приоритете объективных методов и показателей была банальной уже в то время (для психологов самых различных школ и направлений), и из– за того, что марксизм при этом оказывается не при чем.

Челпанов свое отношение к методу и марксизму, которые применял Корнилов в «Учении о реакциях», выражал вполне определенно: «"Учение о реакциях" написано по интроспективному методу … Вследствие этого внимательный читатель совершенно не в состоянии уловить, в чем, собственно, состоит марксизм в психологии, по пониманию Корнилова» [32, с. 22]. За подтверждением этих оценок Челпановым сущности (методологической и методической) книги К.Н. Корнилова далеко ходить не приходится. В предисловии к первому изданию «Реактологии» Корнилов писал: «В смысле методики экспериментально– психологического исследования я считаю себя последователем школ Вундта и Титченера, с их ограничением данных самонаблюдения при помощи объективной стороны эксперимента» [10, с. 8]. Сравнив в эксперименте методики Н. Аха и В. Вундта, Корнилов в четвертой главе приходит к выводу: «Все это заставляет меня отвергнуть технику, принятую Н. Ахом, и предпочесть ей технику, принятую Вундтом и Титченером» [10, с. 33].

В следующей главе Корнилов также однозначно высказывает свое мнение: «Я полагаю, что в этом столкновении двух экспериментально-психологических школ школа Вундта и Титченера занимает более крепкую позицию, нежели Вюрцбургская школа» [10, с. 46]. Кроме того, в книге Корнилова мы можем найти и несколько фраз, имеющих, как пишет Челпанов, «отношение к идее классовой борьбы» [32, с. 22]. Говоря о педагогическом значении реактологии, Корнилов увязывает свой принцип однополюсной траты энергии с

принципом гармоничного воспитания личности, поясняя при этом: «При классовом делении общества, где одни готовились по преимуществу к занятию физическим трудом, а другие – к занятию трудом умственным, воспитание никогда не было, да и не могло быть гармоничным: оно было классовым, односторонним и дисгармоничным. И только с происшедшим социальноэкономическим переворотом, уничтожающим классовое деление общества, этот принцип [гармоничности физического и психического развития ребенка, синтеза физической работы и умственного труда – 10, с. 157. – *С.Б.*] получит все данные для своей реализации» [10, с. 158].

Так что и здесь нам приходится согласиться с Г.И. Челпановым, что в вопросе о методах К.Н. Корнилов в докладе на первом психоневрологическом съезде не сказал ничего нового ни по отношению к тому, что уже было традиционным в психологии в то время, ни даже по отношению к тому, что говорил Корнилов по этому вопросу в 1921 г. и в других своих более ранних работах (обходясь без марксизма).

С нашей точки зрения, Корнилов пытался в неубедительной форме придать методическому вопросу о том, какие данные являются более достоверными и точными, принципиальный, методологический смысл. Но уже примера Корнилова с врачом достаточно, чтобы понять это.

В самом деле, разве для врача объективные данные всегда имеют преимущество перед данными самонаблюдения и самоотчета больного? Очевидно, соотношение тех или иных данных по объективности и достоверности является ситуативным. Думается, дело здесь в том, что Корнилов не различает нюансов в использовании понятий «субъективное» и «объективное», трактуя «объективное» то как относящееся к области физиологии нервной системы и поведения всего организма, то как характеристику нашего познания (объективное, значит, точное, достоверное знание в отличие от знания субъективного, т.е. случайного, неточного). Корнилов не чувствует границу между психологией и ее научными, эмпирическими и экспериментальными понятиями, с одной стороны, и философией – с другой. Впрочем, Корнилов здесь снова не оригинален, идя в своей критике субъективного метода в психологии вслед за В.М. Бехтеревым.

Отечественные историки психологии советского периода при изложении спора между Корниловым и Челпановым становятся, как и во многих других случаях, безоговорочно на сторону К.Н. Корнилова. Так, например, Б.М. Теплов по интересующему нас вопросу в 1960 г. писал: «Очень важен, конечно, вопрос о методе психологии. Основной смысл ответа на этот вопрос, который

давал Корнилов, правилен и не утратил своего значения и в настоящее время» [28, с. 17]. А.А. Смирнов, как и в других случаях, излагает мысль Корнилова без каких-либо комментариев [26, с. 137], что мы должны понимать как признание правоты в рассуждениях К.Н. Корнилова. У других авторов (Е.А. Будиловой, А.В. Петровского) этот вопрос не рассматривается.

§ 4. Социальная психология и марксизм

К.Н. Корнилов в докладе «Современная психология и марксизм» критикует эмпирическую психологию за то, что она является не социальной, а индивидуальной, индивидуалистической.

Останавливаясь (вкратце) в конце доклада на социологической стороне марксизма, т.е. теории исторического материализма, Корнилов пытается поставить и разрешить проблему социальности психики и психологии, исходя из марксистских постулатов. Корнилов пишет: «В теории диалектического материализма мы имели дело с основной формулой марксизма – бытие определяет сознание. Это основное положение в применении к теории исторического материализма говорит о том, что экономическими и социально-экономическими факторами определяется общественная психология того или иного класса. И лишь на этом фоне классовой психологии нам становится более понятной и та индивидуальная психология, психология личности, которой по преимуществу занимается современная психология. Вот почему полная система современной психологии не должна замыкаться в узкие рамки только индивидуальной психологии, а должна включить в себя прежде всего социальную психологию» [14, с. 50]. О том, насколько оригинальными были подобные идеи, можно судить по словам П.П. Блонского, сказанным двумя годами ранее: «Традиционная общая психология была наука о человеке как индивидууме. Но поведение индивидуума нельзя рассматривать вне его социальной жизни. Поэтому научная психология есть та психология, которая раньше называлась социальной психологией и в качестве таковой влачила самое жалкое существование. Мы же должны поступать наоборот: исходить именно из социальной психологии и от нее идти к психологии того или иного индивидуума. Поведение индивидуума есть функция поведения окружающего его общества» [3, с. 43].

Вопрос о социальной психологии, безусловно, важен для понимания всей дискуссии между Корниловым и Челпановым, поэтому есть смысл тщательно оценить позиции каждой из сторон.

Советские историки – исследователи истории отечественной психологии – при изложении и оценке взглядов сторон однозначно становились на точку зрения Корнилова. Так, Б.М. Теплов только что процитированные нами рассуждения Корнилова не подвергает никакой критике, предваряя их

словами: «В разбираемом сборнике статей Корнилов многократно касался вопроса об общественной природе психики, сознания человека» [28, с. 17-18]. И далее Б.М. Теплов критикует за теорию двух факторов, биологического и социального, о которых Корнилов пишет в другой статье сборника [13, с. 75]. Также без комментариев излагает позицию Корнилова и А.В. Петровский: «Корнилов считал необходимым, чтобы система современной психологии не замыкалась в узкие рамки только индивидуальной психологии, а включала в себя и социальную психологию, основывающуюся на теории исторического материализма» [22, с. 55], [23, с. 90]. Более подробно А.В. Петровский рассматривает вопрос о социальной психологии в параграфе «Поиски в области социальной психологии» [22, с. 167-175]. Оценивая период 20-х годов в целом, Петровский замечает: «Попытка построения марксистской социальной психологии в 20-е годы не привела к успеху прежде всего потому, что реальную разработку науки заменяли декларации» [22, с. 174]. Показательно то, что Петровский указывает прямо на неоригинальность процитированной нами выше точки зрения Корнилова. А.В. Петровский пишет: «Старая психология была индивидуалистической, следовательно, новая психология должна быть психологией социальной, общественной – эта идея постулируется всеми руководствами по психологии, начиная с книги В.М. Бехтерева «Общие основания рефлексологии», изданной в 1918 г., кончая «Учебником психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма» К.Н. Корнилова» [22, с. 174]. В связи с этим Петровский высказывается по поводу позиции Челпанова: «Г.И. Челпанов, который воспринимался советскими психологами как противник диалектического материализма (и был таковым), ратовал за создание «марксистской» социальной психологии, стремясь, как мы могли видеть, отвлечь внимание от перестройки эмпирической психологии на основах марксизма. Эта тактика Челпанова не могла не вызвать сопротивления со стороны прогрессивных сил в психологии, что имело своим побочным результатом ослабление внимания к социальной психологии как самостоятельной отрасли науки» [22, с. 175].

Ту же позицию мы обнаруживаем и у Е.А. Будиловой – по вопросу о социальной психологии идет резкая критика взглядов и Корнилова, и Челпанова. В частности, Будилова показывает почти текстуальное совпадение взглядов Корнилова и П.П. Блонского [5, с. 79]. Будилова также рассматривает постановку вопроса о социальной психологии Челпановым в плане более общего вопроса об общей (эмпирической) психологии: «Защита

идеализма под флагом разделения психологии на экспериментальную, якобы нейтральную, а по существу идеалистическую науку, и на социальную, подчиненную марксистской методологии, была разоблачена как один из стратегических ходов идеалистического лагеря. Челпанову не удалась его попытка, он потерпел неудачу» [5, с. 80].

Характерно, что, указывая на работы В.А. Артемова [1], Б.В. Беляева [2] и рассуждения самого К.Н. Корнилова о социальной психологии, Будилова вынуждена отметить, что «противостояние Челпанову заключало отказ от признания особенностей социальной психологии, требующих не только определения ее предмета в системе марксистской психологической науки, так же как и путей ее развития, но и создания соответствующих предмету методов исследования» [5, с. 81].

А.А. Смирнов излагает точку зрения К.Н. Корнилова, подчеркивая ее совпадение с точкой зрения П.П. Блонского [26, с. 137]. Изложив точку зрения Г.И. Челпанова, Смирнов указывает: «Нельзя возражать против того, что социальная психология является лишь одной из отраслей психологической науки и не покрывает собой ее целиком. Однако отсюда не следует, что марксизм должен быть основой только социальной психологии, а не всей психологической науки, причем общей психологии в первую очередь. Между тем именно ее Челпанов имел в виду «оградить» от марксизма.

«Уступая» марксизму социальную психологию, он ценой этого старался сохранить за идеализмом всю прежнюю, индивидуальную (т.е. фактически всю общую) психологию. Такая позиция не получила общественной поддержки, и Челпанов вынужден был сложить оружие, прекратить борьбу» [26, с. 140].

Таким образом, указанные выше исследователи хотя и признают в целом верным и марксистским тезис Корнилова о социальной психологии, но интерпретацию этого тезиса самим Корниловым фактически отвергают. В то же время позиция Челпанова оценивается как уловка, тактический или даже стратегический ход с целью спасти свою эмпирическую, идеалистическую психологию. Реконструкции дискуссии, рассмотрения взглядов Корнилова и Челпанова в сопоставлении опять не получается, хотя вывод о том, кто победил в этом споре, делается однозначный.

А как же сам Г.И. Челпанов реагировал на критику эмпирической психологии как индивидуальной и индивидуалистической?

Г.И. Челпанов не оставил без ответа упрек К.Н. Корнилова, брошенный на первом всероссийском психоневрологическом

съезде в адрес «современной эмпирической психологии» (т.е. в адрес Г.И. Челпанова прежде всего), в том, что она замыкается в «узкие рамки только индивидуальной психологии». Показывая положение социальной психологии в системе современного психологического знания, Г.И. Челпанов в брошюре «Социальная психология или "условные рефлексы"» писал: «В особенности заслуживает внимания колоссальная работа в области коллективной психологии, совершенная Вундтом. Он подразделяет психологию на индивидуальную и коллективную, которую он называет Völkerpsychologie.

«Так как индивидуальная психология имеет своим предметом связь душевных процессов в единичном сознании, то она пользуется абстракцией … Область психологических исследований, относящихся к тем процессам, которые связаны с психическими общениями, мы назовем коллективной психологией (Völkerpsychologie)… Индивидуальная психология только взятая вместе с коллективной образует целое психологии», т.е. душевная жизнь человека может быть вполне понята только в том случае, если будет рассмотрена и ее социальная сторона. Из этого можно видеть, до какой степени ложно информировал русских читателей проф. Корнилов, когда он сообщал, что то направление психологии, к которому принадлежит Вундт, грешит тем, что рассматривает человека абстрактно и совершенно игнорирует социальную сторону душевной жизни человека. Очевидно, для Корнилова десять огромных томов коллективной психологии, написанных Вундтом, совершенно недостаточно для того, чтобы признать, что психология Вундта считала необходимым дополнить экспериментально– психологическое изучение человека, имеющее индивидуальный характер, изучением коллективной психологии» [33, с. 8].

Этого ответа Челпанова, как нам представляется, совершенно достаточно, чтобы считать спор между Корниловым и Челпановым по поводу социальной психологии исчерпанным. Однако заслуживает внимания, как Челпанов обосновывал и развивал свое собственное понимание вопроса о социальной психологии в контексте более общего вопроса о социальной психологии в контексте более общего вопроса «психология и марксизм». Выше, при анализе отечественных работ по истории психологии, мы уже видели, какое большое значение придают исследователи этому вопросу.

Из предыдущего изложения нам уже известно, что Г.И. Челпанов доказывал, что эмпирическая психология не противоречит требованиям марксистской философии. Но если в своих основных постулатах эмпирическая психология

соответствует марксизму, то не означает ли это, что марксизм не находит в психологии вообще никакого применения, не имеет никакого значения? Челпанов на этот вопрос отвечал отрицательно, сферой приложения марксизма в психологии считая социальную психологию. Об этом Челпанов писал уже в своей первой полемической работе «Психология и марксизм», которая была издана в 1924 г., но была написана по следам устных дискуссий 1922 г.

В восьмом тезисе брошюры, который мы приводим целиком, Челпанов писал: «Специально марксистская психология есть психология социальная, изучающая генезис «идеологических форм» по специально марксистскому методу, заключающемуся в изучении происхождения указанных форм в зависимости от изменений социального хозяйства. Такая психология в мировой литературе имеется только в зачаточной форме. В России ее совсем нет. Задача научно-исследовательских психологических институтов организовать именно такие психологические исследования. Они будут представлять собой марксистскую психологию в собственном смысле слова. Эмпирическая же и экспериментальная психология марксистской стать не может, как не может стать марксистской минералогия, химия, физика и т.п.» [31, с. 26-27].

Любопытно сопоставить этот тезис Челпанова с рассуждениями Выготского по поводу учебника психологии Корнилова [15]. Подчеркивая мысль о необходимости создания специальной теории («общей психологии», «методологии психологии») в психологии – того, что сейчас можно назвать «теорией среднего уровня», Выготский писал: «К. Маркс назвал «Капитал» критикой политической экономии. Вот такую критику психологи хотят перепрыгнуть ныне.

«Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма», в сущности, должно звучать так же, как «Учебник минералогии, изложенной с точки зрения формальной логики». Ведь это само собой разумеющаяся вещь – рассуждать логически не есть особенность данного учебника или всей минералогии. Ведь диалектика не есть логика, даже шире. Или: «Учебник социологии с точки зрения диалектического материализма» вместо «исторического». Надо создать теорию психологического материализма, и нельзя еще создавать учебники диалектической психологии» [8, с. 421].

Вряд ли упоминание минералогии и у Челпанова, и у Выготского является случайным. Насколько естественной была позиция Челпанова и Выготского по отношению к идее «марксистской психологии» показывает цитата из работы

современного автора, французского философа-марксиста Л. Сэва. В книге, изданной во Франции в начале 60-х годов, Л. Сэв писал: «То, что марксизм должен иметь – и давно уже имеет, о чем свидетельствуют выдающиеся труды, на которые мы выше ссылались[16]– марксистскую позицию в психологии, это очевидно. Но что он должен иметь под угрозой несостоятельности психологию марксизма (а почему не химию или астрономию марксизма?), можно утверждать, лишь имея о философии, истории и самой психологии идеалистическое представление» [27, с. 362]. Яснее не скажешь.

Челпанов в подтверждение своего тезиса далее в брошюре ссылается, демонстрируя изрядную эрудицию, на работу Энгельса о Людвиге Фейербахе, на тезисы Маркса о Фейербахе, на работу Маркса и Энгельса «Святое семейство…», на «Нищету философии» и «Капитал» Маркса, на работу Г.В. Плеханова «Монистическое понимание истории». Развивая свою точку зрения на соотношение психологии (общей) и марксизма, психологии теоретической и прикладной, Челпанов в докладе на первом психоневрологическом съезде в шестом тезисе писал: «Научная разработка эмпирической психологии имеет огромное культурное значение, потому что именно на ней базируются все виды прикладной психологии и все новые отрасли психотехники. Эмпирическая психология служит основой для построения социальной психологии, психологии хозяйства, педагогической психологии и т.д.» [32, с. 17].

В этой же брошюре в параграфе «Положение вопроса об отношении научной психологии к философии марксизма» [32, с. 1931] Челпанов, ссылаясь на доклад М.А. Рейснера [25], отмечал: «Правильно описывает и М.А. Рейснер марксистскую психологию, когда центр тяжести в реформе психологии переносит на социальную психологию …» [32, с. 27].

Цитаты из работ Маркса и Вундта, которые Челпанов берет в качестве эпиграфа к своей работе [33, с. 1], показывают, что он мог пользоваться методом цитирования намного тоньше и убедительнее своих оппонентов: он приводит две цитаты, явно совпадающие между собой не только по общему смыслу, но и по используемым их авторами понятиям. Справедливости ради необходимо уточнить, что два высказывания, которые Челпанов объединил в одну цитату и приписал К. Марксу, на самом деле взяты из двух работ. Первое высказывание у Челпанова выглядит следующим образом: «Так как Фейербах рассматривает людей не в их данной общественной связи, … то … он … остается при абстракции человека». Это значительно сокращенная цитата из работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология», где

критикуется понимание человека у Л. Фейербаха [см. 19, с. 44].

Кроме того, Челпанов цитирует слова К. Маркса, также не указывая источника: «Только в обществе человек обнаруживает свою истинную природу. Силу его природы надо изучать не на отдельных личностях, но на целом обществе». В оригинале (очевидно, в другом переводе) это место выглядит несколько по-иному [см. 20, с. 146]. Подчеркнем, что если продолжить эту мысль Маркса и Энгельса далее, то становится ясно, что, утверждая такую точку зрения на человека и общество, Маркс и Энгельс были не оригинальны, прямо указывая: «Эти и им подобные положения можно найти почти дословно даже у самых старых французских материалистов. Здесь не место входить в их оценку» [20, с. 146].

Эти высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса Челпанов на первой странице брошюры ставит рядом с цитатой из «Логики» Вундта. Разумеется, при внимательном взгляде в высказываниях Маркса и Вундта можно обнаружить существенные различия. Но тем не менее из их сопоставления становится очевидно для читателя (к чему, собственно, и стремился Челпанов), что трактовка человека как социального существа в научном плане уже для Вундта не была откровением. Челпанов ссылается на «Психологию народов» и «Логику» Вундта (на немецком языке). Корнилов в свое время мог ознакомиться с точкой зрения Вундта на социальную психологию если не из этих работ, то хотя бы из [7].

Далее Челпанов в первой главе, красноречиво названной «Необходимость организации исследований по социальной психологии», пишет: «Огромные социальные проблемы, выдвигаемые жизнью, потребуют изучения социальной психологии … На основании моих предшествующих сочинений вопрос о месте психологии в системе Маркса получает решение, которое я могу формулировать в следующих трех тезисах:

1. Современная научная психология остается без изменений и по методу и по содержанию.

2. На основе научной психологии заново строится специально-марксистская психология, именно социальная психология по марксистскому методу.

3. Заново строится прикладная психология, представляющая приложение научной психологии к марксистской социологии» [33, с. 4].

Завершает главу Челпанов словами: «Символом реформы психологии при новой идеологии должно являться не устройство собачников для изучения условных рефлексов, как это делается в современных психологических учреждениях, а организация работ

по изучению социальной психологии» [33, с. 10]. На первый взгляд, из этих слов можно сделать вывод, что Челпанов выступает против изучения психики, поведения и высшей нервной деятельности с помощью метода условных рефлексов И.П. Павлова. Однако это не так. Челпанов имел в виду совсем другое, о чем свидетельствуют его слова: «Учение об условных рефлексах, учение о внутренних секрециях, фрейдовское учение о сексуальных ощущениях, как выясняющие индивидуальные причины человеческого поведения, никакого отношения к марксизму не имеют. Это есть дело прежней индивидуальной психологии. Я ни в малейшей степени не отрицаю важного научного значения учения об условных рефлексах, эндокринологии и пр. для психологии, но утверждаю, что они совершенно не нужны для специально марксистской психологии, которая является социальной психологией и которая идет не на смену прежней индивидуальной психологии, а должна работать наряду с нею. Поэтому реформа психологии должна была бы состоять в организации изучения социальной психологии. Только этот вид психологии может являться характерным для марксистской идеологии» [33, с. 7].

Коротко указав основные моменты в развитии идей социальной психологии в XIX веке [33, с. 7-9], Г.И. Челпанов прямо ставит вопрос о необходимости организации в стране «специального Института социальной психологии» [33, с. 9].

В завершение второй главы Челпанов делает вывод, апеллируя к обрисованной им в главе тенденции развития психологии в XVIII и XIX веках: «Психология в эпоху Великой французской революции сделалась физиологической, потому что в этом заключались итоги научной мысли XVIII века. Физиологизм служил оппозицией религиозной метафизике XVIII века. Чтобы понять задачу психологии текущего XX-го века, мы должны подвести итоги научной мысли XIX века. Что нового в психологии выдвинул XIX век? По моему мнению, идею коллективной психологии. Было понято, что природа человека может быть полностью изучена только в социальной жизни. С того момента, как будет осознано, что именно социальная психология есть «свое слово» XX века, тотчас кризис в психологии разрешится. Для нас сделается ясным, что нужно делать и чего не нужно делать. Не нужно заботиться о введении физиологизма в психологию, ибо это уже превосходно сделали больше чем за 100 лет до нас психологи эпохи Французской революции. Нужно организовать в широком масштабе изучение коллективной психологии» [33, с. 28].

Точку зрения Челпанова на вопрос о марксистской

психологии дополнительно проясняет оценка им книги Л. Джемсона «Очерки психологии» [9]. Челпанов пишет: «Книжка Джемсона, как я сказал, правильно решает вопрос о марксистской психологии. Именно, английские социалисты думают, что при реформе психологии в духе марксизма все отделы прежней эмпирической психологии остаются и по содержанию, и по методу без изменения, но только к ним присоединяется социальная психология в духе марксовской философии и применение психологии к марксистской социологии. И то и другое присоединение базируется на прежней психологии. Если в психологии Джемсона выделить все то, что имеет отношение к марксистской социологии и к историческому материализму, то останется самая общепринятая психология, как ее теперь пишут американские психологи. Это есть то решение, на котором я настаиваю с 1922 г. и которое я формулировал в 8-м тезисе, в книжке «Психология и марксизм» [34, с. 38].

Непосредственное ознакомление с содержанием книги Л. Джемсона подтверждает точку зрения Челпанова. Так, в авторском предисловии к «Очеркам психологии» сказано: «Эта книга, таким образом, является первой попыткой изложить [но не «отбросить» и т.п. – *С.Б.*] в пролетарском освещении основные факты и теории современной психологии, совершенно избегая при этом извращений буржуазной идеологии» [9, с. XIII].

Таким образом, и в вопросе о превращении эмпирической психологии из индивидуальной науки в науку социальную К.Н. Корнилов, образно выражаясь, «ломился в открытые ворота», в лучшем случае ставя в виде марксистских те цели и задачи, над которыми уже шла работа в мировой психологической науке.

Заканчивая на этом рассмотрение философских и методологических проблем в дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым, мы должны, по сути, лишь повторить тот вывод, к которому мы пришли в предыдущей главе, где анализировалась трактовка Корниловым и Челпановым психофизической проблемы: в своих марксистских изысканиях Корнилову не удалось убедительно сформировать свою собственную («марксистскую») позицию по обсуждаемым вопросам, вследствие чего, если говорить спортивным языком, факт победы Челпанова в дискуссии с Корниловым о значении марксизма для психологии мы можем считать эмпирически подтвержденным. На языке науки это означает, что Корнилову в ходе дискуссии не удалось отстоять свои позиции: от ряда своих исходных марксистских идей Корнилов отказался вообще и никогда к ним уже не возвращался позже (таков, например, тезис о материальности психики); по большинству же других спорных

вопросов Корнилов фактически был вынужден перейти на позиции своего главного оппонента.

Такой исход дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым во многом делает понятной дальнейшую судьбу не только марксистской психологии (реактологии) К.Н. Корнилова, но и, как нам думается, судьбу всех последующих попыток построения марксистской психологии в нашей стране.

Литература к главе 5

1. Артемов В.А. Введение в социальную психологию. М., 1927.

2. Беляев Б.В. Проблема коллектива и его экспериментально-психологического изучения // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 2. С. 179-214.

3. Блонский П.П. Очерк научной психологии // Избранные психологические произведения. М., 1964. С. 31-131.

4. Блонский П.П. Марксизм как метод решения педагогических проблем // Блонский П.П. Избранные педагогические и психологические сочинения: В 2 т. / Под ред. А.В. Петровского. М., 1979. Т.1 С. 181-186.

5. Будилова Е.А. Философские проблемы в советской психологии. М., 1972. 336 с.

6. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии. М.-Пг., б/г. 390 с.

7. Вундт В. Проблемы психологии народов. М., 1912. 132 с.

8. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 1. С. 291-487.

9. Джемсон Л. Очерк психологии / Пер. с англ. Л. Дунаевского / Под ред. и с предисловием проф. П.П. Блонского. М.-Л., 1925. 164 с.

10. Корнилов К.Н. Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). М., б/г (1921). 228 с.

11. Корнилов К.Н. Диалектический метод в психологии // Под знаменем марксизма. 1924. № 1. С. 107-113.

12. Корнилов К.Н. Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека // Корнилов К.Н. Современная психология и марксизм. 2-е изд., доп. Л., 1925. С. 91-106.

13. Корнилов К.Н. Основные течения в современной психологии // Корнилов К.Н. Современная психология и марксизм. 2-е изд., доп. Л., 1925. С. 61-75.

14. Корнилов К.Н. Современная психология и марксизм // Под знаменем марксизма. 1923. № 1. С. 41-50.

15. Корнилов К.Н. Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма. Л., 1926. 164 с.

16. Ланге Н.Н. Психология. Основные проблемы и принципы // Итоги науки в теории и практике / Под ред. проф. М.М. Ковалевского, проф. Н.Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В.М. Шимкевича. М., 1914 (1922). Т. VIII. 312 с.

17. Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40-48.

18. Ленин В.И. Карл Маркс. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 43-93.

19. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология: Соч. Т. 3. С. 7-544.

20. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство: Соч. Т. 2. С. 3-230.

21. О журнале «Под знаменем марксизма». Постановление ЦК ВКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 5. 1929-1932. 9-е изд., доп. и испр. М., 1984. С. 264-265.

22. Петровский А.В. История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М., 1967. 367 с.

23. Петровский А.В. Вопросы истории и теории психологии. Избранные труды. М., 1984. 272 с.

24. Плеханов Г.В. Предисловие переводчика ко 2-му изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Избранные философские произв.: В 5 т. М., 1957. Т. 3. С. 67-88.

25. Рейснер М. Проблемы психологии в теории исторического материализма // Вестник социалистической академии. 1923. Кн. 3. С. 210-255.

26. Смирнов А.А. Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975. 352 с.

27. Сэв Л. Современная французская философия: исторический очерк от 1789 г. до наших дней. М., 1968. 391 с.

28. Теплов Б.М. Борьба К.Н. Корнилова в 1923-1925 гг. за перестройку психологии на основе марксизма // Вопросы психологии личности. М., 1960. С. 8-20.

29. Челпанов Г.И. Введение в философию. 7-е изд. М.-Пг.Харьков, 1918. 550 с.

30. Челпанов Г.И. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. 6-е изд. М.-Пг.-Харьков, 1918. 319 с.

31. Челпанов Г.И. Психология и марксизм. 2-е изд. М., 1925. 30 с.

32. Челпанов Г.И. Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). М., 1926. 59 с.

33. Челпанов Г.И. Социальная психология или «условные рефлексы»? М.-Л., 1926. 38 с.

34. Челпанов Г.И. Спинозизм и материализм (итоги полемики о марксизме в психологии). М., 1927. 47 с.

35. Энгельс Ф. Диалектика природы: Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 339-626.

36. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической

немецкой философии: Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 269-317.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выяснение вопроса о происхождении марксистской психологии заставило нас непосредственно обратиться к самому началу – к двадцатым годам в истории отечественной психологии, т.е. к периоду становления советской психологии как марксистской науки. Именно в это время в нашей стране происходила широкомасштабная общенаучная дискуссия о значении марксизма для психологии, о возможности и необходимости построения особой науки – марксистской психологии. Одним из основных элементов этой «большой» дискуссии была дискуссия между двумя психологами – представителем эмпирической психологии Г.И. Челпановым и его бывшим учеником К.Н. Корниловым.

При проведении историко-научной реконструкции дискуссии между Корниловым и Челпановым в качестве отправной точки мы взяли доклад Корнилова «Современная психология и марксизм», впервые прозвучавший на первом съезде по психоневрологии в 1923 г., проследив в ходе последовавшего спора с Челпановым судьбу высказанных в докладе идей. Таковыми оказались следующие утверждения Корнилова: марксистское (монистическое и материалистическое) понимание психики заключается в утверждении ее материальности, в понимании психики как вида физической энергии; психика материальна, следовательно, пространственна; гипотезы параллелизма и взаимодействия должны быть отброшены, и разрешение психофизической проблемы следует видеть в понимании психики как свойства высокоорганизованной материи. При этом Корнилов исходил из того, что психология является философской дисциплиной, а марксизм представляет собой философию, «внутринаучное мировоззрение». Марксистскую психологию Корнилов характеризовал как материалистическую науку, а эмпирическую психологию (и вообще и в частности у Челпанова) – как идеалистическую и метафизическую. В методическом плане Корнилов настаивал на том, что с точки зрения марксизма необходимо признать приоритет объективных методов в психологии над субъективными. В конечном счете эмпирическую психологию Корнилов определял как индивидуальную и индивидуалистическую, призывая к развитию с точки зрения исторического материализма (марксистской социологии) социальной (классовой) психологии.

Взятые в совокупности, эти утверждения представляют собой не что иное, как предложенный К.Н. Корниловым в первой

половине двадцатых годов вариант марксистской психологии.

Результаты, полученные в ходе историко-научной реконструкции и теоретического анализа дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым, позволяют нам прийти к следующим выводам.

Материал **первой главы** убеждает нас в том, что трактовка дискуссии между Корниловым и Челпановым как проявления борьбы между материализмом и идеализмом (борьбы, закончившейся победой материализма) является эмпирически необоснованной, а попытки заполнить эту схему конкретными и точными историческими фактами приводят лишь к увеличению противоречий внутри этой схемы, а также между схемой и фактами. Соответственно, материал **второй** и **третьей** главы показал, что у Корнилова фактически не было никаких шансов (а без марксизма – и повода) для того, чтобы бросить вызов Челпанову и затем победить в дискуссии, тем более на теоретическом, философском или методологическом уровне.

Материал **четвертой** и **пятой** глав нашего исследования показал, что ни по одному из выдвинутых в начале дискуссии утверждений (а, следовательно, и по проблеме «психология и марксизм» в целом) Корнилов не сумел сказать чего-либо нового, убедительного и оригинального по сравнению со своими взглядами, ранее (в свой «домарксистский период», т.е. до 1922 г.) высказанными в «Учении о реакциях». Некоторые несущественные изменения и дополнения, сделанные Корниловым, касались только терминологии (материализм вместо энергетизма и т.д.).

Таким образом, в ходе нашего исследования не нашла своего подтверждения традиционная для отечественной историографии советского периода схема (совокупность принципов) изложения и оценки дискуссии. Прежде всего не подтвердился тезис о том, что Корнилову удалось взять верх в теоретическом споре с Челпановым благодаря обращению к марксизму.

В плане эволюции взглядов К.Н. Корнилова следует особо выделить его статью «Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека», позволяющую говорить об объективном совпадении позиций Корнилова и Челпанова. Доклад, который затем лег в основу этой статьи, был сделан Корниловым в ноябре 1924 г. в ходе устных дебатов с Челпановым. Содержание этого доклада позволило Г.И. Челпанову утверждать, имея в виду свою дискуссию с Корниловым, что «психологические вопросы, которые последние два года у нас в России были спорными, утратили свой спорный характер». Челпанова нельзя было опровергнуть или только

обойти – его можно было только перерасти.

Проанализировав исходные марксистские идеи Корнилова, мы не нашли в докладе «Современная психология и марксизм» никакого марксизма, кроме уверений Корнилова в том, что он является марксистом. В этом пункте наш анализ лишь подтвердил слова Челпанова, сказанные до появления доклада и статьи Корнилова о наивном и диалектическом материализме, что за два года (1921-1923) Корнилов «не удосужился изучить философию Маркса и, будучи чистокровным бюхнерианцем, остается в наивном убеждении, что он марксист». Приходится признать, что Челпанов был полностью прав, выступая с критикой такого марксизма и такой психологии, с точки зрения которых выступал в ходе дискуссии Корнилов.

В целом для взглядов Корнилова в ходе дискуссии были характерны следующие черты: невысокий научный уровень в понимании проблемы «психология и марксизм» как в плане психологии, так и в плане марксизма и философии вообще; неустойчивость, противоречивость и необоснованность взглядов практически по всем вопросам дискуссии; неявный отказ в ходе дискуссии от своих исходных представлений и переход на позиции, фактически совпадающие с челпановскими. Корнилову не удалось отстоять в полемике с Челпановым предложенный вариант марксистской психологии.

Для взглядов Челпанова, которые он отстаивал в ходе дискуссии, были характерны следующие черты: анализ марксизма с точки зрения психологии, а не психологии с точки зрения марксизма; оценка марксистских идей в том виде, как они конкретно представлены в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, Г.В. Плеханова, Н.И. Бухарина, В.И. Ленина и т.д., а также у сторонников марксизма в психологии, К.Н. Корнилова в первую очередь; ясное различение двух плоскостей анализа – эмпирической (собственно психологической) и метафизической (философской); утверждение о независимости психологии как самостоятельной эмпирической науки от какой бы то ни было философии или идеологии; стремление к нахождению точек соприкосновения и взаимопонимания психологии и марксизма в области философских, теоретических и прикладных проблем, имеющихся как в психологии, так и в марксизме; признание возможности и необходимости применения и разработки марксизма в качестве особого, марксистского метода в области социальной психологии.

Помимо прочего, это означает, что приоритет в деле реальной, содержательной разработки проблемы «психология и марксизм» (а не в выдвижении декларативных заявлений и

лозунгов) следует признать за Челпановым, а не Корниловым. Своим примером Корнилов показал, **как** не надо строить марксистскую психологию: марксистская психология в принципе не может появиться из марксизма готовой и во всеоружии, как Афина Паллада из головы Зевса. Но Г.И. Челпанов показал не только это, но и то, **почему** не надо строить марксистскую психологию как особую науку.

В целом реконструкция дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым вскрывает наиболее существенные стороны процесса возникновения и разработки концепции марксистской психологии в отечественной психологической науке двадцатых годов: отсутствие у сторонников марксизма в психологии сложившейся позиции по актуальным для того времени теоретическим, методологическим и философским вопросам психологии; теоретическая необоснованность и несостоятельность претензий марксизма в деле разрешения актуальных психологических проблем; утверждение марксистских идей в психологии с помощью вненаучных и ненаучных аргументов и мер административного, организационного, идеологического и политического характера.

Выявленная нами картина позволяет лучше понять дальнейшую судьбу марксистской психологии (реактологии) К.Н. Корнилова, а также судьбу марксистской психологии в целом в нашей стране. Кроме того, в настоящее время дискуссия между Корниловым и Челпановым имеет не только историческое значение. Это не только ценный экспонат в музее истории, который нельзя использовать по назначению и трогать руками. Если мы хотим глубоко разобраться с наиболее существенными, «вечными» вопросами психологии – о сущности психики, о методах психологии, о месте психологии в системе наук и о том, как все вопросы соотносятся с марксизмом, то нам никак нельзя обходить идеи и оценки, высказанные в свое время не только Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым, но и Г.И. Челпановым. В этой связи следует подчеркнуть, что дискуссия между Корниловым и Челпановым в той или иной форме послужила своего рода точкой отсчета, дала исходный «строительный материал» для последующих разработок марксистских идей в рамках концепций Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева.

Для понимания явлений, подобных дискуссии между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым, для изучения всего вопроса о том, как и почему психология в Советской России должна была в двадцатые годы стать (и стала) марксистской, требуется глубокое проникновение как во внутреннюю, так и во внешнюю историю

науки. Думается, что дальнейшее всестороннее изучение марксистской психологии «по К.Н. Корнилову» и всей дискуссии о значении марксизма, проходившей в советской психологии в 20-30-е годы (т.е. всего комплекса проблем, который мы обозначили как «происхождение марксистской психологии»), позволит не только разобраться с различными парадоксами, которыми полна история отечественной науки, но и всесторонне осмыслить источники, смысл и значение идеи о построении марксистской психологии – идее, красной нитью проходящей через всю историю советской психологии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.
Список работ К.Н. Корнилова

1. Динамометрический метод исследования реакции // Ученые записки Императорского Московского Университета. Отдел историко-филологический. Вып. 43. Психологические исследования: Труды Психологического института им. Л.Г. Щукиной при Императорском Московском Университете / Под ред. проф. Г.И. Челпанова. М., 1914. Т. 1. Вып. 1-2. С. 269-272.

2. К вопросу о природе типов простой реакции. Статья 1 // Ученые записки Императорского Московского Университета. Отдел историко– филологический. Вып. 43. Психологические исследования: Труды Психологического института им. Л.Г. Щукиной при Императорском Московском Университете / Под ред. проф. Г.И. Челпанова. М., 1914. Т. 1. Вып. 1-2. С. 1-53.

3. Новый метод экспериментального исследования воли // Труды Второго Съезда по экспериментальной педагогике. Пг., 1914.

4. Конфликт двух экспериментально– психологических школ // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве. 1891-1916: Статьи по философии и психологии. М., 1916. С. 314-328.

5. Простейшие школьные психологические опыты. 2-е изд. М., 1916. 102 с. (Совместно с Н.А. Рыбниковым и В.Е. Смирновым).

6. Рецензия на книгу: Ананьин С.А. Интерес по учению современной психологии и педагогики. – Киев, 1915 // Психологическое обозрение. 1917. Т. 1. № 1. С. 184-190.

7. Памяти проф. Александра Федоровича Лазурского // Психологическое обозрение. М., 1917. Т. 1. № 2. С. 401-402.

8. Очерк психологии ребенка дошкольного возраста. М., 1917. 115 с.

9. Конституция республики учащихся. М., 1918. 16 с.

10. Дошкольное воспитание пролетарских детей. М., 1918. 16 с.

11. Простейшие школьные психологические опыты. 3-е изд. М., 1918. 78 с. (Совместно с Н.А. Рыбниковым и В.Е. Смирновым).

12. Почему Закон Божий не должен преподаваться в школе. 3-е изд. М., 1919.

13. Дошкольное воспитание пролетарских детей. 3-е изд. М., 1919. 15 с.

14. Психология пролетарского ребенка. М., 1920.

15. Метод измерения психофизической работы: опыт

нахождения единой меры для различного рода трудовых процессов: Краткое содержание доклада (доклад прочитан 28 января 1921 г.) // Организация труда. 1921. № 1. С. 102.

16. Основные типы трудовых процессов с точки зрения реактологии // Вопросы труда. 1921. № 1.

17. О переходе от одного типа трудовых процессов к другим типам с точки зрения учения о реакциях человека (реактологии) // Организация труда. 1921. Кн. 2. С. 93-97.

18. Психология ребенка. М., 1921.

19. Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). М., б/г (1921). 228 с.

20. Психология и марксизм: Автореф. доклада // Известия. 1923. 16 января. № 10 (1747). С. 4.

21. Современная психология и марксизм // Под знаменем марксизма. 1923. № 1. С. 41-50.

22. Психология и рефлексология // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С. 86-98.

23. Психология и «теория новой биологии» // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С. 98-114.

24. Учение о реакциях человека («Реактология»). Экспериментально-психологическое исследование из лаборатории психологического научно– исследовательского института при Московском университете. Т. 1. Часть экспериментальная. 2-е изд., испр. М., б/г (1923).

25. Диалектический метод в психологии // Под знаменем марксизма. 1924. № 1. С. 107-113.

26. Современная психология и марксизм: Сб. статей. Л., 1924. 76 с.

27. Современная психология и марксизм: Сб. статей. 2– е изд., доп. Л., 1925. 107 с.

28. Психология и марксизм // Психология и марксизм: Сб. статей / Под ред. К.Н. Корнилова. Л., 1925. С. 9-24.

29. Психология и марксизм проф. Челпанова // Психология и марксизм: Сб. статей / Под ред. К.Н. Корнилова. Л., 1925. С. 231-242.

30. Механистический материализм в современной психологии (Ответ В. Струминскому) // Под знаменем марксизма. 1926. № 4-5. С. 185-212.

31. Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма. Л., 1926. 164 с.

32. Изучение аудитории взрослых (Психологические предпосылки) // Просвещение на транспорте. 1927. № 7-8. С. 119-129.

33. Предисловие к кн.: Артемов В.А. Естественный

эксперимент. Его применение в школе I ступени. М., 1927.

34. Простейшие школьные психологические опыты. 5-е изд., перераб. М.-Л., 1927. 120 с. (Совместно с Н.А. Рыбниковым, В.Е. Смирновым).

35. Психологическое обоснование методов работы и методов изучения аудитории взрослых. М.-Л., 1927. 62 с.

36. Современное состояние психологии в СССР // Под знаменем марксизма. 1927. № 10-11. С. 195-217.

37. Современное состояние психологии в СССР // Ученые записки / Под ред. К.Н. Корнилова. М., 1928. Т. III С. 5-25.

38. О взрывных реакциях // Ученые записки / Под ред. К.Н. Корнилова. М., 1928. Т. III. С. 37-44.

39. Сравнительная значимость методов научного исследования в области психологии и педологии с точки зрения марксизма // Психология. 1928. Т. 1. Вып. 1. С. 5-28.

40. Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма. 2-е изд., испр. и доп. М.-Л., 1928. 204 с.

41. Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма. 4-е изд. М.-Л., 1929. 204 с.

42. Воззрения современных механистов на закон сохранения энергии и психику // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 1. С. 3-15.

43. Принцип однополюсной траты энергии в применении к обучению чтению и письму взрослых // Здоров А. Обучение письму / Под ред. и с предисл. проф. К.Н. Корнилова. М., 1929. С. 9-16.

44. Психика и закон сохранения энергии // Естествознание и марксизм. 1929. № 4. С. 223-224.

45. Религия и воспитание // Революция и культура. 1929. № 9-10. С. 61-66.

46. Объективное или марксистское направление в психологии // Вестник коммунистической академии. 1929. Кн. 35-36. С. 181-204. (Совместно с Ю.В. Франкфуртом).

47. Марксистская психология и социалистическое строительство // Психоневрологические науки в СССР. Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека / Отв. ред. А.Б. Залкинд. М.-Л., 1930. С. 12-14.

48. Динамика структурных изменений поведения индивида в коллективе // Психоневрологические науки в СССР (материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека / Отв. ред. А.Б. Залкинд. М.-Л., 1930. С. 27-28.

49. Письмо в редакцию журнала «Естествознание и марксизм» // Естествознание и марксизм. 1930. № 1 (5). С. 211.

50. Религия и воспитание // Религия и культура. 1930.

№ 9-10. С. 61-67.

51. К итогам психологической дискуссии // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 44-77.

52. Задачи педагогической психологии // За политехническую школу. М., 1934. № 1.

53. Психология: Учебник для высших педагогических учеб. заведений. М., 1934. 159 с.

54. Методика преподавания психологии в педагогических институтах // Педагогическое образование. 1935. № 5.

55. Методы психологии // Методы изучения ребенка и подростка. М., 1935.

56. Вытравить буржуазный хлам из психологии // За коммунистическое просвещение. 1936. 16 декабря. № 172 (2120). С. 3.

57. О положении и задачах психологии // Советская педагогика. 1938. № 9.

58. Воспитание моральных качеств (что такое воля) // Красная Звезда. 1941. 28 марта. 1 апреля; 5 апреля.

59. К вопросу о воспитании воли // Советская педагогика. 1942. № 5-6. С. 52-57.

60. О преподавании психологии в средней школе // Советская педагогика. 1943. № 8-9. С. 17-19.

61. О самостоятельной работе студентов в вузах // Советская педагогика. 1945. № 3. С. 13-15.

62. Психология, педагогика и педагогическая психология // Советская педагогика. 1945. № 7. С. 40-42.

63. Воспитание воли у детей // Семья и школа. 1946. № 3. С. 16-19.

64. Дети семилетнего возраста // Семья и школа. 1946. № 1-2. С. 18-21.

65. Народный учитель // Известия. 1946. 1 февраля.

66. Психология: Учебник для педагогических училищ. М., 1946. 171 с.

67. Психология: Учебник для средней школы. М., 1946. 152 с.

68. К.Д. Ушинский как психолог // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. 1946. Т. XXXIII.

69. О состоянии и задачах научно-исследовательской работы по педагогическим наукам в педагогических и учительских институтах (Тезисы доклада на пленарном заседании Совещания вице-президента Акад. пед. наук РСФСР К.Н. Корнилова). М., 1947. 9 с.

70. Воспитание воли и характера. М.-Л., 1948. 32 с.

71. Воспитание воли и характера. М., 1950. 36 с.

72. Воспитание воли и характера у детей // Советская

педагогика. 1951. № 5.

73. Выступление // Известия АПН РСФСР. Вып. 45. Материалы совещания по психологии. Стенографический ответ / Редколлегия: А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов. М., 1953. С. 210-213.

74. О задачах советской психологии // Вопросы психологии. 1955. № 4. С. 16-28.

75. Научно-исследовательская работа кафедры психологии Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина // Вопросы психологии. 1955. № 6. С. 125.

76. Воля и ее воспитание. М., 1957. 24 с.

77. Как я стал педагогом // Учительская газета. 1957. 11 июля. № 82 (4207). С. 3.

78. Принципы изучения психологии личности советского человека // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 131-141.

79. Естественнонаучные предпосылки психологии / Авт. вступ. ст. и сост.: канд. психол. наук С.А. Богданчиков. М., 1999. 496 с. («Психологи Отечества»).

80. *Kornilov K.N.* Psychology in the light of dialectic materialism // Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. Worcester, London, 1930. P.p. 243-278.

81. *Kornilov Konstantin.* Einfurung in die Psychologie. Berlin-Leipzig, 1949. 140 S.

К.Н. Корнилов – редактор

1. *Артемов В.А., Бернштейн Н.А., Выготский Л.С., Добрынин Н.Ф., Лурия А.Р.* Практикум по экспериментальной психологии / Под ред. К.Н. Корнилова. М.Л., 1927. 231 с.

2. *Артемов В.А., Выготский Л.С., Добрынин Н.Ф., Лурия А.Р.* Психологическая хрестоматия / Под ред. К.Н. Корнилова. М.Л., 1927. 432 с.

3. Ученые записки / Под ред. К.Н. Корнилова. М., 1928. Т. III 204 с.

4. *Гайворовский А.А.* Основы психотехники политпросветработы. Минск, 1928.

5. Естественнонаучные предпосылки психологии: Сб. статей / Под ред. К.Н. Корнилова. М., 1929. 116 с.

6. Здоров А. Обучение письму / Под ред. и с предисл. проф. К.Н. Корнилова. М., 1929.

7. Элементы дифференциальной психологии. М., 1929.

8. Элементы общей психологии (основные механизмы человеческого поведения). М., 1930.

9. Элементы социальной психологии: Сб. статей. М., 1930.

10. *Любимов П.С.* Практикум по экспериментальной психологии. М., 1936.

11. Институт психологии, Москва // Ученые записки Государственного научно-исследовательского института психологии. М., 1940-1941.

12. Психология: Учебное пособие для пед. и учительских институтов / Под ред. К.Н. Корнилова, Б.М. Шварца. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1941. 376 с.

13. Психология / Под ред. проф. К.Н. Корнилова, проф. А.А. Смирнова, проф. Б.М. Теплова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1948. 456 с.

14. *Якобсон П.М.* Психология чувств. М., 1956.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.
Список работ Г.И. Челпанова[17]

1. Рецензия на книгу: *Fechner G. Th.* Elemente der Psychophysik. 2 Aufl. Leipzig, 1889 // Вопросы философии и психологии. 1889. Кн. 1. С. 89-90.

2. Рецензия на книгу: *Wundt W.* Philosophische Studien. Bd. 4. Heft.

3. Leipzig, 1889 // Вопросы философии и психологии. 1889. Кн. 1. С. 90-92.

4. Рецензия на книгу: *Paulham Fr.* L 'activité mentale et les éléments de l 'esprit. Paris, 1889 // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 2. С. 102-103.

5. Обзор журнала: The American Journal of Psychology. Vol. 11. № 4. 1890 // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 3. С. 72-74.

6. Рецензия на книгу: *Каптерев П.Ф.* Из истории души. Очерки из истории ума. СПб., 1890 // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 5. С. 84-87.

7. Рецензия на книгу: Congrès international de psychologie physiologique. Premiere session. Paris, 1890 // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 5. С. 91-92.

8. Рецензия на книгу: *Борис. арх.* О невозможности чисто физиологического объяснения душевной жизни человека. Харьков, 1890 // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 7. С. 68-69.

9. По поводу статей Н.Н. Ланге // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 7. С. 92-98.

10. Обзор журнала: Philosophische Studien // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 8. С. 58-61.

11. Рецензия на книгу: *Preyer W.* Die Seele des Kindes. Leipzig, 1890 // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 8. С. 73-76.

12. Рецензия на книгу: Foveau de Courmelles. Les facultés mentales des animaux. Paris, 1890 // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 8. С. 86-87.

13. Возражение на предыдущую заметку // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 8. С. 93-95[18].

14. Измерение простейших умственных актов // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 9. С. 19-57.

15. Рецензия на книгу: *Серебряков П.* Учение о душевных движениях в применении к сценическому искусству. М., 1891 // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 9. С. 111-112.

16. Гельмгольц как философ и психолог // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 10. С. 41-51.

17. Рецензия на книгу: *Кандинский В.* О псевдогаллюцинациях. СПб., 1890 // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 10. С. 66-67.

18. К вопросу об априорности и врожденности в современной философии: вступительная лекция, читанная в Университете Св. Владимира 6 октября 1892 г. // Университетские Известия. 1892. № 10. С. 1-14.

19. К вопросу об априорности и врожденности в современной философии: вступительная лекция, читанная в Университете Св. Владимира 6 октября 1892 г. Киев, 1892. 16 с.

20. Что такое память и как ее развить? // Мир Божий. 1892. № 11. С. 35-61; № 12. С. 1-27.

21. Психология: Лекции (1891-1892) (литографированное издание). М., 1892. 615 с.

22. Обзор журнала: Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1891. Bd. 2. Hefte 1-5 // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 11. С. 60-64.

23. Рецензия на книгу: *James W.* The principles of Psychology. New York, 1890 // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 11. С. 69-76.

24. Рецензия на книгу: *Zadd G. T.* Outlines of Physiological Psychology. L., 1891 // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 11. С. 76-78.

25. Рецензия на книгу: *Казанский А.* Учение Аристотеля о значении опыта при познании. Одесса, 1891 // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 12. С. 55-62.

26. Рецензия на книгу: *Baldwin I. M.* Handbook of Psychology. L.-P., 1890 // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 12. С. 72-74.

27. Обзор журнала: Philosophische Studien. Vol. 7. Heft 3 // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 13. С. 41-43.

28. Рецензия на книгу: *Morgan L.* Animal life and intelligence. L., 1890 // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 13. С. 59-62.

29. Рецензия на книгу: *Fischer L.* Theorie der Gesichtswahrnehmung. Mainz, 1891 // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 15. С. 86-89.

30. Рецензия на книгу: *Sully J.* The human mind. L., 1982 // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 16. С. 88-89.

31. Рецензия на книгу: *Stumpf C.* Psychologie und Erkenntnistheorie. München, 1892 // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 16. С. 92-96.

32. Глазомер и иллюзии зрения // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 17. С. 45-54; Кн. 18. С. 1-13.

33. О природе времени // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 19. С. 36-54.

34. Очерки из психологии слепых // Мир Божий. 1894. № 1. С. 34-53; № 2. С. 105-121.

35. Рецензия на книгу: *Wundt W.* Vorlesungen über die Menschenund Thierseele. Hamburg, Leipzig, 1892 // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 21. С. 144-146.

36. Рецензия на книгу: *Циген Т.* Физиологическая психология / Пер. с нем. СПб., 1893 // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 21. С. 146-149.

37. Обзор журнала: Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1893. Bd. 5 // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 21. С. 153-158.

38. Рецензия на книгу: *Kulpe O.* Grundriss der Psychologie auf experementeller Grundlage dargestellt. Leipzig, 1893 // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 22. С. 261-264.

39. Обзор журнала: Philosophische Studien. B. 10. H. 1 // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 25. С. 711-719.

40. Обзор журнала: Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. Hamburg, Leipzig. Bd. 7 // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 26. С. 75-79.

41. Рецензия на книгу: L 'année psychologique, publiée par H.B. Beaunis et A. Binet. Paris, 1895 // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 28. С. 375-377.

42. Рецензия на книгу: *Рибо Т.А.* Современная германская психология / Пер. Л. Ройзмана. СПб., 1895 // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 28. С. 377-379.

43. Письмо в редакцию (по поводу перевода книги Рибо «Современная германская психология») // Вопросы философии и психологии. 1895. Кн. 29. С. 521-530.

44. Указатель новейшей литературы по вопросу о материализме // Университетские Известия. 1896. № 9. С. 1-40.

45. Проблема восприятия пространства в связи с учением об априорности и врожденности: В 2 ч. Киев, 1896-1904. Ч. 1. Представление пространства с точки зрения психологии. Киев, 1896. XV, 387 с.; Ч. 2. Представление пространства с точки зрения гносеологии. Киев, 1904. 429 с.

46. Мозг и мысль (критика материализма) // Мир Божий. 1896. № 1. С. 28-48; № 2. С. 124-147.

47. О ценности жизни (критика пессимизма) // Мир Божий. 1896. № 11. С. 88-109; № 12. С. 62-83.

48. (Ред.) Компейрэ Г. Основания экспериментальной

психологии / Пер. с франц. под ред. прив.-доц. Г. Челпанова. СПб., 1896. 204 с.

49. К вопросу о материализме (Ответ на возражения) // Мир Божий. 1897. № 8. С. 1-22; № 9. С. 55-70.

50. Еще к вопросу о материализме // Мир Божий. 1897. № 10. С. 52-61.

51. История основных вопросов этики: Курс публичных лекций Киев, 1897. 148 с.

52. К вопросу о восприятии пространства // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 37. С. 276-287.

53. Курс лекций по логике. Киев, 1897. 116 с.

54. Обзор новейшей литературы по теории познания (1890-1898) (Авенариус и его школа) // Университетские Известия. 1898. № 10. С. 115-158.

55. Обзор новейшей литературы по теории познания (1890-1898). Киев, 1898. 44 с.

56. Обзор новейшей литературы по психологии (1894-1898). Киев, 1898. 39 с.

57. Обзор новейшей литературы по вопросу о восприятии пространства (1895-1898) // Университетские Известия. 1898. № 4. С. 1-44.

58. Обзор новейшей литературы по вопросу о восприятии пространства. 1895-1898. Киев, 1898. 44 с.

59. Обзор литературы по природе геометрических аксиом // Университетские Известия. 1899. № 7. С. 153-192.

60. О природе геометрических аксиом. Обзор новейшей литературы по теории познания. Киев, 1899. 40 с.

61. Обзор литературы по психологии (учение о душе) // Университетские Известия. 1899. № 8. С. 194-235.

62. Обзор новейшей литературы по психологии. Учение о душе. Киев, 1899. 43 с.

63. Избранные главы из психологии (Критика материализма в психологии): Курс публичных лекций. Киев, б/г.

64. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе (публичные лекции, читанные в Киеве в 1898-1899 году). СПб., 1900. 366 с.

65. Обзор литературы о трансцендентальной эстетике Канта // Университетские Известия. 1900. № 5. С. 1-40.

66. Обзор литературы о трансцендентальной эстетике Канта (18701900). Киев, 1900. 39 с.

67. Моральная система утилитаризма // Мир Божий. 1900. № 11. С. 1-16; № 12. С. 72-87.

68. О памяти и мнемонике. Популярный этюд. СПб., 1900. 117 с.

69. Обзор литературы по теории познания (учение об априорности числа, пространства, времени и причинности) // Университетские Известия. 1900. № 1. С. 1-40.

70. Обзор новейшей литературы по теории познания (учение об априорности числа, пространства, времени и причинности). Киев, 1900. 44 с.

71. Очерк современных учений о душе // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 52. С. 287-333.

72. Философия Канта // Мир Божий. 1901. № 3. С. 1-23; № 4. С. 165-187; № 5. С. 55-80; № 6. С. 84-106.

73. Курс лекций по логике. Киев, 1901. 163 с.

74. Об априорных элементах познания (понятие числа) // Вопросы философии и психологии. 1901. Кн. 59. С. 529-559; Кн. 60. С. 699-747.

75. Обзор литературы по теории познания (имманентная философия) // Университетские Известия. 1902. № 7. С. 43-81.

76. Обзор новейшей литературы по психологии (1894-1898) // Университетские Известия. 1902. № 8. С. 1-39.

77. О современных философских направлениях: Публичные лекции. Киев, 1902. 108 с.

78. Эволюционный и критический метод в теории познания // Мир Божий. 1902. № 7. С. 1-22; № 8. С. 94-117.

79. Неогеометрия и ее значение для теории познания // Вопросы философии и психологии. 1902. Кн. 62. С. 934-953; Кн. 63. С. 1137-1157; Кн. 64. С. 1221-1247; Кн. 65. С. 1379-1408.

80. Психология и теория познания // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. 66. С. 97-124; Кн. 67. С. 167-189; Кн. 68. С. 231-255.

81. Мозг и душа. 2-е изд. СПб., 1903.

82. О памяти и мнемонике. Популярный этюд. 2-е изд. СПб., 1903.

83. 2-й международный философский конгресс в Женеве // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 74. С. 579-599.

84. (Ред.) Труды Психологической Семинарии при Университете св. Владимира: Философские исследования, обозрения и проч. Киев, 1904-1908. Т. 1. Вып. 1.

85. (Ред.) Труды Психологической Семинарии при Университете Св. Владимира: Философские исследования, обозрения и проч. Киев, 1904. Т. 1. Вып. 2.

86. Обзор литературы по теории познания (имманентная философия) // Труды Психологической Семинарии при Университете св. Владимира: Философские исследования, обозрения и проч. Киев,1904. Т. 1. Вып. 1. С. 1-39.

87. Отчет о деятельности Психологической Семинарии при

Университете Св. Владимира за 1897-1902 годы // Труды Психологической Семинарии при Университете св. Владимира: Философские исследования, обозрения и проч. Киев, 1904. Т. 1. Вып. 1. С. 1-11.

88. Авенариус и его школа // Труды Психологической Семинарии при Университете св. Владимира: Философские исследования, обозрения и проч. Киев, 1904. Т. 1. Вып. 2. С. 1-42.

89. (Ред.) Труды Психологической Семинарии при Университете Св. Владимира: Философские исследования, обозрения и проч. Киев, 1905. Т. 1. Вып. 3.

90. Априоризм и эмпиризм (Ответ проф. Гилярову) // Труды Психологической Семинарии при Университете Св. Владимира: Философские исследования, обозрения и проч. Киев,1905. Т. 1. Вып. 3. С. 1-32.

91. Введение в философию. Киев, 1905. 532 с.

92. Учебник психологии. Киев, 1905. 112 с.

93. Учебник психологии (для гимназий и самообразования). 2-е. изд., испр. Киев, 1906. 207 с.

94. Учебник логики. Киев, Одесса, 1906. 680 с.

95. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе (публичные лекции, читанные в Киеве в 1898-1899 году). 3-е изд. Киев, 1906. XII, 366 с.

96. О постановке преподавания психологии в средней школе // Вопросы философии и психологии. 1906. Кн. 83. С. 311-325.

97. Введение в философию. 3-е изд. Киев, 1907. 528 с.

98. Об отношении психологии к философии (вступительная лекция, читанная в Московском университете 19 сентября 1907 г.) // Вопросы философии и психологии. 1907. Кн. 89. С. 309-323.

99. Введение в философию. 3-е изд. Киев, 1907. 528 с.

100. Отчет о деятельности Психологической семинарии при Университете св. Владимира за 1902-1906 годы // Университетские известия. 1907. № 3. С. 1-11.

101. 100. (Ред.) Труды Психологической Семинарии при Университете Св. Владимира: Философские исследования, обозрения и проч. Киев, 1907. Т.1. Вып. 4.

102. Рецензия на соч. И.С. Продана «О памяти» // Труды Психологической Семинарии при Университете св. Владимира: Философские исследования, обозрения и проч. Киев, 1907. Т. 1. Вып. 4. С. 1-20.

103. Отчет о деятельности Психологической Семинарии при Университете Св. Владимира за 1902-1906 годы // Труды Психологической Семинарии при Университете св. Владимира: Философские исследования, обозрения и проч. Киев, 1907. Т. 1. Вып. 4. С. 1-11.

104. (Ред.) Труды Психологической Семинарии при Университете Св. Владимира: Философские исследования, обозрения и проч. Киев, 1908. Т. 2. Вып. 5.

105. Об уме животных // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 91. С. 45-79.

106. О предмете психологии // Вопросы философии и психологии. 1908. Кн. 93. С. 228-250.

107. Об экспериментальном исследовании высших умственных процессов // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 96. С. 1-30.

108. .Задачи современной психологии // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 99. С. 285-308.

109. .Нужны ли психологические лаборатории для самостоятельных исследований при средних учебных заведениях? (ответ А.П. Нечаеву) // Вопросы философии и психологии. 1909. Кн. 100. С. 811-814.

110. Дополнительный курс логики, читанный в Московском университете в 1908-1909 акад. г. Изд. О-ва взаимопомощи студентов-филологов по запискам студ. С. Игнатова и С. Чемоданова, под наблюдением чл. изд. ком. С. Игнатова. М., 1909. 84 с.

111.Дополнительный курс Логики, читанный в Московском университете в 1908-1909 акад. г. Издание Общества взаимопомощи студентов-филологов по запискам студ. С. Игнатова и С. Чемоданова. М., 1909. 112 с.

112. .Психология. Основной курс, чит. В Московском ун-те в 1908-1909 г. / Под ред. Г.О. Гордона и Н.А. Рыбникова: В 2 ч. Ч. 1. М., 1909. 279 с.; Ч. 2. М., 1909. 230 с.

113.Введение в философию. 4-е изд. М., 1910. 543 с.

114. .Лекции по экспериментальной психологии. Курс 1909/1910 уч. года: В 2 ч. Ч. 1. 171 с.; Ч. 2. 108 с. Б.м., б.г.

115.Современная индивидуальная психология и ее практическое значение // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 103. С. 306-330.

116.Джемс как психолог // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 104. С. 437-456.

117.Место ли психологии в средней школе? // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 104. С. 256-268.

118.Что нужно знать педагогу из психологии // Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. 106. С. 38-69.

119.Письмо в редакцию // Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. 106. С. 121.

120. .Об американских психологических институтах (из путешествия по Америке) // Вопросы философии и психологии.

1911. Кн. 108. С. 234-258.

121. .Об измеримости психических явлений // Философский сборник. Льву Михайловичу Лопатину к тридцатилетию научно-педагогической деятельности. От Московского Психологического Общества. 1881-1911. М., 1912. С. 265-281.

122. .Сборник статей (Психология и школа). М., 1912. 207 с.

123. .Задачи и организация Московского психологического института // Труды Всероссийского съезда по экспериментальной педагогике. СПб., 1912.

124.. О положении психологии в русских университетах // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 114 (4). С. 211-223.

125. О прикладной психологии в Германии и Америке // Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 115 (5). С. 399-434.

126.. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе (публичные лекции, чит. в Киеве в 1898-1899 году). 5-е изд. М., 1912. 319 с.

127.. Об экспериментальном методе в психологии // Новые идеи в философии: Сб. СПб., 1913. № 9. С. 12-39.

128. К вопросу об отношении между психофизическими методами. Статья первая // Ученые записки Имп. Моск. ун-та. Вып. 43. Труды Психологического института. Психологические исследования. М., 1914. Т. 1. Вып. 1-2. С. 213-268.

129. Психологический институт при Московском университете // Ученые записки Имп. Моск. ун-та. Вып. 43. Труды Психологического института. Психологические исследования. М., 1914. Т. 1. Вып. 1-2. С. 273-298.

130. Учебник логики (для гимназий и самообразования). 8-е изд. для средних учебных заведений. М.-Пг., 1915. 196 с.

131.Введение в экспериментальную психологию. М., 1915. 293 с.

132. Введение в философию. 6-е изд. С приложением вопросника и конспективного обзора истории философии. М.-Пг., 1916. 558 с.

133. Рецензия на книгу: *Шпет Г.Г.* История как проблема логики. Ч. 1. Материалы. М., 1916 // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 134. С. 316-324.

134. О превращении школ в психологические лаборатории // Психологическое обозрение. М., 1917. Т. 1. № 2.С. 264-278.

135.По поводу книги В.В. Зеньковского «Проблема психической причинности» // Психологическое обозрение. М., 1917. Т. 1. № 2. 339-346.

136. Рецензия на кн.: *Болтунов А.П.* Метод анкеты в педагогическом и психологическом исследовании. М., 1916; *Рыбников Н.* Деревенский школьник и его идеалы. Очерки по

психологии школьного возраста; *Рыбников Н.* Идеалы гимназисток. Очерки по психологии юности. М., 1916 // Психологическое обозрение. М., 1917. Т. 1. № 2. С. 368-372.

137. Об аналитическом методе в психологии // Психологическое обозрение. 1917. Т. 1. Вып. 1-2. С. 3-17.

138.Учебник психологии. 14-е изд. М.-Пг., 1918. 224 с.

139. Об аналитическом методе в психологии // Психологическое обозрение. 1918. Т. 1. Вып. 3-4. С. 451-468.

140. Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. 6-е изд. М.-Пг.-Харьков, 1918. 319 с.

141. Введение в философию (с приложением вопросника и конспективного обзора истории философии). 7-е изд. М.-Пг., 1918. 548 с.

142. Учебник психологии (для гимназий и самообразования). 15-е изд. М., 1918. 224 с.

143. .Учебник психологии (для гимназий и самообразования). 16-е изд. М.-Пг., 1918. 224 с.

144. .Демократизация школы (по поводу проекта Государственного Комитета по народному образованию). М., 1918. 60 с.

145.Введение в экспериментальную психологию. 2-е изд. М., 1918. 293 с.

146. .Учебник логики. 9-е изд. 1918. 196 с.

147. .Учебник психологии. 16-е изд. М., 1919. 224 с.

148. Психология труда (краткое изложение доклада проф. Челпанова, читанного 19 декабря 1920 года) // Организация труда. 1921. № 1 (март). С. 99-100.

149. Введение в экспериментальную психологию. 3-е изд. М., 1924. 294 с.

150. Психология и марксизм. М., 1924. 29 с.

151. Биологическая точка зрения в психологии // Неврология, невропатология, психология, психиатрия: Сборник, посвященный 40-летию научной, врачебной и педагогической деятельности проф. Г.И. Россолимо. 1884-1924. М., 1925. С. 207-217.

152. Объективная психология в России и Америке (Рефлексология и психология поведения). М., 1925. 79 с.

153. .Психология и марксизм. 2-е изд. М., 1925. 30 с.

154. Предпосылки современной эмпирической психологии (доклад, читанный на первом Психоневрологическом съезде в Москве в январе 1923 г.) // Психология или рефлексология? (спорные вопросы психологии). М., 1926. С. 5-18.

155. Очерки психологии. М.-Л., 1926. 256 с.

156. Психология или рефлексология? (спорные вопросы

психологии). М., 1926. 59 с.
157. Социальная психология или «условные рефлексы»? М.-Л., 1926. 38 с.
158. Спинозизм и материализм (итоги полемики о марксизме в психологии). М., 1927. 47 с.
159. Учебник логики. М., 1945. 147 с.
160. Учебник логики. М., 1946. 159 с.
161. Учебник логики. М., 1994.
162. Мозг и душа. М., 1996.

notes

1

Лазарчук А.Г. Все способные держать оружие …: Фант. роман. М.-СПб., 1997. С. 294.

2

Юнг К.Г. Воспоминания. Сновидения. Размышления / Пер. с нем. Киев, 1994. С. 95.

3

Данный параграф представляет собой значительно дополненный текст статьи [6].

4

В короткой информации о IV Челпановских чтениях (Психологический институт РАО, 4 апреля 1998 г.) сообщается о том, что В.А. Роменец и И.П. Манохо стали лауреатами премии им. Г.И. Челпанова II степени за цикл исследований «Деятельность Г.И. Челпанова (киевский период)»; кроме того, И.П. Манохо выступил на чтениях с докладом о первом Челпановском семинаре в Киеве [62]. О публикации этих материалов у нас, к сожалению, нет сведений.

5

Частично материалы данного параграфа ранее были опубликованы в статье [5].

6

В основу данного параграфа положена вступительная статья к сборнику избранных работ К.Н. Корнилова, вышедшему в серии «Психологи Отечества» [7].

Джилас М. Лицо тоталитаризма / Пер. с сербо-хорватского. М., 1992. С. 235.

8

Данный параграф представляет собой дополненный текст статьи [19].

Абэ К. Избранное / Пер. с япон. М., 1982. С. 235.

Так называется и автореферат доклада [47]. Затем К.Н. Корнилов дал докладу другое название – «Современная психология и марксизм». Статья Корнилова «Психология и марксизм» [53] относится к более позднему этапу дискуссии.

Но не «горячую поддержку», как об этом говорится у А.А. Смирнова. Разница, с нашей точки зрения, является принципиальной.

Маяковский В.В. Соч.: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 351.

13

В сокращенном виде содержание четвертой и пятой главы изложено в [3].

14

Г.И. Челпанов имеет в виду 3-е издание своей книги «Введение в экспериментальную психологию» [41].

15

Конквест Р. Большой террор / Пер. с англ. Рига, 1991. Ч. II.С. 56.

16

Выше Л. Сэв упоминает труды А. Валлона и Р. Заззо [27 , с. 349].

17

При поиске работ Г.И. Челпанова, опубликованных в «Вопросах философии и психологии», наша задача была значительно упрощена благодаря исчерпывающей публикации содержания журнала «Вопросы философии и психологии» в «Вопросах философии» (1993. № 9. С. 127-150; № 11. С. 122-151).

18

Ланге Н.Н. Ответ г. Е. Челпанову // Вопросы философии и психологии. 1891. Кн. 8. С. 90-93